

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

12

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Н.П. Лигенко** — Формирование предпринимательского капитала в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В.А. Виталь** — Иван Яковлевич Лайдонер 25

СООБЩЕНИЯ

- А.А. Слезин** — «Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920-х — 1930-х гг. 36
- В.Г. Кикнадзе** — Развитие радиоразведки отечественного Военно-Морского Флота в первой половине XX в. ... 47
- П.А. Мистрюгов** — Судьбы «бывших» в российской провинции в годы гражданской войны (1918—1920 гг.) 61
- А.В. Тырсенко** — На пути к Брюмеру 74

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- И.А. Искендеров** — Великие державы и становление албанской государственности ЮЗ — 1914 гг. 86

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.И. Тетуев** — Региональные особенности демографических и миграционных процессов в российском обществе 94
- Э.Г. Задорожнюк, И.Е. Задорожнюк** — Становление истории идей: три труда между двумя войнами и двумя революциями 99

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Г.Б. Избасарова** — М.В. Ладыженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи ... 112

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Е.Д. Гордина** — Детские дома в Горьковской области в послевоенный период (1946—1948 гг.) 123
- С.Е. Виноградов** — Попытка создания в России большого ковочного завода в 1915—1917 гг. 129
- Е.Б. Касаткина, А.А. Машковцев** — Польские и кавказские ссыльные в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в. 137
- Документ Центрального государственного архива Республики Дагестан о рабстве в Дагестане в начале 1860-х гг. Публикация подготовлена **Г.М. Гусейновым и Х.М. Доного** 145
- Б.Б. Керимов** — Административная система управления Ленкоранского уезда в XIX — начале XX в. 149
- В.Р. Вейсалова** — К вопросу об искусственном орошении в Азербайджане в конце XIX в. 155

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- В.В. Иванов** — Споры о евхаристии и «религиозное собеседование» в Марбурге 1529 г. 161
- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2017 году 171

Формирование предпринимательского капитала в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в.

Н.П. Лигенко

Аннотация. На основе комплексной источниковой базы выявлены особенности формирования предпринимательского капитала в городах и уездах провинции, показана роль социальных слоев населения в развитии торговли и промышленности, рассмотрены процессы эволюции экономических форм производства, образования товарищеских объединений. Жизнь города и деревни в переплетении социально-экономической, культурно-бытовой, общественной сфер развития способствовала модернизации региона, эволюции его экономики из аграрной в аграрно-индустриальную, укреплению системы жизнеобеспечения населения.

Ключевые слова: модернизация, город, деревня, предпринимательство, промышленность, торговля, товарищеские объединения, социальные слои населения.

Abstract. On the basis of a comprehensive source base identified peculiarities of formation of entrepreneurial capital in cities and counties of the province, shows the role of the social strata of the population in the development of trade and industry, the processes of evolution of economic forms of production, education friendly associations. Life of towns and villages in the socio-economic, cultural and social developments, has contributed to the modernization of the region, the evolution of its economy from agrarian in the agro-industrial, strengthen the livelihoods of the population.

Key words: modernization, town, village, an enterprise, industry, Commerce, friendship associations, social strata of the population.

Большое разнообразие исторической жизни каждого региона России определяет важность изучения проблематики на уровне местной истории, что дает возможность вносить определенные коррективы в концепцию исторического развития страны. В свое время при работе над монографией «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма», и поныне не потерявшей своей исторической значимости, И.Д. Ковальченко пришел к выводу

Лигенко Нэлли Павловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка, литературы Уральского отделения РАН. E-mail: ligenko@udnii.ru.

Ligenko Nelli P. — doctor of historical sciences, leading researcher at the Udmurt Institute of History, Language and Literature. Ural Branch of RAS. E-mail: ligenko@udnii.ru.

о том, что в решении такой важной задачи, как установление степени сохранности и состояния первичных данных различных переписей и обследований, делопроизводственной и прочей документации низовых и местных органов управления, представительных и других организаций, систематического вовлечения их в научный оборот «ведущую роль должны сыграть усилия исследователей, работающих в республиках, краях и областях нашей страны»¹.

В историографии предпринимательского слоя общества Камско-Вятского региона внимание исследователей приоритетно направлено на освещение истории развития купечества и купеческих династий. Согласно устоявшейся традиции, в данной публикации за основу взяты четыре уезда Вятской губернии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сырапульский), расположенные в Камско-Вятском междуречье, в основном составившие территорию Удмуртской Республики. В контексте модернизационных процессов исследуются историко-демографическое, социально-экономическое развитие, формы товарищеских объединений, родословие отдельных купеческих династий, а также выявляются уникальные, специфические черты менталитета деловых людей провинции². Наряду с общими просматриваются региональные особенности — в общей массе купечеству провинции, отличавшемуся наибольшей патриархальностью, свойственен более выраженный патриотизм, соборность, коллективное участие во всех самых малых и больших делах, трудовая активность. Третье сословие «не превращается в призрак», оно самоидентифицируется, сохраняя свой стержень, свои корпоративные устои.

При исследовании проблемы выявлен и, в основном, впервые введен в научный оборот широкий комплекс источников, сосредоточенных в фондах многих архивов страны³.

Анализ общего и особенного в формировании предпринимательского слоя общества в Камско-Вятском регионе указывает на развитие тех же процессов в экономике региона, что и в центральной России, но с некоторой замедленностью коренных преобразований.

Характер, уровень и специфические особенности путей формирования предпринимательского капитала определялись совокупностью различных факторов: природно-географических, исторических, законодательных, экономических, социально-сословных, этнических, и, наконец, личностных проявлений. Несомненно, важнейшее значение имела законодательная политика правительства. Сегодня данная проблематика все больше привлекает внимание исследователей. Рассмотрена торгово-промышленная политика царского правительства, с одной стороны, и предпринимательской буржуазии, с другой (Л.Е. Шепелев), изучен процесс принятия закона, регулирующего предпринимательскую деятельность (Шепелев, Б.В. Ананьич)⁴. Сделан вывод о том, что в первой половине XIX в. наблюдались законодательные ограничения торгово-промышленной деятельности (С.В. Першин), тогда как во второй половине XIX в. просматривается тенденция к ее либерализации⁵. И.В. Поткина считает, что торгово-промышленное законодательство в России основывалось на принципах свободы, равноправия и бессословности, оно не сковывало предпринимательской инициативы российских подданных, вместе с тем, отставало от западных норм, обеспечивавших прогрессивно-подоходное обложение⁶.

Основной костяк предпринимательского слоя общества в исследуемом регионе составляло купечество. В первые два пореформенных десятилетия 20% от числа всех предпринимателей поставляли иногородние купцы, мигрировавшие как из близлежащих губерний (Пермской, Казанской, Уфимской), так и дальних (Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской и Московской) ⁷. Немаловажную роль в успешном внедрении внешнего капитала сыграл исторический фактор: по своему социально-экономическому развитию Камско-Вятский край отставал от центральных регионов более чем на 20 лет. Купеческие семьи мигрировали в Камско-Вятский регион, в основном, в 1860—1870-е гг., когда местное предпринимательство еще не окрепло. В то же время, прибывшие купцы имели за плечами традиционно накопленный опыт, отеческий капитал и «крепкую родоу», широкие деловые связи. Несомненно, успеху сопутствовал передающийся по наследству коммерческий талант: деды — отцы — внуки, деловая активность, умение мыслить масштабно, способность к риску.

Так, чаще всего, вместе с семьями мигрировали уже состоявшиеся купцы, в расцвете своих творческих сил и возможностей их реализовать. При этом местом рождения старших детей была родина родителей — города и веси выше перечисленных губерний, а младших — города и заводские поселки Камско-Вятского региона. Так, во второй половине XIX в. в сарапульское купечество из Пермской губернии г. Осы были перечислены купеческие семейства А.П. Галосова (в 1864 г.), Ф.Я. Тихонова (в 1865 г.), Н.И. Осипова (в 1870 г.); из г. Оханска — Н.К. Бахтиярова (в 1880-е гг.), позднее — его сына. Семейство Михаила Савельевича Колчина (в 1862 г.) мигрировало в Сарапул из села Макарьево Нижегородской губернии. Однако вскоре (в 1864 г.) оно перевелось в рыбинское 1-й гильдии купечество. Несколько купеческих семейств мигрировало из гг. Бузулука и Бирска. Так, в 1879 г. из бирских купцов 2-й гильдии в сарапульское купечество был перечислен Н.В. Смагин, а из Зарайского уезда Рязанской губернии — Бодалева (1864 г.). Следует заметить, что семейством Бодалевых был предпринят довольно смелый, рискованный шаг: миграция в Прикамье сразу четырех братьев: Иван Ивановича (1831—1906 гг.), Александра Ивановича (1836—1916 гг.), Алексея Ивановича (1837—1894 гг.), Егора Ивановича (1845—1909 гг.). Прибыв в Сарапул, сыновья вместе со своими семьями были записаны на один капитал главы рода — своей матери — вдовы, купчихи Устиньи Ивановны Бодалевой. «Из купеческих сыновей г. Малоярославля» ⁸ в сарапульское купечество (в 1868 г.) была зачислена семья С.Г. Тюнина. Купеческая чета Котеневых перевелась в сарапульское купеческое общество из Тульской губернии, откуда родом был глава семейства Михаил Константинович. Его жена, Эмма Ивановна, была из Верхотурского уезда Пермской губернии. Из казанских 2-й гильдии купцов перевелся С.Г. Пешехонов. Следует отметить, что Пешехонов — сарапульский купец, который в 1879 г. в поисках удачи уехал в Казань. С.Н. Дедюхин был перечислен в сарапульское 1-й гильдии купечество из бирских 2-й гильдии купцов Уфимской губернии ⁹.

Частым явлением была миграция холостых купцов, чаще в статусе «купеческих сыновей», которые в поисках благоприятных условий для предпринимательской деятельности, женившись на местных, чаще всего

купеческих дочерях, оседали в регионе. Так, в 1880-е гг. купец Оханского уезда Пермской губернии М.Е. Гулин, торговец мануфактурными товарами, выбрав в жены сарапульчанку Пелагею Петровну, перевелся в сарапульское купеческое общество. Д.Я. Ущеренко, торговец мануфактурными товарами, родом из Киевской губернии, женившись на сарапульчанке Гене Хейбовой, также осел в Сарапуле ¹⁰.

Выявляется и другая тенденция: местный купец, пребывая в дальних поездках, привозил иногороднюю жену, чаще всего купеческую дочь, что несомненно сопровождалось укрупнением семейного капитала. Так, Х.З. Вахитов, торговец мануфактурными товарами, уроженец сарапульчанин, взял в жены Б. Абуловну из Перми. Жена сарапульского купца И.М. Колчина, владельца типографии и литографии, Анна Яковлевна, была родом из Екатеринбурга; жена Л.А. Курбатова, владельца солодовенного, мыловаренного, маслобойного предприятий и бакалейных лавок, Анна Ивановна, — жительницей Осинского уезда Пермской губернии. Следует отметить, что иногородние женщины, привезенные купцами из Пермской, Екатеринбургской, Каменск-Подольской, Уфимской, Рязанской, Симбирской, Тамбовской губерний, составляли 34% всего состава сарапульских купеческих жен и вкладывали свою лепту в развитие культуры местного населения ¹¹.

В конце XIX — начале XX в. свободные ниши торгово-промышленной сферы удмуртского края в основном были заняты, приток предпринимателей в регион замедлился; формирование буржуазного слоя общества происходило главным образом на местной почве в условиях развития промышленности и торговли, расширения сферы влияния, усиления конкурентной борьбы.

На примере самого развитого в торгово-промышленном отношении «купеческого города» Сарапула и крупных заводских поселков Ижевского и Воткинского заводов, по данным «Посемейных списков купцов г. Сарапула» и «Книги о переменах в числе купцов Вятской губернии», высвечивается картина участия отдельных социальных слоев населения в формировании предпринимательского сообщества региона ¹². Рост числа объявленных гильдейских капиталов происходил за счет подтверждения купеческого звания (24,1%), в том числе, деления семейного капитала. Приобретение гильдейских свидетельств купеческими сыновьями и вдовами наблюдалось на всем протяжении второй половины XIX — начала XX века.

Самый большой процент (50,8%), в контексте соотношения числа капиталов, во второй половине XIX — начале XX в. принадлежал мещанам, поскольку активизировалось «перечисление из местных мещан... в связи с объявлением капитала и приобретением купеческих документов» ¹³. Мещанская среда уездных городов, представленная в основном владельцами небольших торговых и промышленных заведений и сферой услуг, нарабатывавшая опыт в коммерческих делах, была благодатной почвой для формирования деловых людей. Она поглощала и вновь выдвигала успешно ведущих свое хозяйство, подающих надежды сыновей, сохраняя и пополняя купеческое сословие. Одним из ярких тому примеров служит судьба семейства И.А. и А.И. Дедюхиных, имевших трех сыновей: Николая, Владимира, Василия и дочь Марию. В 1886 г. семья была перечислена в сарапульское 1-й

гильдии купечество из пермского мещанского общества. В первой половине 1899 г. ее исключили из купеческого сословия и вновь зачислили в мещане. Однако уже во второй половине 1899 г. семья Дедюхиных была снова определена в купеческое сословие. Мещане не оставляли надежды перейти в купеческое сословие и в начале XX века. Так, в 1901 г. объявили себя купцами 2-й гильдии г. Сарапула мещане А.Е. Манин и Н.В. Зылев, записав в гильдейское свидетельство всех членов своей семьи. В 1910 г. так же поступили сарапульские мещане И.В. Адамов, А.И. Ершов, мещанин из г. Чердыни Пермской губернии — Панов и другие ¹⁴.

Как показывают исследования ряда авторов, в XVIII и первой половине XIX в. основной социальной средой формирования купеческого сословия в Камско-Вятском регионе, как и повсюду в стране, было крестьянство ¹⁵. Однако во второй половине XIX — начале XX в. на передний план в этом процессе выходило мещанство, вновь объявленных капиталов из крестьянской среды (5,3%) было мало, что указывает на своеобразие формирования купеческого сословия в пореформенный период в провинциальных регионах. В качестве примера обратимся к первоисточникам по г. Сарапулу. Так, на протяжении исследуемого периода было зафиксировано всего 23 крестьянские семьи, пополнившие сарапульское купеческое общество, из них более половины, то есть 13 семей, прибыли из различных губерний России: Рязанской, Пермской, Нижегородской, Казанской, Владимирской. Среди них: Л.Т. Тамонов с семейством из д. Терсиной Гороховецкого уезда и П.Л. Юдин — из крестьян д. Костюхиной Вязниковского уезда Владимирской губернии ¹⁶. На следующий год (1864) в купеческое сословие перешел его брат М.Л. Юдин. В 1865 г. во 2-ю гильдию был перечислен Е.С. Леляков из крестьян Рязанской губернии Егорьевского уезда Бережковской волости, д. Щеголевой и т.д. В 1901 г. был причислен к сарапульскому купечеству крестьянин Рязанской губернии с. Лавецкого П.М. Моклецов с женой и девятью детьми (пять сыновей и четыре дочери); в 1909 г. крестьянин Нижегородской губернии Макарьевского уезда и т.д. ¹⁷.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что, переход в купеческое сословие из местных крестьян был довольно редким явлением. Так, расплатившись со всеми налогами и выполнив все необходимые обязательства, заплатив за гильдейские пошлины, объявил о вступлении в сарапульское купечество в 1861 г. крестьянин С.Е. Курбатов со своим семейством из с. Каракулино Сарапульского уезда. З.Н. Попов в 1864 г. был перечислен в сарапульское купечество из крестьян с. Якшур-Бодья вместе с женой и шестью детьми (пять сыновей и одна дочь). Все они были записаны на купеческое свидетельство отца. Положив все средства на обучение детей, Захар Попов с женой Анной Васильевной не смогли возобновить свое купеческое свидетельство и с 1881 г. оказались в составе мещан г. Сарапула ¹⁸.

Редким явлением был переход в купеческое сословие из сельских обывателей (1,1%), основную массу которых в заводских и рабочих поселках составляли рабочие. Из среды элиты рабочих — оружейников — выросли до уровня крупных «ружейных фабрикантов» династии Петровых, Евдокимовых, Березиных. Однако они, с гордостью

нося звание «рабочего-оружейника», предпочитали оставаться в прежнем статусе, не переходя в купеческое сословие ¹⁹.

Постепенно в эпицентре торгово-промышленной и общественной деятельности высвечивались устойчивые предпринимательские династии, крепко стоявшие на ногах, основу которых составляло традиционное Камско-Вятское купечество уездных городов. Представителями деловой элиты становились купеческие роды Стахеевых, Ушковых, Александровых, Барабанщиковых, Гирбасовых, Пешехоновых, Курбатовых, Дедюхиных, Зылевых, Колчиных, Башениных, Смагиных, Злыгостевых и т.д. и рабочих династий: Петровых, Евдокимовых, Березиных.

Предпринимательский слой общества развил в регионе многоотраслевое промышленное производство, органично влившееся в российскую торгово-промышленную сферу, обслуживая как внутренний, так и внешний рынок. В развитие экономики региона свою лепту (в разной мере) внесли в основном все социальные слои населения: купцы, мещане, дворяне, крестьяне, рабочие. В дореформенный период и в первые два пореформенных десятилетия промышленные заведения чаще всего закладывались за счет привозного купеческого капитала. Однако удельный вес числа предприятий, принадлежавших представителям того или иного сословия, на протяжении исследуемого периода неизменно менялся. В 1881 г. удельный вес промышленных заведений, принадлежавших купцам, был самым высоким, из 102 промышленных заведений (с числом рабочих свыше 16 чел.), зафиксированных в крае, им принадлежало — 66 (64,7%). Характерно, что в этот период большую активность в развитии промышленности проявили мещане: им принадлежало 29 (28,5%) предприятий. Незначительную долю занимали крестьяне, которым принадлежало 4 (3,9%) предприятия, на долю дворян выпадал самый малый процент — 3 заведения (2,9%) ²⁰.

В начале XX в. (данные за 1909 г.) по-прежнему в составе владельцев промышленных заведений лидировали купцы — 39 предприятий (52,0%). Однако наблюдалась тенденция понижения удельного веса купеческих заведений. Заявили о себе крестьяне, которым принадлежало уже 17 заведений (22,0%). Наблюдалась тенденция, при которой состоятельные крестьяне, не переходя в купеческое сословие, выбирали промысловые свидетельства (согласно указу 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге») и могли свободно включаться в любую промышленно-торговую деятельность. Однако крестьянские заведения в регионе сфокусировались в основном на деревообрабатывающей промышленности и за редким исключением не поднялись выше мануфактуры. Удельный вес предприятий, принадлежавших мещанам, в этот период понижался, однако, он по-прежнему оставался высоким — 16 (21,0%). Еще сильнее сдали свои позиции дворяне, им принадлежало лишь 2 (2,0%) заведения ²¹.

С развитием торгово-предпринимательского капитала купцы лидировали в наиболее прибыльных отраслях промышленности; монополизировав вино-водочную, пиво-медоваренную и кожевенно-сапожную, из которых они вытеснили мещан. Купцы основали в регионе химическую отрасль, внедрили в металлургическую промышленность. Бывшим помещикам, во второй половине XIX в. состоявшим на госу-

дарственной службе и имевшим классные чины, удалось сохранить приоритет в стекольном производстве. Частные оружейные предприятия являлись сферой деятельности сельских обывателей, рабочих ижевского оружейного завода. Мелкая деревенская кожевенная, скорняжная, чеботарная и, в большинстве своем, деревообрабатывающая промышленность остались в руках крестьянского населения.

В конце XIX — начале XX в., в основном за счет внутренних ресурсов, активизировался процесс появления новых и расширения старых предприятий. К наиболее ранним, уходящим корнями в XVIII в., относилось пять металлургических заводов. Подавляющее большинство заведений (94,5%), зарегистрированных в конце XIX — начале XX в., были основаны в XIX столетии. В условиях города они начали свою историю в 1820-е гг., а в сельской местности — на два десятилетия позднее. Однако рост предприятий в негородской местности в условиях активизации модернизационных процессов конца XIX — начала XX в. шел опережающими темпами. Так, из 92 заведений (с годовой производительностью не менее 1 тыс. руб.), зафиксированных в 1889 г., 53 предприятия, что составляло 57, 7%, находилось в уезде, в городах — 39 предприятий, соответственно — 42,3%²². К 1912 г. разница количественного соотношения еще более увеличилась: число предприятий в уезде составляло уже 64,8%, в городе — 35,2%²³. Соответственно, объемы производства 54 частных предприятий в уезде (на 1909 г.) составляли 12 313 074 руб. при 24 191 рабочих (без надомников), а в городе 26 предприятий — 4 093 177 руб. при 2 505 рабочих (без надомников)²⁴. В начале XX в. во многих отраслях происходило массовое оснащение заводов и фабрик машинами и механизмами, отдельное мануфактурное производство трансформировалось в фабричное.

Таким образом, наметившееся в первой половине XIX в. отраслевое разделение промышленного производства между городской и сельской местностью в пореформенный период еще более углубилось. В уездах края активное развитие получила металлургическая, судостроительная, оружейная, химическая, стекольная, лесопильная, писчебумажная, войлочно-валяльная промышленность. В уездных городах активизировалось кожевенно-сапожное производство. Как в уездах, так и в городах функционировала колоколотейная, кирпичная, вино-водочная, пиво-медоваренная, канатопрядильная, мукомольная, маслобойная промышленность.

По концентрации рабочей силы, технической оснащенности и объемам производимой продукции наибольшее развитие получили отрасли, связанные с добычей и обработкой металла (8 396 167 руб., 17 заводов, 20778 рабочих) и переработкой сельскохозяйственной продукции (4 725 221 руб., 37 заводов, 3521 рабочих). Высоким уровнем технической оснащенности, качеством и ценностью выпускаемой продукции отличалась химическая промышленность (2 738 691 руб., 3 завода с количеством рабочих 1 280 чел.). Удмуртия была известна как постоянный поставщик кожаной обуви, перчаток, рукавиц, дубленок, а также шорных изделий, изготовлявшихся на 14 кожевенно-сапожных предприятиях г. Сарапула (2 446 910 руб.), а также валяной обуви и войлока, производившихся пятью предприятиями Малмыжского уезда (сумма выработки — 128 600 руб.). В крае широко была представлена пиво-медоваренная и вино-водочная отрасли промыш-

ленности (1 643 372 руб.). Деревообрабатывающая отрасль промышленности насчитывала девять небольших лесопилен (64 327 руб.) и четыре писчебумажные фабрики (147 450 руб.). Также небольшими предприятиями была представлена стекольная промышленность (180 731 руб., 4 завода), производившая листовое полубелое стекло, оконное стекло, бутылки из белого и цветного стекла, а также аптекарскую посуду и изделия для химических заводов²⁵.

Таким образом, в четырех уездах Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. получили развитие самые разнопрофильные отрасли промышленности, заложенные частным капиталом, появление которых было связано с наличием свободной дешевой рабочей силы, добротной сырьевой базы, а также слабым развитием промышленности в предыдущий исторический период. Основная масса относительно крупных частновладельческих предприятий до 80—90-х гг. XIX в., как уже отмечалось, была основана привозным капиталом. Активная деятельность местного торгово-предпринимательского слоя общества стала возможной по мере накопления капиталов, в конце XIX — начале XX века. В общей сложности к 1900 г. функционировало 92 предприятия с годовой производительностью не менее 1 тыс. рублей. Если же за единицу отсчета брать число рабочих (не менее 16 чел.), то в начале XX в. в крае насчитывалось 63—68 предприятий. Владельцами наиболее крупных из них, помимо государства, были купцы и рабочие — сельские обыватели.

Промышленный облик региона определяла прежде всего горно-заводская отрасль. Камско-Вятский регион представлял типичное для развивающегося российского капитализма явление: формирование фабрично-заводских населенных пунктов в сельской местности, в отдельных случаях превосходивших по числу жителей и промышленной наполненности окрестные города. Воткинский (Камско-Воткинский округ) и Ижевский (Гороблагодатский округ) заводы, изначально основанные частным капиталом (граф П.И. Шувалов), в исследуемый период относились к горному ведомству. История развития других частновладельческих предприятий тесно связана (для 2-й половины XIX в.) с двумя крупными династиями: это были ярославские купцы (позднее получившие дворянский титул) Пастуховы и в прошлом литовский дворянин Поклевский-Козелл. В 1848 г. братья Пастуховы — Николай Петрович (1820—1909 гг.) и Павел Петрович (1827—1860 гг.) купили заводы: Песковский чугуно-плавильный (Гороблагодатский округ), Пудемский железоделательный, Омутнинский чугуно-литейный, железоделательный Глазовского уезда и Кирсинский железоделательный Слободского уезда (Омутнинский округ)²⁶. Заводы производили разных сортов железо, чугунное литье, а также плиты, гири, утюги, горшки, гвозди. Позднее вышеперечисленные заводы получили свое развитие в составе «Акционерного общества северных заводов наследников Н.П. Пастухова», открывшегося 8 июня 1913 г. на основе устава, утвержденного 1 декабря 1912 г. с основным капиталом в 9 млн рублей. Акционерное общество, при участии Сибирского торгового банка, одного из основных держателей акций общества, «было основано для устройства и эксплуатации металлургических, механических и химических заводов Омутнинского горного округа в Глазовском и Слободском уездах Вятской гу-

бернии». Основателями общества являлись сыновья Николая Петровича — Леонид и Сергей Пастуховы. Управление делами общества осуществляло правление, находившиеся в Петербурге (почтовый адрес «Железолес»), а управление делами заводов было сосредоточено на Омутнинском заводе Глазовского уезда ²⁷.

А.Ф. Поклевский-Козелл включил в сферу своих владений Нижне-Залазнинский, Верхне-Залазнинский, Залазнинско-Белорецкий чугуно-плавильные заводы Залазнинского округа, а также Холуницкий, Черно-Холуницкий, Климковско-Боровской заводы Холуницкого округа Вятской губернии. Предприятия изготовляли железо, чугунное литье, кроме того — паровые котлы, машинные части, молотилки, веялки и другие механические изделия ²⁸. Дворянину Лебедеву принадлежал медеплавильный Бемышевский завод (Омутнинский округ) ²⁹. Следует заметить, что в основном данные заводы были заложены еще в XVIII в. привозным капиталом.

Химическая промышленность в регионе была основана местным елабужским купцом Капитоном Яковлевичем Ушковым. Истоки формирования капитала династии уходят корнями в конец XVIII — начало XIX века. Дед Капитона Яковлевича — Егор Ушков, согласно формулярному списку, государственный крестьянин деревни Старая Бондюга, в 1829 г. объявил о вступлении в купечество 3-й гильдии. Как всякая многочисленная предприимчивая крестьянская семья, Ушковы вели многопрофильное, комплексное хозяйство. Традиционно первоначальное формирование семейного капитала происходило за счет реализации собственно продуктов земледелия и промыслов. Следующим этапом «сколачивания» капитала была скупка-продажа сельскохозяйственной продукции крестьян окрестных деревень и приобщение к отходничеству. Каждую зиму братья разъезжали по уральским деревням, занимаясь покраской пряжи и домотканых холстов.

В 1844 г. состоятельное семейство Ушковых переселилось для постоянного проживания в г. Елабугу, объявив себя купцами 2-й гильдии. В этот период предпринимательской деятельности они переключились на торговлю чаем, сахаром, спиртными напитками, не оставляя скупку хлеба. Предприниматели создали, приспособившись к местным условиям, разного уровня торговые предприятия: собственные склады, магазины, ренсковые погреба, лавки. По масштабам закупок зерна Ушковы достигли уровня крупнейших хлеботорговцев региона. Сосредоточив необходимые капиталы, представители 2-го поколения, во главе с сыном Егора Ушкова — Яковом Егоровичем, в начале 1840-х гг. начали скупать окрестные лесные угодья и пахотные земли, приумножая семейное хозяйство недвижимостью ³⁰.

Ушковы старались идти в ногу со временем, следуя ведущим процессам социально-экономического развития пореформенной России, соединяя торговый капитал с промышленным. Чаще всего предприниматели начинали с прибыльной вино-водочной отрасли. Ушковы также на паях, в составе товарищеской кооперации, на двух винокуренных заводах организовали производство спиртных напитков ³¹. Кроме того, они умело и плодотворно начали внедряться в золотодобывающую отрасль.

Следующим шагом Капитона Яковлевича, купца в 3-м поколении, уже крепко стоявшего на ногах, в упрочении своего хозяйства и

дальнейшем его расширении являлось вложение средств в довольно трудную и дорогостоящую для освоения отрасль промышленности — химическую³². От московских купцов Малютиных, прекрасно владевших информацией о конъюнктуре мирового рынка, Капитон Яковлевич узнал, что краска хромпик, остро необходимая отечественной мануфактурной промышленности, вырабатывается только в Англии и в Россию ввозится по довольно высокой цене — 15 руб. серебром за пуд³³. С разрешения Вятского губернского правления 28 сентября 1850 г. Капитоном Яковлевичем был «учрежден Кокшанский химический завод «с приглашением в компанию» московского почетного гражданина 1-й гильдии купца Малютина. «Всеми работами руководил «химик из французско-подданных»³⁴. На страницах периодической печати того времени отмечалось, что «крупный по тому времени завод по производству хромпика (завод Ушкова в Вятской губернии) был построен на 30 лет раньше, чем в той же Германии и на несколько лет раньше, чем в Австрии». Завод сразу же приобрел общероссийское значение. Капитон Яковлевич довольно быстро установил связи с предприятиями Москвы, Иванова, Казани, Саратова, Астрахани, а также с агентами Нижегородской и Ирбитской ярмарок. В 1867 г. Капитон Яковлевич начал строить еще один химический завод — Бондюжский на берегу реки Камы, в 20 верстах от Елабуги, близ д. Бондюга и с. Пьяный Бор³⁵.

Прямым наследником Капитона Яковлевича был его сын Пётр Капитонович, который, по мнению современников, обладал «выдающимся умом и широтою взглядов высокообразованного человека»³⁶. После кончины отца (в 1883 г.), получив наследство, о своих дальнейших планах он писал: «Желая развить и расширить действие принадлежащих мне, Ушкову, химических заводов, состоящих в Вятской губернии Елабужского уезда, я совместно с действительным статским советником Алексеем Семёновичем Губкиным намерены учредить товарищество под фирмою: “Товарищество химических заводов П.К. Ушкова и К^о”»³⁷. В целях ознакомления с состоянием химической промышленности на мировом уровне, Пётр Капитонович посетил многие крупные химические заводы за рубежом, в том числе в Германии и Англии. Он много общался с выдающимися деятелями своего времени в области науки и техники, в том числе с известным ученым-химиком Д.И. Менделеевым, который в 1893 г. посетил Бондюжский завод. В поисках сырьевых источников для заводов (колчедана, хромистого железняка, марганца, поваренной соли и известняка) Пётр Капитонович объездил Урал, Поволжье. Заводы П.К. Ушкова работали исключительно на отечественном сырье³⁸. Известный исследователь химической промышленности П.М. Лукьянов отмечал, что в конце XIX в. самым крупным заводом в России был Кокшанский завод П.К. Ушкова³⁹. Современники, отечественные специалисты высоко оценили деятельность Петра Капитоновича, отметив, что «заводы Ушкова, обставленные превосходными научными силами и средствами, увенчанные первыми наградами на последних выставках, вызвали к жизни минеральную промышленность на Урале»⁴⁰.

Промышленно-торговый комплекс со временем разросся, превратившись в начале XX в. в акционерное общество, скорее акционерную командиту, поскольку часть участников были родственниками, отве-

чавшими всем своим унаследованным имуществом. Наиболее полная картина состояния его имущества на 1912 г. была представлена П.А. Бурышкиным (правда, без всяких ссылок на источники), отмечавшим, что товарищество значительно расширилось под руководством Ивана Петровича Ушкова, сына Петра Капитоновича, брата Константина Капитоновича. Товариществу принадлежало свыше 5500 десятин земли, находившейся под лесными дачами, заводами и пристанями, четыре химических завода: Бондюжский и Кокшанский в Елабужском уезде с заводской пристанью «Тихие горы» на р. Каме, Казанский (Адмиралтейская слобода) и Самарский (при разъезде Иващенко Самаро-Златоустовский железной дороги — с одной стороны, на р. Моче — с другой стороны), а также завод строительной извести и добычи известкового камня на р. Воле Самарской губернии Сызранского уезда, торфяное болото близ с. Частые на р. Каме Пермской губернии Осинского уезда; товарные пристани в городах Нижний Новгород, Ярославль, Пермь, Левшино и Самара, с оборудованными складочными помещениями. На Урале для нужд заводов товарищество арендовало колчеданные, хромовые, меднорудные, марганцевые и другие рудники с конторою в Екатеринбурге. На заводах вырабатывались: серная кислота, олеул, сульфат, соляная кислота, хлорная известь, глинозем, хромпик калиевый, хромпик натриевый, квасцы хромовые, штыковая медь, строительная известь и камень, половые плитки, гончарная посуда для химического и других производств и прочие мелкие фабрикаты. Большую роль в восхождении «империи» Ушковых сыграло умелое и плодотворное внедрение в золотодобывающую отрасль. Как обозначено в «Списке владельцев приисков за 1917 г.» по Пермской казенной палате Уральского горного управления г. Екатеринбурга, «Товариществу Ушков П.К. и К°» принадлежало семь приисков на площади в 1 950,22 десятины. Самыми крупными из них были Успенский (880 дес.), Андреевский (500 дес.) и Екатерининский прииски (400 дес.), меньшие по площади — Константиновский (64,32 дес.), Ключевской-4 (61,2 дес.), Ключевской-5 (9,60 дес.). Доход от разработки приисков не обозначался. Представлена лишь сумма основного промышленного налога, которая составляла 356 руб. 25 коп. и сумма земского сбора — 35 руб. 64 копейки ⁴¹.

Для обслуживания большого хозяйства товарищество организовало свой флот, состоявший из буксирных стосильных пароходов, нескольких десятков барж и других мелких судов. П. Бурышкин не без гордости и восхищения отмечает, что «все химические продукты, а ровно и гончарная посуда, вырабатываемая столь высокого качества, что не только имеют награды на выставках как от русского правительства, так и от правительства Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов и других, но и расцениваются значительно выше однородных продуктов других заводов, как отечественных, так и заграничных» ⁴².

Участие крупных капиталистов позволило расширить сферу предпринимательской деятельности, создать достаточно большие для того времени, оснащенные современным дорогим оборудованием предприятия, отличавшиеся высоким уровнем технической оснащенности и технологии производства, качеством и ценностью выпускаемой продукции (2 738 691 руб., 1280 рабочих).

Таким образом, становление предпринимательской династии Ушковых можно назвать одним из типичных примеров формирования мощного традиционного купеческого семейного клана крестьянского происхождения.

Частные оружейные фабрики — детище элиты оружейных мастеров, сельских обывателей села Ижево. История возникновения частных фабрик тесно связана со спецификой работы Ижевских сталелитейного и оружейного заводов, объемы производства которых диктовались заказами, связанными с потребностями государства. Население вынуждено было приспосабливаться к резким амплитудам колебания работы заводов, неравномерной востребованности труда рабочих. В поисках дополнительных заработков уже в конце 1860-х гг. специалисты-оружейники создавали в рамках своего хозяйства слесарные и столярные мастерские, периодически выступая в роли либо надомников при заводах, либо мелкотоварных производителей, совмещавших товарное производство с ремесленным, выполняя индивидуальные заказы населения.

Анкетные данные за 1880 г. свидетельствуют о том, что в условиях активизации рыночных отношений рабочие заводов села Ижева пытались максимально использовать создавшиеся возможности для расширения предпринимательской деятельности. Именно в 1880-е гг. на фоне повышения материального положения ижевчан в селе возникла тенденция строить двухэтажные дома, отводя первый этаж под слесарную или токарную мастерскую; или же перестраивать дом, подводя фундамент, поднимать его, а цокольный этаж использовать под мастерскую. Более состоятельные обыватели стали строить во дворе дома производственные помещения «под кузню» или мастерскую и вспомогательные пристройки к ним. Углубление дифференциации слесарных мастерских в конце XIX в. отражено в материалах ведомостей о фабриках и заводах села Ижева за 1889 год⁴³. С одной стороны, на базе более крупных устойчивых заведений формировалась капиталистическая мануфактура, с другой, — происходила консервация мелкотоварных заведений, выполнявших различные мелкие заказы населения, которые не выдержав конкуренции либо самоликвидировались, либо становились надомниками. В делопроизводственной документации конца XIX в. были зафиксированы имена рабочих — владельцев восьми самостоятельных оружейных мастерских. Это — сельские обыватели: И.Ф. Петров, (годовой доход предприятия составлял 6200 руб., 35 рабочих), И.С. Березин (5 000 руб., 50 раб.), А.Н. Евдокимов (1550 руб., 25 раб.), А.В. Будаков (960 руб., 10 раб.), П.И. Рахлин (885 руб., 8 раб.), И.С. Васильев (450 руб., 4 раб.), П.И. Плотников (350 руб., 3 раб.), М.А. Невлер (310 руб., 3 раб.). Следует отметить, что в состав рабочих не были включены надомники.

В начале XX в. в условиях активизации модернизационных процессов еще более углубилась дифференциация частного оружейного производства, мануфактура перерастала в фабрику, оснащенную машинами и механизмами. Эволюционный путь развития — от слесарной мастерской до фабрики — смогли пройти пять слесарных заведений, владельцами которых являлись бывшие рабочие-оружейники И.Ф. и В.И. Петровы, А.Н. Евдокимов, Н.И. Березин, М.А. Будаков⁴⁴. Самой крупной по масштабам деятельности была оружейная фабрика

И.Ф. Петрова. В начале XX в. мануфактура трансформировалась в фабрику, оснащенную паровым двигателем в 30 л.с., с суммой производств в 500 тыс. руб. при 164 рабочих (без надомников). Дополнительной продукцией являлись скобяные товары. Помимо с. Ижева Петровы имели склады по продаже товара еще в Архангельске и Барнауле.

Распространенными образцами в производстве являлись ружья системы Крнка, Веблея, Дау, Бердана-2. Фабрики И.Ф. Петрова, А.Н. Евдокимова и И.С. Березина делали на заказ также ружья центрального боя и винтовки системы Маузера. Продукция фабрик находила сбыт в Пермской, Оренбургской, Уфимской, Вологодской губерниях, а также у жителей Сибири, Туркестана, Кавказа. Продолжали существовать небольшие оружейные заведения на уровне капиталистической кооперации оружейных мастеров И.С. Васильева, И.А. Егорова, И.С. Колпакова, П.И. Мезрина, И.В. Минаева, И.П. Пономарёва, П.И. Рохлина, К.Ф. Тукмачёва, Г.К. Порсева т.д.⁴⁵

Таким образом, привилегированная часть высокооплачиваемых рабочих Ижевских оружейного и сталелитейного заводов на протяжении второй половины XIX — начала XX в. основала частное оружейное производство, которое прошло классический путь развития: ремесленная слесарная мастерская — мелкотоварное производство — мануфактура — фабрика. Устойчивому развитию частного оружейного производства способствовали благоприятные объективные и субъективные факторы: возможность приобрести на сталелитейном и оружейном заводах необходимое в производстве сырье, широкий фон функционирования кузнечно-слесарного промысла, большой спрос на ижевские ружья в масштабах растущего общероссийского рынка и, прежде всего, наличие среды высококвалифицированных специалистов-оружейников, проходивших первоначальное обучение в двух специальных учебных заведениях: ижевских оружейной и ремесленной школах.

Винно-водочная, пиво-медоваренная отрасли промышленности, основанные частным привозным и местным капиталом, связаны с именами династий рязанских купцов Бодалевых, пермских — Бахтияровых, малоярославских — Тюниных, вятских — Стахеевых и Александровых, укоренившихся в регионе. Предприятия были основаны как в городах и заводских поселках, так и вблизи отдаленных глухих деревень. Объемы производства на начало XX в. составляли 1 643 372 рубля⁴⁶.

Для всех вышеперечисленных династий общим направлением являлось также вкладывание наработанного капитала в недвижимость, находившуюся в Вятской, Пермской, Уфимской, Казанской губерниях, охват своим влиянием территории региона через организацию стационарной сферы: складов, сети магазинов, лавок и рейнских погребков в городах, селах и глухих отдаленных деревнях, сельскохозяйственных закупочных контор, активное использование периодической сферы рынка.

Ярким примером путей формирования промышленно-торговой «империи» традиционным купечеством является предпринимательская деятельность купцов Слободского уезда Вятской губернии — Александровых.

Родиной купцов 1-й гильдии, потомственных почетных граждан Александровых являлся г. Слободской Вятской губернии. Первое упо-

минание о семействе было обнаружено в книге Николаевской церкви г. Слободского за 1766 год. Александровы «купечествовали» с начала XIX века. Ведя активную торговлю, они вложили капиталы первоначально в кожевенную промышленность⁴⁷. Позднее, в период главенствования Ивана Васильевича (?—1893 гг.), имевшиеся накопления были определены в весьма прибыльное вино-водочное производство. В 1863 г. в г. Слободском заработало первое винокуренное предприятие; в 1866 г. было приобретено имение с заводом под названием «Соколовка» в Косинской волости Слободского уезда, в 1884 г. — в сельце Калинино Савальской волости Малмыжского уезда Вятской губернии. Необходимое для производства сельскохозяйственное сырье скупалось у крестьян Вятской губернии. В 1880-е гг. для удовлетворения потребностей хозяйства в кирпиче в Савальском имении был построен завод, ежегодно выпускавший более 240 тыс. штук красного кирпича⁴⁸.

24 июня 1893 г. глава семейства Иван Васильевич Александров скончался. Унаследованное сыновьями Петром и Иваном хозяйство объединяло четыре имения, земельной площадью в 6 тыс. дес., расположенных в трех уездах Вятской губернии, где функционировало три винокуренных завода и один пиво-медоваренный в г. Малмыже, три оптовых склада пива и меда в г. Казани, а также вина — в г. Чистополе⁴⁹.

Учитывая колоссальную роль конкуренции, а также наработанный опыт успешных торговых домов, сыновья решили объединенными усилиями осуществить свои творческие планы. В 1893 г. они объявили о создании торгового дома: «Наследники коммерции советника И.В. Александрова». Проанализировав варианты жизнеспособности унаследованного хозяйства, представители нового поколения пришли к решению: «Связать сельскохозяйственную деятельность с обрабатывающей промышленностью, дабы избежать критического положения, в которое поставлено сельское хозяйство и вообще производство сырых продуктов». По мнению братьев, только при этом условии, они смогли бы решить основную задачу: «поставить заводскую промышленность на возможную высоту, давая продукты производства высшего качества, и... с течением времени выступить с ними на заграничные рынки», для чего организовать свое хозяйство в традициях лучших европейских образцов, «следить за развитием обрабатывающей промышленности за границей путем литературы, а также личными поездками и командировками специалистов на местах развития изучаемой отрасли производства»⁵⁰.

В программу Александровых были заложены довольно передовые по тому времени идеи, в которых предусматривались не только технический и сельскохозяйственный прогресс, но и социальные услуги, связанные с экономикой, здравоохранением и просвещением населения, вовлеченного в их предпринимательскую деятельность, что было успешно осуществлено. Выполняя поставленные перед собой задачи, Александровы привлекали на заводы лучших специалистов-инженеров. При Ивановском винокуренном заводе (сельцо Калинино) была устроена химическая лаборатория, в задачу которой входили «технические и сельскохозяйственные исследования, направленные к усовершенствованию производства, а также наблюдение и контроль за полученным сельскохозяйственным сырьем и промыш-

ленной продукцией». В лаборатории работал ученый-химик Московского университета, кандидат естественных наук Е.И. Пискунов, которого в 1895 г. Александровы командировали во Францию для изучения способов ректификации и денатурализации спирта, а затем — в Германию для исследования достижений доктора Линднера по проблеме «культура чистых дрожжей». В существовавшие прежде аппараты системы Пистопуса и Фишера (позднее системы Савалья) были внесены дополнительные усовершенствования и т.д.⁵¹

В начале XX в. в условиях высокой степени концентрации наличных капиталов в числе небольшого круга фирм «Торговый дом Наследники коммерции советника И.В. Александрова» с товарищеским капиталом в 1,4 млн. руб., зарегистрированного в городах Казани и Малмыже, числился в «Списке десяти крупнейших торговых домов России»⁵². Товарищеские структуры, по замечанию А.Н. Боханова, были для многих капиталистов своеобразным переходным этапом от неорганизованной «дикой» деятельности к предпринимательству новейшей эпохи⁵³.

Александровы успешно осуществили свой стратегический план: поставить «заводскую промышленность на возможную высоту». Они создали сложное комплексное хозяйство, на базе которого производилась вся необходимая сельскохозяйственная продукция, тут же осуществлялась ее первичная техническая обработка, готовое сырье поступало на заводы, откуда в конечном итоге выходила разнообразная высокого качества продукция: спирт, пиво, вино, мед. Собственный речной флот, позволял в полной мере осуществлять реализацию готового товара⁵⁴. По данным статистики, на 1 июля 1909 г. товарищество «имело в делах своих чистого капитала 5 471 822 руб. 09 коп., а всего рублей 6 183 893»⁵⁵. Торговый дом пользовался услугами четырех банков: на условном текущем счете Государственного Банка имелось 14 514 руб. 03 коп., текущем счете Северного банка — 113 619 руб. 42 коп., Азовско-Донского — 22 000 руб., Волжско-Камского — 204 838 руб. 92 коп., на социальном текущем счете последнего — еще 75 661 руб. 80 копеек. Товарищество владело винокуренными и спиртоочистительными заводами в Казани Казанской губернии, Слободском и Малмыже Вятской губернии, пивоваренными заводами — в Казани, Слободском, заводом искусственных минеральных вод в Казани, маслобойным заводом, фабрикой льняной и конопляной олифы, фабрикой окрашенного дерева по шведскому способу для столярных работ в с. Калинино Малмыжского уезда Вятской губернии. Главная контора находилась в Казани. Сбыт товара производился на крупнейших рынках страны: в Симбирской, Самарской, Саратовской, Вятской, Пермской, Уфимской, Казанской губерниях⁵⁶. По сведениям за 1914 г. объемы производства фирмы продолжали расти: появился еще один пивоваренный завод в Саратове, заводы искусственных минеральных вод в Симбирске, Самаре, Саратове, Перми, Уфе, Вятке, Екатеринбурге, Балашове и других городах, спиртоочистительный и винокуренный заводы в д. Соколовка Вятской губернии. В Вятке имелся оптовый склад пива. К тому же, Александровы в местностях их хозяйствования продолжали приобретать недвижимость⁵⁷.

Жизнедеятельность братьев Александровых являла собой достойный пример глубокой порядочности, рачительного, экономного ведения

хозяйства. Уникальнейший документ: «Большая книга Главной конторы» за 1909—1910 г., сохранившаяся в специальном отдельном фонде НАРТ торгового дома «Н-ки Коммерции Советника И.В. Александрова», позволяет увидеть не только сферу приложения капитала, размах предпринимательской деятельности, но и психологическую атмосферу, жизненное кредо, отношение к делу и личностные взаимоотношения членов этой купеческой династии. Нельзя не отметить образцовое ведение бухгалтерской документации, строгий учет доходов и расходов как торгового дома, так и каждого распорядителя в отдельности. Учету подлежала любая трата: помесечная сумма, выданная наличными (от 400 до 5000 руб.) хозяевам предприятий, взносы в различные общества, например «Трудовой Союз», страхование личного имущества, содержание стипендиата в Савальской сельскохозяйственной школе (55 руб.), содержание дачи в Ялте, плата за перевод денег в Ялту, покупка дамского велосипеда (190 руб.), доставка имущества с пристани (6 руб. 75 коп.), исправление пролетки и т.д. Хозяин фирмы не преминул рассчитаться за взятое с завода товарищества пиво и вино, причем с вычетом стоимости сданной посуды. В книге были учтены личные счета: за приобретение электрического звонка и проволоки, бруска мраморного мыла, крупчатки, педалей к велосипеду, за починку велосипеда и экипажа, за птицу колотую, периодически доставляемую из Савалей, за доставку виноградных вин из Костромы, а также за пиво и воды, отпущенные с пивоваренного завода товарищества, при этом оплачивалась стоимость невозвращенной посуды⁵⁸.

Нельзя не отметить, что владельцы пиво-медоваренных, винно-водочных предприятий, так же как и Александровы, использовали на своих заводах достижения ведущих стран Западной Европы, привлекали зарубежных специалистов, приобретали отдельные виды сырья для соблюдения технологии изготовления высококачественных продуктов. К примеру, сарапульские купцы Бахтияровы, как и многие предприниматели того времени, основных специалистов, имевших положительные рекомендации, «выписывали из-за границы» или вербовали с других заводов, предоставляя благоприятные условия жизни. При переписи 1897 г. обозначено, что в бахтияровской усадьбе отдельный особняк занимал немец (лютеранин) Фон Деринг Мориц О'Марович, 39-летний дворянин из Германии (где был и прописан). На заводе он работал в качестве ответственного пивовара, жил постоянно при заводе со своей семьей. Его жена — фон Деринг Иоанна Ивановна, 36-летняя немка, католичка, урожденная дворянка, родом из Швейцарии. Отмечено, что ее родной язык, как и мужа — немецкий. Вместе с дочерью прибыла в бахтияровское имение графиня Каймо Назалия Николаевна (60 лет), дворянка, подданная Германии, немка-лютеранка, имевшая постоянную прописку в Варшавской губернии, в семье зятя проживала «временно». В графе «средства существования» зафиксировано: «живет графиня на свои средства»⁵⁹.

Типичным явлением в регионе было создание рациональных условий функционирования заводов. Учитывая трудности и дороговизну доставки сырья, в целях бесперебойного снабжения им предприятий, а также его удешевления, сарапульский купец И.И. Бодалев обзавелся собственными пасаками, возле заводов в Вятской и

Пермской губерниях обустроил плантации хмеля, который выращивался из «заграничных корней», доставляемых из Варшавы, зерно и ячменный солод приобретал у крестьян окрестных деревень, перерабатывая на собственных водяных мельницах⁶⁰. Комитет Казанской научно-промышленной выставки в сентябре 1890 г., состоявшейся под «августейшим покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича, по обсуждении достоинств, выставленных предметов и заключения экспертной комиссии постановил» наградить Ивана Ивановича Бодалева большой серебряной медалью от Министерства государственных имуществ за введение в Пермской губернии культуры улучшения сортов хмеля и высокое качество пресованного хмеля и малой серебряной медалью «за производство хорошего качества спирта» от комитета выставки⁶¹. Подобный опыт формирования сырьевой базы использовал также К.Н. Бахтияров, который научил крестьян Якшур-Бодьинской волости Сарапульского уезда выращивать хмель по склонам оврагов.

Частные торговые и промышленные предприятия обеспечивали мещан города и крестьян сельской округи рабочими местами, часто давая профессиональное образование. К примеру, при заводе Бахтияровых были выстроены специальные здания для временного проживания наемных работников, в которых размещалось три бригады отходников из молодых мужчин от 17 до 42 лет из близлежащих деревень Ежевской волости Глазовского уезда: Починошной, Плюгах, Бакашурской. По переписи 1897 г., это были татары, магометане, неграмотные; отходничество служило им временным занятием, постоянным же считали — «земледелие»; как земледельцы находились «при отце», «при брате». Отход на заводские заработки молодых людей был типичным явлением в окрестных деревнях, о чем говорит тот факт, что в данном случае крестьяне овладели заводскими специальностями: «затворщик, бродильщик, солодовщик, сушильщик, чанщик, красильщик, дрововоз, заказчик, ломовой, извозчик»⁶².

Предприятия Бодалевых, Александровых, Бахтияровых были известны как в России, так и за рубежом высоким качеством своей продукции, как, например: спирт-сырец и ректификат, пиво «баварское», «столовое», «мартовское», «кабинетное», «светло-легкое» и т. д. К сожалению, от многих заводов не осталось и следа, и, в частности, на месте бахтияровского хозяйства лишь зеленеют большие луга. Нельзя не согласиться с замечанием Л.Н. Боханова о том, что не может не поражать та относительная легкость, с которой в России сошел на нет и сам капиталист, а в более широком смысле — и весь мир имущих⁶³.

Широко распространенной отраслью промышленности являлось частновладельческое производство по обработке продуктов животноводства. Удмуртский край на российском рынке был известен как постоянный поставщик кожаной обуви, перчаток, рукавиц, дубленок, а также валяной обуви и войлока. Кожевенно-сапожная промышленность, как и оружейное производство, прошла классический эволюционный путь развития от мелкой мастерской до капиталистической фабрики. Следует заметить, что социальную основу формирования оружейной промышленности составляли рабочие, а кожевенно-сапожной — мещане, которые, разбогатев, переходили в

купеческое сословие, в то время как рабочие предпочитали оставаться в прежнем статусе. По статистическим данным, на 1878 г. было зафиксировано 29 кожевенно-сапожных заведений⁶⁴. Половина из них (14) принадлежала купцам, 11 — мещанам, 2 — крестьянам. Владельцами четырех «заводов», сформировавшихся до уровня капиталистической мануфактуры, были купцы: И.Д. Пешехонов (31 рабочий), Г.Д. Пешехонов (21), Ф.А. Барабанщиков (26), М.В. Барабанщиков (26). На всех остальных мелкотоварного типа заведениях числилось от двух до пяти рабочих. В 1880-е гг. (по ведомости на 1884 г.) число кожевенно-сапожных заведений сократилось до 27. Из них купцам по-прежнему принадлежало 14 заведений, 10 — мещанам, 3 — крестьянам. В эти годы увеличилось число мануфактур (на 2 заведения) и количество рабочих на них (до 41 человека)⁶⁵.

В начале XX в. относительно крупные кожевенно-сапожные заведения остались только в Сарапуле. По ведомостям на 1909 г., здесь значилось 14 предприятий, объемы производимой продукции которых составляли 2 446 910 рублей⁶⁶. Результатом конкурентной борьбы было разорение массы мелких кожевенно-сапожных мастерских, принадлежавших мещанам; в развитии купеческих мануфактур произошел большой скачок: образовалось четыре фабрики, оснащенные паровыми машинами и механизмами. К 1914 г. сформировалось восемь товарищеских объединений: «Барабанщиков Ник. и племянники. Торговый дом. Кожевенный завод и фабрика обуви» (Сарапул, управляющий — А.Д. Барабанщиков, годовое производство — 180 тыс. руб.); «Торговый дом Дедюхин Никифор С-вья. Торговый дом, кожевенный завод и фабрика обуви» (Сарапул, управляющий — Г.А. Дедюхин, годовая производительность — 500 тыс. руб.); «Кривцовы Бр-я. Тов-во кожевенный завод и фабрика обуви» (Сарапул, годовое производство — 250 тыс. руб.); «Мельников Ник. Фед. Тов-во кожев. зав. и произв. обуви и шорных изделий» (Сарапул, годовое производство обуви и шорных изделий — 25 тыс. руб.); «Михеев Ив. Ник. с С-ми. Торг. дом, кожевен. зав. и фабрика обуви» (Сарапул, годовое производство — 325 тыс. руб.); «Пешехонов Ф.Г. Н-ки и К°. Торговый дом, кожевенный зав. и фабрика ручной и мех. обуви» (Сарапул, основной капитал — 500 тыс. руб., директора-распорядители: Л.Ф. и В.Ф. Пешехоновы, управляющий Л.Ф. Пешехонов, правление: М.В. Пешехонова, В.Ф. и Л.Ф. Пешехоновы, И.П. Корешев и С.И. Бодалев, контора в Сарапуле); «Смагин Ник. Вас. С-вья. Торг. дом, кожев. зав. и произв. обуви» (Сарапул, владелец П.Н. Смагин, годовое производство — 800 тыс. руб.); «Ущеренко Дав. Як. с С-ми. Торговый дом, кожевенный зав. и произв. обуви» (Сарапул, годовое производство — 15 тыс. рублей).

В источниках того времени данная ситуация была охарактеризована современниками следующим образом: «Три четверти населения нашего города занято в производстве обуви. Во главе производства стоят заводы: Барабанщикова, Михеева, Дедюхина и Пешехонова... На заводах происходит, главным образом, заготовка обуви, то есть кройка, строчка и т. п., большая же часть работы производится ручным трудом, на дому, мелкими ремесленниками сапожниками»⁶⁷. Итак, кожевенно-сапожную отрасль монополизировали купцы: ассоциировав капиталы, они организовали различного рода компании.

Мещане, не выдержав конкуренции, обратились к надомным работам, выполняя заказы фабрикантов. Крестьяне, имея небольшие мастерские, расположенные в сельской местности, чаще всего работали на заказ, обслуживая запросы деревенского потребителя. Сарапульские купцы-обувщики — одна из многочисленных групп, представлявших традиционное купечество Камско-Вятского региона, среди которых просматриваются устойчивые династии, включенные в кожевенно-сапожное производство, твердо закрепившие семейные капиталы в создании торговых домов, основанных на неразделенном наследственном отеческом капитале.

Деревообрабатывающая промышленность была в основном сферой предпринимательской деятельности крестьянства. Из 17 смолодегтярных заведений, зафиксированных в ведомостях на 1878 г., 11 принадлежало крестьянам, 6 — купцам⁶⁸. Смолодегтярные заведения представляли собой мелкие предприятия, на уровне простой капиталистической кооперации, с двумя-пятью рабочими, имевшие самое примитивное оборудование: чаны, котлы, тазаны и печи, с тенденцией трансформации в мануфактуру. На двух крестьянских заведениях работало 12—15 рабочих. В 1880-е гг. появились новые отрасли деревообрабатывающей промышленности⁶⁹. В Глазовском уезде, согласно ведомости на 1884 г., в с. Уни возникло спичечное производство крестьянина В.И. Яковлева. Помещик К.А. Юшков основал в д. Дмитриевка Елабужского уезда картонную фабрику (8 раб.). В данной отрасли промышленности предприятия в основном стояли на уровне простой капиталистической кооперации и мануфактуры.

В сельской местности широкое развитие получила отрасль промышленности, связанная с переработкой сельскохозяйственной продукции. Следует отметить, что первоначальный процесс накопления капитала в регионе происходил как раз в этой сфере деятельности. С одной стороны, на скупке-продаже зерна с конца XVIII в. сформировались крупные купеческие династии, основатели торговых домов, акционерных обществ в лице Стахеевых, Ушковых, Александровых, Гирбасовых, Бахтияровых и т.д. Частным капиталом на базе местной сельскохозяйственной продукции была образована пищевая отрасль промышленности. С другой стороны, в условиях активизации рыночных отношений в конце XIX — начале XX в., как замечает Г.Е. Верещагин, реализация в массовом масштабе сельскохозяйственной продукции способствовала формированию капитала в руках определенной части крестьянства, создавая потенциальные возможности организации рационализованного капиталистического хозяйства. Крестьянская промышленность в регионе была вспомогательной составной частью комплексного крестьянского хозяйства, в котором основную статью дохода приносило земледелие в силу неплохой обеспеченности крестьянства земельными наделами (свыше 17 дес. на двор).

Исследователи, в частности известный этнограф, священник Верещагин, воочию наблюдая жизнь крестьян, указывали на скрытые причины, в основном ментального характера, замедленного развития рыночных отношений в среде удмуртского крестьянства, отмечая, что «большая часть зажиточных ведет себя простенько, как обыкновенные достаточные семьи. Иной даже затягивает уплату податей. И все это делает он по следующей причине. Во-первых, чтобы не

слыть богачом, имеющим капитал. Во-вторых, чтобы не осаждали бедняки. В-третьих, чтобы со стороны воров не угрожала опасность».

Таким образом, исследование показывает, что частное предпринимательство внесло заметный вклад в модернизацию экономики провинциального региона, что позволяет говорить о его аграрно-промышленном характере в исследуемый период, вопреки ранее устоявшейся точке зрения региональной историографии об аграрно-сырьевом, полукOLONиальном придатке. В развитии промышленности, торговли, сферы бытовых услуг участвовали все социальные слои общества. Имея незначительный удельный вес в общем составе населения, купечество доминировало в предпринимательской среде и общественной деятельности. В условиях активизации модернизационных процессов оно создало основную социально-экономическую базу формирования провинциальной деловой элиты. Сосредоточив крупные капиталы, купечество приобретало устойчивость к изменениям рыночной конъюнктуры, реагировало на достижения научно-технического прогресса, с учетом местных условий совершенствовало технологию производства, нередко привлекая иностранных специалистов. Если в первые три пореформенные десятилетия происходил активный ввоз купеческого капитала, то в начале XX в. наблюдался его вывоз в поволжские и центральные губернии, сопровождавшийся внедрением в их экономику дублирующих предприятий. Мещанское сословие, участвовавшее в торговле и производстве, как в качестве рабочих, так и владельцев небольших торговых и промышленных заведений, имело крепкие позиции и весомый общественный статус в провинциальном городе. Оно служило стартовой площадкой формирования предпринимательского слоя общества. Крестьянские интересы, доминировавшие в области земледелия, ограничивались мелкотоварным и в большинстве случаев полунатуральным уровнем состояния деревенского хозяйства. Промыслы носили вспомогательный характер, обслуживая самые насущные потребности деревни и остановились в основном на уровне домануфактурного производства.

Примечания

1. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М. 1979, с. 413.
2. НАУМОВ А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917. В двух книгах. Нью-Йорк. 1954; ОБУХОВА Г.И. Крестьянство Удмуртии и его роль в формировании купечества края в XVIII в. В кн.: История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск. 1992, с. 20—40; ЕЕ ЖЕ. Торгово-предпринимательская деятельность династии купцов Волковых (конец XVIII — 70-е гг. XIX в.). В кн.: Очерки истории Удмуртии XIX в. Ижевск. 1996, с. 46—81; ЕЕ ЖЕ. Дело купцов-старообрядцев г. Сарапула и А.Н. Олицын (по документам центрального госархива Удмуртской Республики). В кн.: Архивы и общество: история, современность, перспективы. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию государственных архивных органов Удмуртской Республики. Ижевск. 1998, с. 47—57; ЕРМАКОВ В. Предпринимательское дело Ушковых в Мензелинском уезде. — Менделеевский музейный вестник. Менделеевск. 2003, вып. 2, с. 82—84; ЕГО ЖЕ. Ушковы и потомственное почетное гражданство. — Там же. 2007, вып. 4—5, с. 19; МАСЛОВА И.В. Менталитет купечества. Купеческая династия Стахеевых (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Елабуга. 2007; РЯЗАНЦЕВ С.И. О родословии и

- родственных связях отдельных представителей предпринимательских династий Прикамья (Ушковы, Стахеевы, Любимовы, Рязанцевы, Чердынцевы, Осиповы). — Менделеевский музейный вестник. Менделеевск. 2007, вып. 4—5, с. 21, 49—57; ЕСИЕВА И.В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. — 1918 год). Набережные Челны. 2007; ФИРСОВ П.П. Форосское царство. Севастополь. 2008; Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII—XX вв.: Коллективная монография. Ижевск. 2008; СУДОВИКОВ М.С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII — начале XX века. Киров. 2009; ПЮРИЯЙНЕН Д.М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX — начале XX в.: социокультурный аспект. Ижевск. 2013; КОЗЛОВА Д.А. Торговые дома Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы становления и развития. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ижевск. 2016.
3. Углубленное изучение истории предпринимательства позволило выявить большой корпус источников, состоящий из документов фондов архивов: Российский государственный исторический архив (РГИА) (ф. 23, 72), Государственный архив Пермской области (ГА ПО) (ф. 37, 49, 111, 208), Государственный архив Кировской области (ГА КО) (ф. 20, 176, 376, 582, 583), Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР) (ф. 6, 236), Архивное отделение Администрации г. Сарапула (АОАС) (ф. 76), Государственный архив Свердловской области (ГА СО) (ф. 24) и т.д. Среди архивных документов особую ценность представляют ревизские сказки, переписные листы уездных переписных комиссий 1897 г. (ЦГА УР, ф. 236; ГА ПО, ф. 37, 111), посемейные списки купцов и мещан г. Сарапула (АОАС, ф. 76), дела, содержащие материалы о торгово-промышленных товариществах (РГИА, ф. 23). Особо важное место занимают материалы личных архивов потомков предпринимателей.
 4. ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: Проблемы торгово-промышленной политики Л. 1987; АНАНЬИЧ Б.В. Банковские дома в России 1860—1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л. 1991.
 5. ПЕРШИН С.В. Законодательные ограничения торгово-промышленной деятельности и социально-демографическое развитие городского сословия в XIX веке. В кн.: «Жизненная история» провинциального предпринимателя: материалы Всероссийской научной конференции. Саранск. 2008, с. 84—89.
 6. ПОТКИНА И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России. В кн.: История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М. 2000, с. 71.
 7. Переписные листы уездных переписных комиссий 1897 г. (ЦГА УР, ф. 236; ГА ПО, ф. 37, 111); посемейные списки купцов и мещан г. Сарапула (АОАС, ф. 76).
 8. АОАС, ф. 76, оп. 1, д. 3, № 5; л. 114, 120.
 9. ЦГА УР, ф. 236, оп. 1, д. 173, л. 56; д. 178, т. 25, л. 35; д. 196, л. 170.
 10. Там же.
 11. Там же.
 12. АОАС, ф. 76, оп. 1, д. 3; ГА КО, ф. 176, оп. 1, д. 3833, 3851, 3890, 4007, 4624.
 13. Там же.
 14. АОАС, ф. 76, оп. 1, д. 3, № 318, 328, 329.
 15. ОБУХОВА Г.И. Крестьянство Удмуртии...; ЕЕ ЖЕ. Дело купцов-старообрядцев...
 16. АОАС, ф. 76, оп. 1, д. 3, № 100, 119, 273.
 17. Там же, № 116, 140, 319.
 18. Там же, № 100, 119, 273.
 19. АОАС, ф. 76, оп. 1, д. 3; ГА КО, ф. 176, оп. 1, д. 3833, 3851, 3890, 4007, 4624.
 20. ГА КО, ф. 574, оп. 1, д. 539.
 21. Список фабрик и заводов Российской империи. СПб. 1912.
 22. ГА КО, ф. 574, оп. 1, д. 1193.
 23. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг. 1914.
 24. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб. 1909; Список фабрик и заводов Российской империи.
 25. История Удмуртии: Конец XV — начало XX века. Ижевск. 2004, с. 310—312.
 26. ГА СО, ф. 24, оп. 31, д. 4078, л. 2; РГИА, ф. 84, д. 1; Вятская правда. 1929, 23 июня, № 139, с. 2.

27. Фабрично-заводские предприятия Российской империи, 1909.
28. Уральский торгово-промышленный Адрес-Календарь на 1900 год. Пермь. 1900, с. 33.
29. История Урала в период капитализма. М. 1990, с. 472.
30. РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 1048.
31. ГА КО, ф. 574, оп. 1, д. 1193, с. 40.
32. Вятская речь. 1891 г., № 5, с. 6.
33. Там же, с. 6.
34. ГА КО, ф. 582, оп. 78, д. 214, л. 1.
35. ЛУКЪЯНОВ П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. Т. 3. М. 1951, с. 85.
36. Уральское горное обозрение. 1898 г., № 6, с. 8.
37. РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 787, л. 1.
38. Вятские губернские ведомости. 1895 г., № 61, с. 3.
39. ЛУКЪЯНОВ П.М. Ук. соч., с. 87.
40. Уральское горное обозрение. 1898 г., № 6, с. 8.
41. ГА ПО, ф. 111, оп. 2, д. 2250, л. 115.
42. БУРЫШКИН П. Ушковы. В кн.: 1000 лет русского предпринимательства..., с. 427.
43. ГА КО, ф. 574, оп. 1, д. 1193.
44. Фабрично-заводские предприятия Российской империи, 1909; Список фабрик и заводов Российской империи. СПб. 1912; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг. 1914.
45. ВАСИЛЬЕВ А.П. К истории ижевского частного оружейного производства (1867—1917 гг.). — Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. Устинов. 1986, с. 94.
46. История Удмуртии..., с. 310—312.
47. РЕВА А. Торговый дом коммерции советника И.В. Александрова. — Выбор. 1992, 26 июня — 2 июля, № 23 с. 10.
48. ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 2195, л. 14; Очерк промышленной и сельскохозяйственной деятельности потомственных почетных граждан Петра и Ивана Ивановичей Александровых. Фирма: Торговый дом «Н-ки коммерции советника И.В. Александрова». Казань. 1896, с. 3.
48. Там же, с. 8—9.
50. Там же, с. 3.
51. Там же, с. 9.
52. Там же, с. 81—86.
53. БОХАНОВ А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX — 1914 г.). М. 1992, с. 92.
54. ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 2195, л. 14; Очерк промышленной и сельскохозяйственной деятельности ..., с. 3.
55. ГА РТ, ф. 318, оп. 1, д. 452.
56. РГИА, ф. 20, оп. 4, д. 3742, л. 7, 29—38.
57. Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1911. Вятка. 1910, л. 1—13; РЕВА А. Ук. соч., с. 10.
58. ГА РТ, ф. 318, оп. 1, д. 452.
59. ЦГА УР, ф. 236, оп. 1, д. 519.
60. Там же, д. 10, л. 9.
61. РГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1577, л. 24, 30.
62. ЦГА УР, ф. 236, оп. 1, д. 519, л. 37—39.
63. БОХАНОВ А.Н. Ук. соч., с. 230.
64. РГИА, ф. 20, оп. 12, д. 43.
65. ГА КО, ф. 574, оп. 1, д. 1193.
66. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб. 1909.
67. Искра. 1902, 15 января, с. 142—143.
68. РГИА, ф. 20, оп. 12, д. 43.
69. ГА КО, ф. 574, оп. 1, д. 981.

Иван Яковлевич Лайдонер

В.А. Виталь

Аннотация. Йохан Лайдонер является одной из ключевых фигур эстонской истории. Он известен как участник первой мировой войны, храбрый офицер, отец эстонских вооруженных сил, военный, приведшей Эстонию к независимости, дипломат и соучастник государственного переворота 1934 года.

Ключевые слова: Константин Пятс, СССР, Эстония, гражданская война, первая мировая война, Пакт Молотова-Риббентропа.

Abstract. Johan Laidoner is one of the key people of Estonian history. He is known as a participant in the First World War, father of the Estonian Armed Forces, hero of the Estonian Liberation War, the military who led Estonia to independence, diplomat, an accomplice in the coup d'état of 1934 in Estonia, with the subsequent establishment of an authoritarian regime.

Key words: Konstantin Päts, the Soviet Union, Estonia, the Civil War, World War I, the Molotov-Ribbentrop Pact.

13 марта 1953 г. во Владимирском центре скончался мало кому известный в СССР генерал. Его имя ни о чем не говорило большинству советских граждан, а его изображение можно было встретить лишь на страницах газет, где на него, как на одного из угнетателей трудящихся Эстонии, неоднократно печатались карикатуры. Звали этого генерала Йохан Лайдонер или «на русский манер» — Иван Яковлевич.

Фамилия генерала происходила от названия хутора Лайду, Феллинского уезда. Таких хуторов было два, поэтому к фамилии прибавили окончание *поог* (эст. молодой) и получилось Лайдунуор (эст. Laidunoor), а позднее — Лайдонер.

Иван Яковлевич родился 31 января 1884 г. в Виращкой волости Феллинского уезда (ныне Вильяндиский уезд) Лифляндской губернии (ныне южная часть Эстонии). Он был старшим из четырех сыновей в семье эстонцев-хуторян Яака Лайдонера и Мари Саарсен.

Виталь Владимир Анатольевич — аспирант Института истории и политики. Московский педагогический государственный университет. E-mail: laskur41@gmail.com.

Vital Vladimir A. — doctoral student of the Institute of History and Politics. Moscow Pedagogical State University. E-mail: laskur41@gmail.com.

В возрасте семи лет Йохан пошел в сельскую лютеранскую приходскую школу. В те годы территория современной Эстонии была поделена на Эстляндскую и Лифляндскую губернии, в жизни которых главенствующую роль на протяжении нескольких веков играли немецкая аристократия и лютеранская церковь. В XIX в. дети эстонских крестьян могли получить образование в городской или сельской приходской школе при кирхе. Когда семья Лайдонер переехала в уездный центр — г. Феллин, мальчик продолжил учебу там.

В начале 2000-х гг. студент Тартуского университета Янис Тобрелутс, разбирая архив Вильяндиской кирхи св. Павла, обнаружил табель успеваемости, выданный ученику второго класса Феллинского городского училища Югану (немецкий вариант имени Йоханес) Лайдонеру, в котором были пятерки, две четверки (русский язык и гимнастика) и тройка по пению. Среди документов удалось найти также хадатайство на имя Церковной коллегии об оплате обучения Югана Лайдонера в следующем учебном году ¹.

В семнадцать лет Йохан поступил вольноопределяющимся на службу в 110-й Камский пехотный полк, расположенный в г. Ковно ². Окончив в 1905 г. Виленское пехотное юнкерское училище в чине фельдфебеля, молодой унтер-офицер отправился служить в 13-й Лейб-гренадерский Эриванский полк, находившейся недалеко от Тифлиса, в местечке Манглиси ³. Этот полк, овеянный славой, добытой в сражениях в русско-турецких войнах, войнах с персами и на Кавказе, был одним из лучших в Императорской армии.

В 1908 г. Йохан Лайдонер — поручик. В те годы лишь несколько эстонцев смогли дослужиться до офицерских званий. В 1909 г. Лайдонер отправился в столицу и поступил в Императорскую Николаевскую академию ⁴. В свободное время он посещал различные культурные и светские рауты, на одном из которых встретил свою знакомую по Вильно Марию Кружевскую, в которую когда-то был влюблен. Былые чувства вспыхнули вновь. В том же году молодые поженились. Йохану было 27 лет, а Марии, учащейся Санкт-Петербургской консерватории, — 22 .

В 1912 г. Йохан окончил Императорскую Николаевскую военную академию в чине штабс-капитана и возвратился в свой полк.

Первую мировую войну Лайдонер встретил на посту командира роты 1-го Кавказского полка. Он сражался на Юго-Западном фронте против австрийцев и в декабре 1914 г. был произведен в капитаны. В 1915 г. Лайдонера назначили на должность адъютанта при штабе 21-й пехотной дивизии, а в конце года — в разведотдел Штаба Западного фронта. 28 августа 1916 г. он получил звание подполковник. За заслуги перед Отечеством Иван Яковлевич Лайдонер был награжден Георгиевским оружием, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, 3-й и 4-й степеней с надписью «За храбрость», орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и 3-й степени.

Неумолимо надвигались революционные события. Март был отмечен большой манифестацией воинов-эстонцев в Петрограде ⁵. Февральская революция, образование Временного правительства позволили сформировать 1-ю Эстонскую национальную дивизию. С одобрения Петроградского военного округа и лично Лавра Корнилова

весной 1917 г. был создан Центральный организационный комитет из эстонских политических деятелей, которых собирали по всем частям воюющей армии. Командовать дивизией был назначен заслуженный офицер-орденоносец, подполковник Йохан Лайдонер⁶. Однако события октября 1917 г. вмешались в его планы, и он отправился в Эстонию.

1 января 1918 г. полковник Лайдонер прибыл в Ревель⁷, а 5 января принял под свое командование 1-ю Эстонскую национальную дивизию. Позднее были сформированы кавалерийский полк, инженерная рота и тыловые части⁸.

24 февраля Комитет спасения во главе с Константином Пятсом⁹, воспользовавшись тем, что немецкие части 8-й армии еще не заняли Ревель, провозгласил государственный суверенитет Эстонии. В планах немцев вопрос о независимости балтийских земель не стоял. Они выступали за создание Балтийского герцогства. События в самой Германии, отречение Вильгельма от власти поставили крест на этой идее. Немецкая оккупация продлилась до ноября 1918 года. Страны Антанты и, в частности, Англия и Франция, выступали за то, чтобы Балтийские земли оставались буфером между большевиками и Европой¹⁰.

Однако на смену отступившим регулярным немецким войскам в Эстонию вошли большевики, провозгласившие Эстляндскую трудовую коммуну. Попытки эстонского Временного правительства сформировать национальную армию на добровольных началах провалились, и пришлось прибегнуть к методам «тотальной мобилизации». Крестьяне и рабочие, симпатизировавшие большевикам и не особенно верившие в возможность существования Эстонии как независимого государства, стремились покинуть армию. Из числа наиболее патриотичных эстонцев удалось сформировать Калевскую дружину, Тартуский партизанский батальон, Скаутский батальон и батальон морской пехоты.

В декабре 1918 г. Лайдонер стал командующим эстонской армией¹¹, которая к 1919 г. насчитывала около 23 тыс. человек. В январе 1919 г., когда большевики рвались к Ревелю, на помощь эстонцам пришла британская эскадра ВМФ, датские и финские добровольцы, а также различные части русских антибольшевистских сил. Финский маршал К.Г. Маннергейм в своих мемуарах вспоминал: «Участие наших добровольцев в борьбе полностью соответствовало исторической миссии Финляндии — защите западной цивилизации на севере»¹².

Эстонской армии под командованием 35-летнего генерала Йохана Лайдонера удалось остановить большевиков в 35—40 км от Ревеля, а затем вытеснить из Северной Эстонии, освободив к весне всю страну.

На территории Эстонии формировался Северо-Западный корпус (СЗК) Белой армии. Лайдонер активно помогал обеспечить его обмундированием и вооружением. Корпус возглавил прибывший из Гельсингфорса генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич, назначенный на эту должность Колчаком, после чего корпус фактически превратился в армию (СЗА). Главком СЗА Юденич сообщал главкому эстонской армии Лайдонеру, что в эстонской Нарве продовольствие облагается пошлинами, и поставки всячески саботируются эстонскими пограничными и военными чинами¹³. Причиной такого поведения, очевидно, было нежелание местных эстонских властей поддерживать Белое движение, выступавшее под лозунгом «За Единую и Неделимую Россию».

После неудачной попытки СЗА взять Петроград и отступления к Нарве эстонское правительство пошло на переговоры с большевиками. 1 декабря 1919 г. в Тарту было заключено перемирие, после подписания которого генерал Лайдонер обратился к военным и гражданским лицам Эстонии. В своей речи он поблагодарил всех участников сражений, а также союзников — финских и датских добровольцев, Англию, Францию и Америку — за материальную и военную помощь¹⁴. 2 февраля 1920 г. был заключен Тартуский мирный договор, по которому обе стороны признавали друг друга в качестве независимых государств. Одним из условий договора было расформирование эстонских красных частей и неучастие Эстонии в действиях, направленных против РСФСР¹⁵. СЗА была обезоружена, личный состав распущен, частично отправлен на лесозаготовки и другие тяжелые работы. Огромное количество бывших военнослужащих и гражданских лиц погибло от эпидемии тифа, холода, голода. В тифозных бараках Нарвы некому было ухаживать за больными, поскольку персонал также погибал от инфекций или попросту сбегал. Правительство Эстонии не принимало никаких мер для изменения положения дел.

Генерал Лайдонер попытался навести порядок, понимая, что эпидемия могла распространиться на всю территорию молодого государства. Принятые им жесткие меры позволили остановить смертность среди бывших воинов СЗА. Уже позднее пришла помощь от различных благотворительных организаций. Накануне православной Пасхи 1920 г., по распоряжению Лайдонера, каждому больному, а также персоналу лазаретов были переданы подарки в виде пасхальных яиц и продуктов.

Но в целом, участь бывших воинов СЗА мало беспокоила правительство Эстонии. Большая часть офицерского состава с трудом сводила концы с концами, и чтобы хоть как-то прокормить себя и семьи, вынуждена была работать на самых неквалифицированных работах. Они чувствовали себя преданными новым государством, заключившим мир с большевиками. Лишь немногие смогли поступить на службу в национальную армию Эстонии¹⁶.

После окончания войны на территории Эстонии Лайдонер стал главкомом армии уже независимого государства. На этом посту, однако, он пробыл недолгое время, и в том же 1920 г. вышел в от-

ставку. Как депутат Госсовета Эстонской республики он был делегирован Лигой Наций на должность главы комиссии по решению турецко-иракского территориального спора.

1 декабря 1924 г. эстонские коммунисты при поддержке Зиновьева совершили в Эстонии неудачную попытку государственного переворота. Генерал-лейтенант Лайдонер был направлен на подавление этого выступления и в кратчайшие сроки ликвидировал мятеж. После этих событий Лайдонер утвердил устав добровольческой военизированной организации Кайтселийт (пер. с эст. — Союз обороны), в которую входили также женская и молодежная структуры. Кайтселийт стал иррегулярной армией, состоявшей из людей различных профессий и социальных слоев, преданных правящему режиму. Проводя постоянные учения, имея на вооружении стрелковое оружие, придерживаясь собственной иерархии и системы званий, а также системы территориальных боевых и вспомогательных дружин, Кайтселийт мог мобилизовать в кратчайшие сроки более 40 тыс. штыков. Но в 1940 г., в отличие от финского Шюцкора ¹⁷, Кайтселийт, так же как и армия, не был приведен в боевую готовность перед угрозой советизации, так как его создатель Лайдонер предпочел не конфликтовать с советской стороной. Летом 1940 г., с приходом к власти правительства Й. Вареса-Барбарусса, «детище Лайдонера» и все его вспомогательные структуры и общества были ликвидированы по настоянию советских властей как «профашистские и враждебные трудовому народу». Члены организации в большинстве своем оказались вне закона и попали под репрессии ¹⁸.

Но биография генерала Лайдонера — это не только военная служба. В мирное время генерал проявил себя как предприимчивый человек, не избегавший «нечистых» коммерческих сделок. В послевоенное время, совместно со своим соратником, членом Парламента Эстонии Константином Пятсом, он был отмечен в скандальном банкротстве крупного эстонского банка, связанного с перепродажей большевистского золота на Запад. Лайдонер и Пятс избежали скамьи подсудимых. По версии современного эстонского историка Магнуса Ильмярва, банк был связан с политическими кругами Эстонии и с американским коммерсантом Хаммером, действия которого курировало ОГПУ ¹⁹.

К середине 1930-х гг. в Эстонии сложилась непростая внутриполитическая ситуация, подогреваемая экономическими трудностями и политической нестабильностью в Европе. К власти стремились профашистские силы Лиги ветеранов Освободительной войны — вапсы, симпатизировавшие нацистской Германии и фашистской Италии. Советский Союз опасался усиления их позиций, поэтому стремился к сотрудничеству с Пятсом и Лайдонером.

В начале 1934 г. был дан старт предвыборной кампании президента Эстонии, в которой участвовали четыре кандидата: Пятс, Лайдонер, Ларка, Рей. По данным опроса, наибольшей поддержкой пользовался Ларку. Пятс и Лайдонер опасались остаться в стороне от высоких постов ²⁰.

12 марта 1934 г. вместе с Пятсом Лайдонер совершил государственный переворот, в результате которого в Эстонии был установлен авторитарный режим Пятса-Лайдонера, просуществовавший до лета 1940 года ²¹. Две кадетские роты и политическая полиция окру-

жили штаб-квартиру вапсов и арестовали руководителей этой организации, было введено чрезвычайное положение, запрещены демонстрации и митинги.

Правительство президента Пятса использовало режим чрезвычайного положения для укрепления своих политических позиций и уничтожения оппозиции²². Все эти годы генерал Лайдонер занимал пост Главкома вооруженных сил Эстонии.

Период правления тандема Пятс-Лайдонер в эстонской историографии еще называют «эпохой безмолвия», поскольку в прессе была введена цензура, оппозиционные партии фактически запрещены, компартия Эстонии находилась в подполье, а многие ее активисты — в тюрьмах. Многие современные эстонские историки отзываются об этом времени весьма критически²³.

Был ли Лайдонер настроен прогермански или просоветски? Как он выстраивал свои отношения с представителями рейха сразу после прихода к власти Гитлера, в период Мюнхенского пакта и вплоть до подписания Советско-германского соглашения 1939 года? Ответы на эти вопросы можно дать, опираясь на документы и стенограммы, выдержки из которых приведены в монографии эстонского историка М. Ильмярва.

После переворота Пятса-Лайдонера Германия начала зондировать почву для усиления своего влияния в Балтийском регионе. Ей было крайне невыгодно английское, французское, а уж тем более советское влияние на страны Балтии. 21 июля 1934 г. в Таллин с неофициальным визитом прибыл военный министр Германии генерал-лейтенант Вернер фон Бломберг, которого лично встречал главком Лайдонер. Затем состоялся визит командира крейсера «Кёнигсберг» Отто фон Шрадера. Он также встречался с Лайдонером. Однако руководство Эстонии проявляло определенную сдержанность, не стремясь слишком явно переориентировать свою политику в сторону Германии, предпочитая занимать выжидательную позицию. Попытка немцев навязать эстонцам контракт на постройку подводных лодок для эстонских ВМС на голландских судостроительных верфях при участии немецкого капитала не встретила отклика, а заказ был размещен в Англии²⁴.

24 февраля 1936 г., в День независимости Эстонии, в своем праздничном обращении к народу Лайдонер упомянул о многовековом недоверии эстонцев к немцам. Но эта речь была скорее попыткой завуалировать начинавшийся крен внешней политики страны в сторону Германии²⁵.

Ильмярв в своей монографии «Безмолвная капитуляция» приводит красноречивый пример двойной игры Лайдонера. После оккупации Германией демилитаризованной Рейнской зоны германский посланник в Эстонии Фровейн в беседе с Лайдонером стремился выяснить отношение эстонского военного руководства к своей стране в сложившейся ситуации. Лайдонер оправдывался за речь, произнесенную в День независимости, сетуя на то, что эстонская пресса слишком ретиво вмешивается во внешнеполитические вопросы. У Фровейна сложилось мнение, что сам Лайдонер настроен позитивно в вопросе германо-эстонского сотрудничества²⁶.

В сентябре 1935 г., в Штабе ВС Эстонии было принято решение о налаживании связей с абвером и ведении разведывательной работы

против СССР. Шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис неоднократно посещал Эстонию, и эти поездки были напрямую связаны с работой германской разведки против СССР²⁷. Очень сомнительно, что подобные визиты высокопоставленных чинов германских ВС и разведки проходили без личного ведома и одобрения главкома Лайдонера, но, в то же время, вряд ли его мнение было решающим в этом вопросе. Более того, в июне 1941 г. Лайдонер на допросе в НКВД признался, что Эстония получила от немцев пеленгующие станции, и на местах велось наблюдение за движением советских кораблей. Германская разведка высоко ценила качество информации, поступавшей от разведки Генштаба Эстонских ВС.

А вот представитель Военного министерства Германии Ганс Кребс, побывавший в Эстонии в начале 1937 г., оценивая возможность эстонско-германского военного сотрудничества, в своем меморандуме указал на слабую вероятность межгосударственного сотрудничества, заметив, что Лайдонер не играет никакой решающей роли в политике Эстонии, поскольку он всего лишь уважаемый военный и «правая рука» президента Пятса²⁸.

В июне 1938 г. в Таллине с визитом побывал шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис. Можно предположить, что это было связано с попыткой укрепить позиции Германии на случай военного вмешательства СССР в планы Рейха по захвату Чехословакии. Главком Лайдонер еще в начале 1938 г. заверил германского посланника в Таллине в готовности при необходимости сдерживать натиск советских сил, упомянув при этом о немногочисленности эстонской армии и необходимости ее материального снабжения со стороны Германии. Таким образом, Лайдонер предлагал Германии подстраховку на случай вмешательства СССР в захват Чехословакии²⁹.

После Мюнхена Лайдонер в беседах с прессой и в прочих выступлениях оптимистично заявлял, что Мюнхенский договор не позволил развязаться большой войне, так как угрозу с Востока считал большим злом, нежели гипотетическую, по его мнению, угрозу со стороны Германии. В речи перед офицерами-резервистами он указывал на то, что в случае войны не будет существовать лишь советско-эстонский конфликт, а будет и третья сторона, прозрачно намекая на Германию.

К годовщине независимости, в феврале 1939 г., Лайдонер был произведен в полные генералы³⁰.

Эстония пыталась сохранить нейтралитет, который был возможен только при поддержке его другими странами и, в первую очередь, Германией. В 1938—1939 гг. в Таллин с визитами зачастили военные чины Рейха, что давало СССР обоснованный повод для подозрений в симпатиях эстонского руководства к Германии. Частота взаимных визитов, совершаемых по различным поводам, была достаточно высокой. На пятидесятилетний юбилей А. Гитлера, 20 апреля 1939 г., в Берлин прибыл начштаба Николай Реэк, причем скорее всего поездка носила также и консультационный характер.

26 июня 1939 г. в Таллин прибыл начальник германского генштаба Франц Гальдер вместе с офицерами — полковником Кребсом и капитаном Гаузером. Их принимали президент Пятс и командующий армией Лайдонер. Гальдер прямо заявил Лайдонеру о том, что Эсто-

ния должна оставаться нейтральной, но с ориентацией на Германию. На следование этому тезису указывает тот факт, что за 1939 г. Эстонию с визитами посещал начальник абвера адмирал Канарис, а 19 июля в таллинский порт прибыл новейший тяжелый крейсер ВМФ Германии «Admiral Hipper», командир которого был очень тепло принят Пятсом и Лайдонером. Затем Лайдонер встречал и знакомил с оборонительными сооружениями в Печорах и под Нарвой советника Военного министерства Керна Курта фон Типельскирха, а также военного атташе Японии в Берлине Торасиро Кавабе³¹. 7 июня 1939 г. в Берлине представителями Эстонии (К. Сельтер) и Латвии (Мунтерс) были подписаны эстонско-германский и латышско-германский договоры о ненападении.

23 августа 1939 г. СССР и Германия подписали договор, вошедший в историю как Пакт Молотова-Риббентропа. Руководство Эстонии, в связи с этим, заявило об отсутствии угрозы независимости страны. Но скорее всего это была лишь попытка успокоить общество, нежели твердое убеждение.

1 сентября Германия напала на Польшу. В Финляндии и Латвии прошла мобилизация, а в Эстонии не было принято никаких мер по обеспечению безопасности. Лишь чрезвычайное положение 8 сентября 1939 г. было продлено еще на год. Ни части регулярной армии, ни Кайтселийт не были приведены в боевую готовность. 24 сентября 1939 г. в Москве начались советско-эстонские переговоры. Концентрация сил РККА на границе со странами Балтии использовалась как инструмент давления, но даже в этой ситуации Лайдонер не предпринял никаких решительных действий, и это стало началом конца эпохи правления тандема Пятс-Лайдонер. Договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией был подписан 28 сентября 1939 года. Согласно этому договору, Эстония и СССР увеличили товарооборот на выгодных для Эстонии условиях, на ее территории размещались военно-морские базы, аэродромы, инженерные и стрелковые части, общей численностью до 25 тыс. человек³².

Именно с аэродромов в Эстонии советская авиация осуществляла бомбардировку городов Финляндии. По личному распоряжению главкома Лайдонера, финская сторона регулярно информировалась о советских самолетах, взлетающих с эстонских аэродромов. Но сам Лайдонер предпочитал не предпринимать никаких шагов, которые могли бы вызвать раздражение у Москвы, и с пессимизмом смотрел на будущее Эстонии. Местная пресса заявляла лишь о положительном эффекте от пакта с Москвой и всячески успокаивала общественное мнение³³.

3 декабря 1939 г. Лайдонер был приглашен в СССР. 7 декабря он прибыл на Ленинградский вокзал в Москву, где в честь него был устроен пышный прием. В Кремле Лайдонера принимали И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Будённый. На встрече Лайдонер заверял Сталина, что несмотря на войну с Финляндией, эстонская сторона намерена твердо исполнять все пункты договора с СССР. Он также упомянул о своем желании выступить посредником в мирных переговорах между Финляндией и Советским Союзом. Сталин уклонился от ответа. Затем Лайдонер сообщил о намерении заку-

пить для эстонской армии пушки, пулеметы, самолеты и средства ПВО, но также не получил внятного ответа.

Изначально советское руководство не предполагало изменение политического строя в странах Балтии после подписания с ними соглашений в 1939 году. Но 1940 г. принес новые события на европейском театре военных действий. Ситуация весны-лета 1940 г. развивалась стремительно: захват Норвегии, Дании, стран Бенилюкса, предстоящие события во Франции. В советской прессе началась активная кампания по компрометации эстонского руководства, которое обвинялось в нежелании соблюдать условия договоренностей.

28 мая советская газета «Правда» опубликовала статью «Политические настроения в Эстонии», в которой автор скептически отзывался о политических взглядах интеллигенции и руководства Эстонии на советско-эстонские отношения ³⁴.

2 июня в торжественной обстановке генерал Лайдонер вручил флаг Летной школе ВВС Эстонии. Казалось бы, независимость государства незыблема. 16 июня Москва предъявила ультиматум Эстонии в связи с якобы заключенным с Латвией военно-политическим союзом против СССР, а также попытками включить в него и Литву. Москва потребовала смены правительства, увеличения советского контингента в Эстонии. Ответ должен был быть предоставлен до 00.00 час. 16 июня. Официальный Таллин дал добро. 17 июня в приграничном г. Нарва (согласно документу о размещении советских войск) состоялась встреча главкома Лайдонера и генерала армии К. Мерецкова для согласования пунктов размещения советских войск ³⁵. В 06.00 того же дня части РККА пересекли границу Эстонии и двинулись в направлении Таллина. Это была «точка невозврата» в карьере генерала. Правительство Эстонии призывало население сохранять спокойствие и продолжать свою работу, но в этом заявлении между строк читалась тревога ³⁶.

По требованию Москвы Лайдонер подписал указ о разоружении Кайтселийта, по сути потеряв тем самым свою гвардию. Затем гражданское население также получило предписание сдать оружие. Кроме того, запрещалось проведение массовых мероприятий. 27 июня 1940 г. Кайтселийт был ликвидирован, его организации, включая молодежные и женские, — распущены.

19 июня в Таллин с визитом прибыл А.А. Жданов, который предложил президенту Пятсу сформировать новое правительство из удобных Москве людей. Кабинет министров возглавил Варес-Барбарус. Военным министром был назначен генерал-майор Тынис Ротберг, а главкомом армии — генерал-майор Густав Йонсон. Лайдонеру в новом руководстве республики места не нашлось. Главкома армии, как и начтштаба Н. Рэка вынудили уйти в отставку. Указом президента от 22 июня 1940 г., генерал Йохан Лайдонер был освобожден от должности главнокомандующего Эстонской армии ³⁷. А уже 19 июля 1940 г. вместе с супругой он был арестован советскими органами госбезопасности и выслан в Пензу. Началось следствие, которое затем приостанавливалось, начиналось заново и лишь 16 апреля 1952 г. Йохану Лайдонеру, бывшему главнокомандующему Эстонской буржуазной армией, был вынесен приговор — за контрреволюционную и антисоветскую деятельность он получил 25 лет лишения свободы.

30 апреля того же года его доставили во Владимирскую тюрьму. 13 марта 1953 г. вследствие повторного кровоизлияния в мозг он скончался и был похоронен сотрудниками МГБ у кладбищенской ограды в безымянной могиле, точное местонахождение которой не известно до сих пор ³⁸.

Так, без почетного караула и траурных речей, оркестра и других военных почестей окончил свой жизненный путь бывший офицер Русской императорской армии, главком Эстонской армии Иван Яковлевич Лайдонер. Человек, проявивший храбрость в окопах первой мировой войны, усердный и трудолюбивый, сумевший создать «с нуля» армию Эстонской республики, не решился использовать ее в критический момент для сохранения независимости Эстонии. Лайдонер сдал все свои позиции, не позволив армии и Кайтселииту оборонять страну.

Супруга генерала Мария Лайдонер разделила все выпавшие на его долю взлеты и падения вплоть до ссылки. После смерти Сталина она смогла вернуться в Эстонскую ССР, где скончалась в доме престарелых в 1978 году.

До сих пор в эстонской историографии идут споры — мог ли Лайдонер последовать примеру Маннергейма и противостоять советскому давлению, или выбора у него не было. Еще при жизни генерала в Эстонии на русском языке вышла биографическая книга-брошюра «Наш главнокомандующий Иван Яковлевич Лайдонер», в которой восхвалялся гений Лайдонера, его прозорливость и ум, и где его изобразили неким «отцом нации» ³⁹. В современной Эстонии имя Лайдонера пользуется большой популярностью и авторитетом — его именем назван главный военный музей в местечке Виймси, который расположен в усадьбе, принадлежавшей некогда самому главкому. В этом музее находится его мемориальный кабинет. На родине генерала в г. Вильянди, на Замковой горе установлен памятник, отлитый из бронзы, изображающий Лайдонера верхом на коне. В честь 125-летия генерала почта Эстонии выпустила марку с его изображением. А на стене Владимирского централа, где Йохан Лайдонер провел свои последние годы, 12 февраля 1999 г. в память о нем силами эстонской стороны была установлена мемориальная доска. Ежегодно, 12 февраля, в день рождения генерала Лайдонера представители посольства Эстонии в Москве приезжают во Владимир на Князь-Владимирское кладбище, чтобы отдать дань памяти известному земляку ⁴⁰. Генералу посвящены биографические книги, о нем написаны статьи и монографии.

Примечания

1. URL: <http://www.vesti.ee/ru/estonia/news/3076.html>.
2. Ныне г. Каунас, Литва.
3. Eesti Rahvusarhiiv (ERA). 2553.1.96, 1912—1920.
4. Ibid., l. 24.
5. Ibid., R-1702.1.3; 23.03.1917, l. 2.
6. Ibid. R-1702.1.1, l. 39, 46, 59—59p.
7. Ныне г. Таллинн.
8. URL: <http://www.hot.ee/vabadussoda/laidoner.htm>.

9. Константин Пятс (1874—1956) занимал должности государственного старейшины, а затем первого президента Эстонской республики. Пришел к власти в результате государственного переворота в 1934 году.
10. URL: http://www.estonica.org/en/Laidoner,_Johan.
11. ERA. 509.1.53, 1. 2.
12. МАННЕРГЕЙМ К.Г. Воспоминания. Минск. 2012, с. 144.
13. ЗИРИН С.Г. Голгофа Северо-Западной Армии. 1919—1920 гг.: венок памяти соотечественникам. СПб. 2011, с. 33.
14. Там же, с. 62.
15. URL: [ru.wikisource.org/wiki/Тартуский_мирный_договор_с_Эстонией_\(1920\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Тартуский_мирный_договор_с_Эстонией_(1920)).
16. ЗИРИН С.Г. Ук. соч., с. 101—111.
17. Щюцкор (производное от швед. Skyddsker, финн. Suojeluskunta — «гражданская гвардия») — иррегулярные добровольческие вооруженные формирования Финляндии, ополчение 1918—1944 гг.
18. URL: http://www.estonica.org/et/Riik/Riigikaitse/Kaitsev%C3%A4gi_ja_Kaitseliit.
19. ИЛЬМЯРВ М. «Безмолвная капитуляция». Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М. 2012, с. 31.
20. Там же, с. 89.
21. Подобные перевороты прошли в 1926 г. в Литве (Антанатас Сметона) и в 1934 г. в Латвии (Карлис Улманис), и в этих странах установились президентские режимы, просуществовавшие фактически до лета 1940 года.
22. Прибалтийские исследования в России. 2015 г. Сб. статей. М. 2015, с. 189.
23. ЗУБКОВА Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940—1953. М. 2008, с. 31—34.
24. ИЛЬМЯРВ М. Ук. соч., с. 213—214.
25. Там же, с. 216.
26. Там же, с. 216—217.
27. Там же, с. 217—218.
28. Там же, с. 227.
29. Там же, с. 323.
30. Русский вестник. 1. III. 1939, № 17, с. 1.
31. ИЛЬМЯРВ М. Ук. соч., с. 382—385.
32. МЕЛЬТЮХОВ М.И. Прибалтийский плацдарм (1939—1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М. 2014, с. 52—53.
33. ИЛЬМЯРВ М. Ук. соч., с. 550—551.
34. Правда. 28.V.1940.
35. МЕЛЬТЮХОВ М.И. Ук. соч., с. 387.
36. Päevaleht. 18.VI.1940, № 161, с. 1.
37. Ibid. 22.06.1940, № 166, с. 1.
38. PILLAK P. Kindral Laidoneri haua otsingutest. Tuna. 1999, № 1, с. 50.
39. ГУЩИК В.Е. Наш главнокомандующий Иван Яковлевич Лайдонер. Таллин. 1940.
40. Электронный список захороненных репрессированных на Князь-Владимирском кладбище см.: <http://www.gulagmuseum.org/getFile.do?object=714897995&language=1>.

«Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920-х — 1930-х гг.

А.А. Слезин

Аннотация. В публикации оценивается опыт комсомольской «легкой кавалерии» 1920-х — начала 1930-х годов. Автор уточняет данные о начале деятельности, составе отрядов, выявляет основные направления и специфические черты их работы, а также причины кризиса, который в 1932 г. привел к приостановке функционирования молодежного института общественного контроля. Особое внимание уделено опровержению ложных стереотипов и оценок.

Ключевые слова: молодежь, комсомол, «легкая кавалерия», бюрократизм, общественный контроль, рейды.

Abstract. In this publication author evaluates the experience of Komsomol «light cavalry» of the 1920-s — beginning of 1930-s . The author displays information about the beginning of activities, the staff of the groups, defines main directions and specific features of their work, as well as the causes of the crisis, which led to the suspension of the operation of the youth institution of social control in 1932. Special attention is paid to refute of false stereotypes and evaluations.

Key words: youth, Komsomol, «light cavalry», bureaucratism, social control, raids.

Стандартное воображение при упоминании «легкой кавалерии» рисует гусар на быстрых конях. До настоящего времени появляются публикации, которые и «легкую кавалерию» комсомола связывают с воензированной деятельностью, подавлением восставших крестьян и т.п. Мы принципиально не будем их цитировать, так как основанные на вымыслах, они вряд ли заслуживают оппонирования.

В реальности группы так называемой «легкой кавалерии» были образованы в конце 1927 г. в соответствии со специальным письмом ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ ¹. Им поручалось исправлять организацию, систему и методы работы государственного аппарата, рассматривать жалобы на недостатки в его работе, наблюдать за рациональным использованием ресурсов, преодолевать сопротивление администрации.

Слезин Анатолий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета. E-mail: slezins@mail.ru.

Slezin Anatoly A. — doctor of historical sciences, professor at the Tambov State Technical University. E-mail: slezins@mail.ru.

В речи И.В. Сталина на VIII съезде ВЛКСМ в качестве важнейшей очередной задачи партии была названа «беспощадная борьба с бюрократизмом, организация массовой критики снизу, учет этой критики в практических решениях о ликвидации ваших недостатков»². Комсомольский съезд рекомендовал повсеместно создать группы «легкой кавалерии». Как следует из речи Н.И. Бухарина, «легкая кавалерия» представлялась коммунистическим идеологам в виде молодежных групп помощи Рабоче-крестьянской инспекции. Бухарин видел ее «своего рода летучим неофициальным контролем», организацией легкой, добровольной, энергично действующей, способной «выкопать бюрократического противника», «застать врага на месте преступления». Он так представлял работу «легкой кавалерии»: «Специальные группы комсомольцев должны ходить по магазинам, учреждениям, базарам, лавкам, комиссариатам и пр. Они приходят не в качестве казенных контролеров, не с мандатом, не с талоном и не с официальным требованием; они приходят либо просто как покупатели, либо как жалобщики, как просители, словом, как обыкновенные смертные наряду со всеми прочими. Таким образом, они получают материал, ведут учет того, что они получили при этих обследованиях. Эта легкая кавалерия нужна потому, что только так, только ревизуя неофициально, можно действительно выкопать бюрократического противника, можно действительно влезть в самое сердце злоупотреблений, можно действительно настоящие безобразия вскрыть, можно застать врага на месте преступления, а не тогда, когда он подчистится, заметет песочком все следы и жалобщика еще выставит, как бузотера, а самого себя — в честном виде»³.

Неоднократно к теме деятельности «легкой кавалерии» обращались и другие государственные и партийные деятели. На том же VIII съезде ВЛКСМ Н.К. Крупская заявила, что «очень хороши эти отряды»⁴.

В июне 1928 г. Сталин в своей знаменитой статье «Против опошления лозунга самокритики» писал: «Для самокритики нужны все роды оружия, в том числе и “легкая кавалерия”. Но разве из этого следует, что легкая кавалерия должна стать легкомысленной кавалерией?»⁵ Данная фраза была встречена с серьезными опасениями со стороны бюро ЦК ВЛКСМ. Его члены считали, что после сталинской оценки «легкую кавалерию» начнут высмеивать всякого рода бюрократы.

В декабре 1928 г. председатель ЦКК ВКП (б) и нарком РКИ СССР С. Орджоникидзе и секретарь ЦК ВЛКСМ А. Мильчаков в письме к комитетам и ячейкам ВЛКСМ связали главные задачи «легкой кавалерии» с проверкой жалоб, поступающих от населения, искоренением невнимательного отношения чиновников к посетителям, проверкой состояния трудовой дисциплины, исполнением решений производственных совещаний, контролем над освобождением крестьян от налога, использованием средств от самообложения, исполнением закона о помощи крестьянской бедноте, обследованием комитетов взаимопомощи, агропунктов и других организаций, обслуживающих население⁶.

В.В. Маяковский уже в 1928 г. откликнулся на появление нового общественного института стихотворением «Легкая кавалерия», призывая: «В бумажные / прерии / лезь / и врывайся, / “легкая кавалерия” / рабочего класса!»⁷

Впрочем, на начальном этапе деятельности для рядовых комсомольцев функции «легкой кавалерии» были не очень понятны. В Хлебниковском совхозе Московского уезда секретарь ячейки, получив письмо о создании «легкой кавалерии», созвал всех комсомольцев и спросил: «Кто умеет ездить верхом на лошади?» Умеющих не оказалось, но кое-как уговорили одну девушку, которая немного держалась в седле, ее и послали на волостное совещание «кавалеристов»⁸. В Ершовском районе Пугачёвского округа идею «легкой кавалерии» поняли как необходимость подготовки к овладению военным искусством на легких кавалерийских лошадях⁹. Подобный курьез произошел и в Павловском районе (Московская обл.), где начальник штаба «легкой кавалерии» на вопрос о работе ответил: «Мы будем работать, когда райком пришлет лошадей!»¹⁰

В то же время в официальных комсомольских документах утверждалось, что новая форма работы быстро нашла применение на местах. Судя по отчетам, уже в начале июня 1928 г. отряды «легкой кавалерии» работали в Оренбурге, Сызрани, Ташкенте, Москве, Брянске, Ленинграде и во многих других городах¹¹. Комсомольское руководство отмечало, что процесс их создания шел не только «сверху», но и «снизу». Так, в Бондарском районе в деревне Волховщина группа молодежи, созданная для борьбы с хулиганством, была реорганизована в отряд «легкой кавалерии»¹².

Тем не менее, в большинстве случаев отряды создавались именно «сверху». Во многих организациях движение организовывали исключительно в приказном порядке. Нередко комитет комсомола назначал руководителей в отряды, которые еще не были созданы. Подобная спешка и «механический» подход совсем не учитывали инициативу и настроения рядовых комсомольцев. Неудивительно, что впоследствии многие созданные таким образом отряды работали довольно слабо.

Если городские организации, как правило, находили для записи в отряды достаточное число активных комсомольцев, то в деревне ситуация была намного сложнее. В 1920-е гг. «легкая кавалерия» не получила там широкого развития. Даже сама идея подобного движения не всегда встречала понимание со стороны местного руководства. Зачастую комитеты ВЛКСМ считали организацию отрядов «легкой кавалерии» при деревенских ячейках лишней. Так, секретарь Шаловского волостного комитета ВКП(б) (Ярославская губерния) на предложение работника уездного комитета организовать «легкую кавалерию» заявлял: «Мы до этой работы не доросли, у нас и без этого дел много, ряд работ более важных. Надо сначала укрепить дисциплину, а уже потом вводить новшества»¹³.

В деревне «легкая кавалерия» создавалась в основном энтузиастами-одиночками. Типичен рассказ комсомольца села Каргат (Новосибирский округ) Солдатова, который так описывал процесс создания отряда: «Я решил взяться за это дело, стал говорить в Райкоме, они мне отвечают, давай организуй: да как организовать, дайте указания, указания мне не дали. Собрал собрание молодежи, куда пригласил больше батраков. Записалось сразу 7 человек, сейчас уже отряд вырос до 15 человек (6 батраков, 2 рабочих, 7 служащих, комсомольцев из них 5). Пришли к тому, что надо составить что-то вроде плана

работы. Мы наметили пункты налета следующие: выявить и проследить недовольство населения в райамбулатории, также проверить как кредитное товарищество относится к крестьянам, хладобойню, Госторг»¹⁴. Подобное невнимательное отношение к отрядам «легкой кавалерии» со стороны комсомольских комитетов было характерно для большинства провинциальных организаций.

В то же время в центре «легкую кавалерию» все чаще рассматривали как своеобразный кадровый резерв государственной службы. В принятом в марте 1929 г. постановлении ЦК партии прямо говорилось: «ЦК ВКП(б) обязывает ЦК и местные организации ВЛКСМ в ближайшее время выделить и организовать специальную подготовку рабочих-комсомольцев, в первую очередь из числа представителей комсомола в различных органах и актива, проявившего себя в группах “легкой кавалерии”, для работы в госаппарате»¹⁵.

Орграспредотдел Закавказского комитета ВЛКСМ признавал, что «при организации отрядов совершенно упускался из виду принцип добровольности». Одновременно констатировалось слабое проведение разъяснительной работы на местах, отсутствие практической помощи, медленное усвоение опыта других организаций¹⁶. В большинстве случаев в группы «легкой кавалерии» шел низовой актив, причем уже нагруженный другой союзной работой (в первую очередь — секретари ячеек).

Точное количество «кавалеристов» в организованных отрядах установить невозможно. По приблизительным подсчетам, на сентябрь 1928 г. их общее число составляло десятки тысяч¹⁷. Весной 1929 г. в одной Москве было 200 отрядов, насчитывавших 1500 человек¹⁸. Летом 1930 г., когда движение пошло на спад, в отчетах говорилось уже о 250 тыс. «кавалеристов»¹⁹. По данным председателя Московской КК РКИ А. Рындина, в движении насчитывалось около 6% девушек²⁰.

О широте движения красноречиво говорит и тот факт, что по Бакинскому округу районными слетами «легкой кавалерии» в 1929 г. было охвачено 2532 чел., в том числе более тысячи из числа не состоявших в ВЛКСМ. Всего в Азербайджане число «кавалеристов» превысило 7 тысяч²¹.

Вместе с тем, признавалось, что отряды не везде оформились организационно, почти повсеместно группы «легкой кавалерии» имели переменный состав, систематическая работа проводилась группами «легкой кавалерии» весьма редко²².

В качестве приоритетных выдвигались задачи по расширению состава «легкой кавалерии». Газета «Тамбовская правда», например, писала: «Ни одной ячейки комсомола без отряда “легкой кавалерии” — такая задача должна быть поставлена и выполнена. “Легкая кавалерия” должна стать действительно передовым отрядом на фронте борьбы со всеми недочетами нашего строительства, со всеми извращениями классовой линии, со всеми врагами социалистического строительства»²³.

Основными функциями «легкой кавалерии» провозглашались неофициальный контроль и выявление конкретных фактов бюрократизма, волокиты, протекционизма, грубого отношения к посетителям, невнимательности к нуждам и запросам трудящихся масс, борьба со

всякого рода злоупотреблениями, подхалимством, умышленным невыполнением решений партии и власти со стороны отдельных лиц и учреждений. Руководство комсомола считало, что новая форма работы имеет и воспитательное значение: «активным участием в соц. строительстве, путем критики недостатков и практической работы по их исправлению она воспитывает у молодежи чувство активного участника строительства социализма, а не простого наблюдателя со стороны и пустого крикуна о недостатках»²⁴.

В общественном сознании с деятельностью «легкой кавалерии» ассоциировались в первую очередь так называемые «налеты», о которых частенько сообщали местные газеты. Например, печатный орган Тамбовского райкома ВКП(б) «Колхозник» 5 апреля 1930 г. писал: «Чтобы проверить готовность организации и колхозов к севу, легкая кавалерия в конце марта сделала налет на села Жариково и Граждановку». Местное население, не особенно разбиравшееся в методике работы «кавалеристов», интерпретировало событие как акцию устрашения с участием регулярных войск.

На самом деле «налеты» были оригинальными формами общественного контроля. В местах, где они намечались, вывешивались «жалобные ящики» для заявлений о несправедливых действиях местных органов власти. Отряд «легкой кавалерии» появлялся в организации без предупреждения: проверял документацию, опрашивал мнения окрестных жителей о работе данного учреждения. Особую активность «легкая кавалерия» проявляла в выявлении внутренних резервов промышленных предприятий. Для принятия административных мер собранный материал направлялся в соответствующие отделы рабочекрестьянской инспекции. В больницах изучалось, как идет прием больных, образуются ли очереди и почему. В магазинах контролировалось состояние жалобных книг. На вокзалах выясняли, как борются с очередями за билетами, благоустроено ли помещение для пассажиров. Главный минус подобных проверок заключался в поощрении анонимности заявлений и их использовании.

Уже в 1928—1929 гг. деятельность «кавалеристов» по поиску классовых врагов достигла огромных размеров. Типичны отчеты закавказских «кавалеристов»: «Налеты на управление Джульфа-Бакинской ж.д. обнаружили ряд преступлений, в аппарате сидело 68 ч. Чуждых людей (князей, конр-разведчиков, губернаторов)»; «В сел. Кой (Армения) “ЛК” разоблачила бывшего попа на работе зав. школой, саботирующего общественной работой. “ЛК” в сел. Джархеч (Армения) обнаружила факты искажения классовой линии со стороны кооперации, которая обслуживает нетрудовой элемент, заключила союз с частником»²⁵.

Нередко комсомольцы использовали довольно специфические методы работы. Так, в Зарайском районе на фабрике «Феникс» «кавалеристы» залезли под стол перед заседанием фабкома, чтобы подслушать, о чем будет говорить администрация, а потом «прижать» ее²⁶.

Однако нельзя утверждать, что отряды «легкой кавалерии» реагировали только на чуждое социальное происхождение и инакомыслие. Например, весьма положительных результатов в деле повышения дисциплины и успеваемости помогли достичь созданные в 1928 г. студенческие отряды «легкой кавалерии».

Несмотря на то, что в конце 1920-х гг. «легкая кавалерия» на железнодорожном транспорте не получила широкого распространения, отдельные бригады добивались высоких результатов. Так, юные «кавалеристы» при станции Смоленск сделали 32 проверки, в результате которых, за нарушение железнодорожных правил было задержано 737 человек. Из них 323 чел. оштрафованы на сумму 1129 руб. и на 414 чел. составлены акты, общая сумма штрафов по которым достигла 6326 рублей²⁷. Известны факты, когда комсомольцы вовремя замечали лопнувшие рельсы и этим предупреждали крушение поездов.

Предпринимались даже попытки создать отряды «легкой кавалерии» в армии. В них могли бы входить военнослужащие-комсомольцы. Так, в одном из московских стрелковых полков комсомольская группа 1-й роты проявила инициативу в создании отряда. Объектом контроля стала солдатская кухня, причем ставилась задача добиться приготовления более вкусных и сытных обедов. Опыт дал хорошие результаты — после проверки суп и каша были приготовлены хорошо, а порция мяса на обед достигла 75—80 г вместо обычных 60—65, сэкономили 15 буханок хлеба. Затем по договоренности с командованием такой же комсомольский наряд был послан на все кухни, и снова были получены хорошие результаты в соблюдении чистоты, качества пищи, экономии хлеба. «Кавалеристам» удалось выявить и ряд существенных недочетов, например хлеб и продукты возились неприкрытыми на грязных повозках, брезенты, на которых рубят мясо, не мылись, на одной из кухонь повар жарил мясо для себя²⁸. Впрочем, в армии идея «легкой кавалерии» не прижилась, командование из соображений поддержания дисциплины не могло допустить создание солдатского контролирующего органа.

Весьма настойчиво «кавалеристами» разоблачалось моральное разложение представителей чиновничьего аппарата. Комсомольцы села Каргат (Новосибирский округ) выяснили, что заведующий отделением Госторга «использовал» служебное положение в целях домогательств к работницам. Чиновник прямо заявлял женщинам: «Отдашься мне — проведу в профсоюз и будешь работать в заведении». Одна из них по секрету сообщила «кавалеристам»: «Я сейчас гуляю с заведующим, потому что он грозит уволить, а остаться без работы — с голоду помрешь»²⁹. Произведя налет на наркомат земледелия Аджаристана, «легкая кавалерия» обнаружила, что кассир незаконно получил 420 руб., кроме того, фактически занимался ростовщицеством, давая деньги под проценты торговцу³⁰.

Нередко объектом проверки «легкой кавалерии» становились сельские школы. Например, в Избердеевском районе было выявлено грубое обращение учительницы с детьми³¹.

Стараниями комсомольцев активизировалась борьба с протекционизмом, волокитой и бесхозяйственностью в Закавказском ЦСУ. Нравы, царившие там до комсомольского вмешательства, в отчете призван был охарактеризовать следующий факт: заведующий одного из отделов направлял курьеров смотреть, свободна ли уборная³².

«Легкие кавалеристы» разоблачали даже растраты местного партийного начальства³³. Отметим и ее вмешательство в деятельность судебных органов, в частности, попытки преодолеть волокиту при рассмотрении дел³⁴.

При этом нельзя не заметить, что в сферу интересов «легкой кавалерии» на начальном этапе ее деятельности не входила работа по искоренению выявленных недостатков. Большинство отрядов лишь фиксировали нарушения, после чего работа прекращалась. В РКИ Сокольнического района Москвы так характеризовали эту деятельность: «Черт их знает, нашумят, а потом придется еще посылать»³⁵. Секретарь одной из комсомольских ячеек Макаров, выступая на Тифлисском городском слете «легкой кавалерии», недоумевал: «Неужели я должен узнать, какой результат получился, благодаря тому материалу, который я послал?»³⁶

Одной из главных примет «кавалеристской» деятельности стало увлечение ночными облавами. Встречались даже случаи применения допросов. Такие методы получили название «пинкертоновщина» по имени популярного литературного героя.

На окружном слете «легкой кавалерии» Армавирского округа приводились факты, когда комсомольцы ночью брали винтовки и делали налет на самогонщиков, а потом сами выпивали «конфискованный» продукт³⁷. В Бежецком районе в одной из деревень «кавалеристы» на лошадях окружили кулацкий двор, забрали трех коров и привели их в колхоз. В поселке Белоусовка (Оренбургский округ) вооруженные «легкие кавалеристы» ночью попытались конфисковать хлеб у должников. Закончилась эта попытка повальным обыском, после которого возмущенные крестьяне кольями прогнали «налетчиков»³⁸.

В некоторых отрядах конспирация и милицейские формы работы принимали явно гипертрофированный характер. В трудовой школе № 59 в Тифлисе на тетради учета «кавалеристов» значилось: «Тайный руководитель тайного отряда». Вся работа строилась на строгой конспирации³⁹. В одной из ячеек Поповского района (Средне-Волжский край) секретарь ячейки не знал состава «легкой кавалерии», так как он был засекречен. В Пензе на фабрике «Маяк революции» отряд был разделен на две части: нелегальная — для комсомольцев и легальная — для остальных. «Легкие кавалеристы» села Новокрещина (Кузнецкий округ), посоветовавшись с милиционером, как оформлять дела, начали снимать с крестьян показания⁴⁰. Неоднократно комсомольцы подменяли собой органы правопорядка и занимались тем, что разнимали драки, отбирали самогон, сажали пьяных в конюшни.

Нередко отряды «легкой кавалерии» брали на себя заведомо непосильные для них задачи. В Вельегонске группа комсомольцев решила снизить на 20% административные расходы в кооперации, не обращая внимания на то, что на складах этой же кооперации несколько лет лежал гнилой изюм, пятый год ржавело железо, в пекарне пропадала мука⁴¹. Увлеченные «административной стороной дела», комсомольцы не всегда реагировали на бесхозяйственность. Был отмечен случай, когда «кавалеристы» даже предпринимали попытку расследовать «Пятилетний план народного хозяйства СССР»⁴².

Отдельные органы РКИ пытались превратить «кавалеристов» в своих внештатных сотрудников, чему всячески сопротивлялось руководство комсомола. В РКИ нередко убеждали членов отрядов, что «самостоятельность вам не нужна. Мы будем давать задания, а вы исполняйте их»⁴³. Соответственно комсомольское руководство рекомендовало отрядам «легкой кавалерии» работать без мандатов РКИ.

Тем не менее, в среде комсомола преобладало стремление иметь мандаты, так как считалось, что «без них у нас ничего не выйдет». Официальная бумага, несомненно, придавала комсомольцам уверенности в своих полномочиях. В итоге ЦК ВЛКСМ разрешило работу с мандатом, но только в случае совместных с РКИ проверок. В других рейдах пользоваться ими не рекомендовалось.

Казенность, насаждение соцсоревнования отрядов отнюдь не улучшали эффективность «налетов» «легкой кавалерии». На местах признавали, что в кризисе движения «легкой кавалерии» виноват сам комсомольский аппарат, характеризуемый как «малоподвижный, неэнергичный, ненапористый»⁴⁴. Для выполнения своих обязанностей «кавалеристам» часто не хватало образования («Ребята с трудом пишут, составление актов для них является почти невозможной вещью»⁴⁵).

Тем не менее, это не мешало «контролерам» давать самые разнообразные и безапелляционные советы. Крестьянскому товариществу советовали, например, уволить сторожа. Ведь, по их логике, без него можно обойтись, так как «инвентарь находится под замком»⁴⁶.

Подчас «кавалеристы» проявляли рвение в самых неожиданных областях. В Грузии, например, они занимались выслеживанием, кто с кем обнимается и целуется⁴⁷. В Телави группа кавалеристов давала поручения разузнать, какая девушка с кем гуляет, и они целые ночи проводили в слежке. Проводились налеты на частные квартиры, в которых выясняли, кто что ест, на чем спит⁴⁸.

Нередко в борьбе с неэффективными чиновниками «легкой кавалерии» мешала сама бюрократическая комсомольская система. В январе 1930 г. на Козловском окружном молодежном слете с сожалением констатировалось, что «легкая кавалерия» на деле оказывается «тяжелой»⁴⁹. Некоторые штабы «легкой кавалерии» строили свою работу на бесконечных заседаниях и обрастали делами и «папками», по существу превращаясь в очередную бюрократическую надстройку. Данный факт отмечал на XVII партийном съезде Л.М. Каганович: «Мы должны сказать и нашему комсомолу, что и у него имеются недостатки, что и у них есть и бумагомарание и канцелярщина, они тоже слишком легко поддаются написанию длинных резолюций»⁵⁰.

Сами участники «легкой кавалерии» зачастую не отличались примерным поведением. В Кирсановской ячейке ВЛКСМ комсомолец Пашков допускал антисемитские высказывания, а рабочие боялись на него жаловаться («нельзя: он активист, член “легкой кавалерии”»)»⁵¹. В Верхне-Спасской ячейке Рассказовского района член отряда Ф. Беляев участвовал в кулачных боях, но когда получал отпор, кричал: «Я — комсомолец, меня бить нельзя!»⁵² Союзные комитеты повсеместно фиксировали факты употребления «конфискованного» спиртного и другие хулиганские действия «кавалеристов».

В отчетах «легкой кавалерии» сохранилось немало примеров, подтверждающих, что под предлогом разоблачительной деятельности преследовались личные интересы. Например, притчей во языцех стали случаи, когда «кавалеристы» требовали, чтобы их бесплатно пустили в кино («обследовать картину»). Некто Коган сам себе подал заявление, наложил резолюцию и хотел выселить своего соседа, чтобы самому занять его квартиру⁵³.

Уже в 1929 г. Мичуринский горком ВЛКСМ отмечал упадок в работе «легкой кавалерии»⁵⁴. Обследование Избердеевского района (ЦЧО) показало: в некоторых ячейках созданы группы, но они не работали⁵⁵. В начале 1930-х гг. в документах комсомольских комитетов постоянно встречались упоминания о «кризисе» и «упадке» движения «легкой кавалерии». Повсеместно наблюдалось стремительное падение численности «легких кавалеристов». Так, к 1930 г. на Волоколамской фабрике им. Ленина из 200 «кавалеристов» осталось 15. Комсомольские вожаки на предприятии занимались «организацией» игр, пения песен и застоля⁵⁶. Руководство союза сетовало на то, что в Мордовии в 5 районах не было ни одного «кавалериста». В том же году Оренбургская организация, «полгода назад бывшая и по количеству и по качеству на первом месте в крае», практически полностью распалась, уменьшившись на 152 отряда и 1300 участников⁵⁷.

Чуть ли не повсеместно работа «легкой кавалерии» признавалась слабой. Пленум Бондарского райкома ВЛКСМ констатировал неудовлетворительный подбор руководителей и неграмотность состава отрядов⁵⁸. В 1932 г. в секретной записке для Кагановича отмечалось, что если раньше «легкая кавалерия» являлась основной формой борьбы комсомола за улучшение госаппарата, то в последнее время ее работа значительно ослабла. Констатировалось, что «в большинстве организаций “легкой кавалерии” как организованной единицы нет»⁵⁹.

Конечно, полностью движение не исчезло, но лишь немногие организации могли похвастаться большим количеством «кавалеристов» и проводимых ими рейдов. Отчасти причины этого, вероятно, следует искать в том, что движение «легкой кавалерии» было инициировано «сверху». Без постоянных директив руководства комсомольцы редко брали инициативу организации налетов в свои руки. Сказывалась и перегруженность актива работой по хозяйственно-политическим кампаниям.

Ситуация с «легкой кавалерией» обсуждалась на пленуме ЦК ВЛКСМ в ноябре 1932 года. Участник пленума Круль предлагал организовать рейды по проверке охраны социалистической собственности в деревне. Он признавал, что «в деревне мы имеем чрезвычайно слабые кадры “легкой кавалерии”». Как свидетельствует стенограмма, раздавались крики: «Кавалерии почти нет» «и в городе нет». Тем не менее, докладчик предлагал «кавалеристам» бороться с прогулами, так как, по его словам, на Северном Кавказе, в ЦЧО, на Средней Волге в целом ряде колхозов «невыходы на работу превышали выходы на работу»⁶⁰. Несмотря на решения пленума, в работе «легкой кавалерии» не наступили практические улучшения.

Вопреки сложившимся стереотипам, уже в 1932 г. во многих провинциальных организациях констатировали смерть отрядов «легкой кавалерии». Правда, затем предпринимались неоднократные попытки реанимации движения: наиболее успешные в середине 1930-х гг.⁶¹, заключительные — в 1950-е годы⁶². Но это ни в коем случае не отрицает того факта, что уже на начальном этапе деятельности «легкой кавалерии» были обнажены ее основные «язвы». К сожалению, не только Сталин, но и многие советские люди склонны были считать новое молодежное движение «легкомысленной кавалерией». Инициированное «сверху» создание «легкой кавалерии» натолкну-

лось на непонимание созидательных задач абсолютным большинством участников движения. Убедившись, что население не готово слепо выполнять их указания, малограмотные юные любители «проверять и советовать» весьма быстро растеряли интерес к участию в «комсомольском контроле».

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №15-31-01002 «Комсомол как социокультурный феномен XX века».

1. Комсомол в борьбе с бюрократизмом. Письмо ЦКК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ, 4 октября 1927 г. Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М. 1987, с. 104—108.
2. СТАЛИН И.В. Сочинения. Т. 11. М. 1949, с. 74.
3. VIII съезд ВЛКСМ. Стенограф. отчет. М. 1928, с. 34—35.
4. КРУПСКАЯ Н.К. Детское коммунистическое движение. Пионерская и комсомольская работа. Внешкольная работа с детьми. М. 2014, с. 220.
5. СТАЛИН И.В. Ук. соч., т. 11 с. 127—138.
6. Справочник партийного работника. Ч. I. М. 1930, с. 598—599.
7. МАЯКОВСКИЙ В.В. Собр. соч. Т. 5. М. 1978, с. 110.
8. УЭЛЬСОН В. Легкая кавалерия в действии. — Смена. 1929, № 6, с. 10.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 23, д. 927, л. 56.
10. Комсомольская правда. 1930, 31 января.
11. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 865а, л. 5.
12. Тамбовская правда. 1929, 6 февраля.
13. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИ ТО), ф. П-1176, оп. 1, д. 82, л. 90.
14. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 927, л. 69.
15. Очередные задачи комсомольской работы и партруководства комсомолом. — Правда. 1929, 26 марта.
16. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 16.
17. Там же, д. 865а, л. 5.
18. УЭЛЬСОН В. Ук. соч., с. 10.
19. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 965, л. 1.
20. Комсомольская правда. 1930, 25 февраля.
21. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 15—15об.
22. Там же, л. 16.
23. МИХНО. Привет первому окружному слету «легкой кавалерии». — Тамбовская правда. 1930, 2 февраля.
24. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 16.
25. Там же, л. 16—16об.
26. Комсомольская правда. 1930, 13 мая.
27. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 1078, л. 28.
28. Там же, д. 865а, л. 5.
29. Там же, д. 927, л. 69.
30. Там же, д. 92, л. 16об.
31. ГАСПИ ТО, ф. П-379, оп. 1, д. 165, л. 1.
32. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 16об.
33. ГАСПИ ТО, ф. П-379, оп. 1, д. 6, л. 40.
34. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 17.
35. Там же, д. 865а, л. 21.
36. Там же, д. 92, л. 17.
37. Там же, д. 965, л. 21.
38. Комсомольская правда. 1930, 30 января.

39. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 18об.
40. Комсомольская правда. 1930, 30 января.
41. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 865а, л. 20.
42. УЭЛЬСОН В. Ук. соч., с. 11.
43. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 865а, л. 19.
44. Там же, л. 27.
45. ГАСПИ ТО, ф. П-1214, оп. 1, д. 23, л. 14.
46. Там же.
47. Комсомольская правда. 1930, 13 мая.
48. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 18—18об.
49. ГАСПИ ТО, ф. П-379, оп. 1, д. 165, л. 1.
50. Комсомольская правда. 1934, 22 ноября.
51. Тамбовская правда. 1929, 5 апреля.
52. Там же, 15 февраля.
53. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 92, л. 18—18об.
54. ГАСПИ ТО, ф. П-1176, оп. 1, д. 82, л. 2.
55. Там же, ф. П-379, оп. 1, д. 159, л. 8.
56. Комсомольская правда. 1930, 13 мая.
57. Там же, 30 января.
58. ГАСПИ ТО, ф. П-1177, оп. 1, д. 10, л. 4.
59. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 1006, л. 132.
60. Там же, оп. 2, д. 91, л. 26, 38.
61. ИППОЛИТОВ В.А. Рейд «Легкой кавалерии» комсомола в 1934—1935 гг. как способ развития общественной активности молодежи. — Социодинамика. 2015, № 11, с. 168—181.
62. ДОБРОСОЦКИЙ Н. «Легкая кавалерия» комсомола: попытки возрождения во второй половине 1950-х годов. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — Вопросы теории и практики. 2017, № 2, с. 90—93.

Развитие радиоразведки отечественного Военно-Морского Флота в первой половине XX в.

В.Г. Кикнадзе

Аннотация. В работе представлены историография, и этапы развития сил и средств радиоразведки Военно-Морского Флота в Российской империи и СССР в первой половине XX в.: обоснована периодизация; обобщены основные проблемы и пути их решения; выявлены и сформулированы тенденции. Предложены направления дальнейших исторических исследований.

Ключевые слова: радиоразведка, флот, война, история, исследование, проблемы, тенденции.

Abstract. The work presents historiography, features and stages of the process of development of radio reconnaissance assets of the Russian Navy the Russian Empire and the USSR in the first half of the twentieth century: periodization is justified; General problems and ways of their solution are summarized; Revealed and formulated trends. Directions for further historical research are suggested.

Key words: radio reconnaissance, fleet, war, history, research, problems, trends.

В первой половине XX в. наземная составляющая радиоэлектронной разведки (РЭР) отечественного (Российской империи, Советского Союза) Военно-Морского Флота (ВМФ) ¹ являлась основой получения разведывательной информации не только для ВМФ, но и для группировок войск на приморских направлениях. Исторический опыт развития сил и средств радиоразведки ² отечественного ВМФ в первой половине XX в. — в период почти непрерывного участия Российской империи, РСФСР, СССР в войнах и вооруженных конфликтах — содержит богатейший фактологический материал.

В историографии рассматриваемой проблемы представляется целесообразным выделить два периода.

Первый — советский (1917—1991). Отрывочные сведения о радиоразведке появились в отечественной историографии в 1920-е гг. с

Кикнадзе Владимир Георгиевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: kiknadzeVG@mail.ru.

Kiknadze Vladimir G. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: kiknadzeVG@mail.ru.

выходом трудов Я.А. Файвуша ³. Несмотря на то, что в них приводились сведения о радиоразведке на сухопутных театрах военных действий, книги стали руководством не только для армейских, но и для флотских радиоразведчиков. Общие вопросы организации радиоразведки были рассмотрены в исследованиях профессора Николаевской академии Генерального штаба генерала П.Ф. Рябикова и К.К. Звонарёва, занимавшего в 1920—1930 гг. руководящие должности в разведывательном управлении РККА ⁴. Ряд эпизодов из истории радиоразведки, боевого применения ее сил и средств в первой мировой войне получил отражение в статьях Д. Карпова, И.И. Ренгартена и Х.М. Мурниэка на страницах журнала «Морской сборник» ⁵.

В начале 1930-х гг. вышла статья А.А. Саковича ⁶ — первая специальная работа по истории радиоразведки отечественного ВМФ в годы первой мировой войны. Оценка роли радиоразведки в системе разведывательного обеспечения флота с учетом развития военно-морского искусства в 1920—1930-е гг. дана в работах П.В. Мягкова и В. Чернышёва ⁷.

В годы Великой Отечественной войны обобщению опыта ведения радиоразведки в советском ВМФ уделялось значительное внимание. Вместе с тем ее историография пополнилась лишь одной работой ⁸. Ее автор — М.Б. Айзинов — привел краткую историческую справку о развитии радиоразведки советского ВМФ в 1941—1944 годах. Большая часть публикации имела практическую направленность.

В первые послевоенные десятилетия история флотской радиоразведки по-прежнему практически не освещалась. Лишь в 1961 г. появилась статья А. Янковича, посвященная ее развитию в первой мировой войне ⁹.

В 1970—1980-х гг. началось обобщение опыта развития радиоразведки отечественного ВМФ в Великой Отечественной войне, как например, в докладах В.М. Адамова на военно-научных конференциях в 1975 и 1988 годах ¹⁰. Однако обе работы являлись закрытыми, и доступ к ним исследователей был ограничен.

К 40-летию начала Великой Отечественной войны статью В. Соболева о деятельности радиоразведки советского ВМФ в годы войны опубликовал «Морской сборник» ¹¹. Тема постепенно приобретала юбилейный характер, что в полной мере отразилось на коллективном труде Главного штаба ВМФ ¹², в котором впервые была предпринята попытка систематизировать и обобщить историю радиоразведки отечественного ВМФ с 1895 по 1945 год. На содержание работы определенное влияние оказал и идеологический фактор. Под его влиянием оценка деятельности радиоразведки Российского императорского флота была занижена, а советского ВМФ завышена.

В советский период появились диссертационные исследования М.С. Тура и А.В. Басова ¹³, в которых на материалах Великой Отечественной войны затрагивались отдельные аспекты рассматриваемой темы.

Зарубежная историография в большей степени заслуживает внимания с точки зрения проведения сравнительного анализа. Первые публикации таких авторов, как М. Стежияский, Г. Лорей, Г. Ролльман, фон Чишвиц, касались развития радиоразведки Российского

императорского флота в первой мировой войне ¹⁴. Как наиболее значимую для исследователей можно выделить работу начальника разведывательного бюро австрийского генерального штаба М. Ронге ¹⁵.

Особо следует отметить исследования английских ученых по истории криптографии в Российской империи ¹⁶ и морской разведки в годы второй мировой войны, позволившие сравнить результаты деятельности советской и английской радиоразведок на европейских морских театрах военных действий ¹⁷.

Второй период — постсоветский. Содержательные работы о русской разведке вообще и ее деятельности в Русско-японской войне 1904—1905 гг. написаны М.А. Алексеевым, И.Н. Кравцевым, Е.В. Добычиной, Е.Ю. Сергеевым ¹⁸. Однако в трудах этих авторов и ряде других работ, включая «Очерки истории российской внешней разведки» и «Очерки истории российской военной разведки» ¹⁹, радиоразведка ВМФ лишь упоминается. В трудах по истории связи и разведки ВМФ ²⁰, несмотря на приводимые примеры радиоразведывательной деятельности в 1904—1905 гг., критический анализ состояния и боевого применения сил и средств радиоразведки ВМФ отсутствует. В этот период появились также публицистические ²¹ и историографические ²² работы. Значительное развитие получила историография радиоразведки в контексте исследования событий первой мировой войны ²³, включая публицистику ²⁴.

Несмотря на неплохие показатели количества опубликованных работ по истории радиоразведки на Балтийском море в 1914—1917 гг. специалисты отмечают, что «историография радиоразведки Русского флота за этот период [1996—2016 гг.] развивалась значительно слабее, «чем того можно было ожидать» ²⁵. Подобная оценка, присутствующая в публикации М.А. Парталы, может быть отнесена и к нему самому как автору многочисленных (более 2—3 десятков) работ по истории радиоразведки Российского императорского флота на Балтийском море в этот период. Подавляющее большинство его исследований представляет собой лишь компиляцию документов и материалов архивов в узкой предметной и хронологической области. Даже попытка представить анализ современной историографии и перспектив исследования ²⁶ оказалась несостоятельной: представление собственных работ (более 20 раз, что ставит под сомнение научную компетентность издания), необоснованная критика лишь одного автора, формулировка перспектив исследования в самом общем виде.

В канун 80-летия начала гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.), благодаря изданию, подготовленному Главархивом Москвы, удалось установить краткие биографические сведения первых борцов с фашизмом, в том числе радиоразведчиков РККФ ²⁷.

В это же время были изданы сборники и монографии отечественных авторов по истории Советско-финляндской войны ²⁸, но роль разведки РККФ в этом конфликте не получила объективной оценки.

Продолжались исследования роли радиоразведки советского ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Здесь можно отметить работы таких авторов как В.Н. Андреев, Ю.П. Горин, Ю.М. Игнатенко, В.Г. Литвиненко, С.А. Литвинов, В.В. Шель ²⁹. В них в основном рассматривались вопросы развития радиоразведки на Балтийском и Северном флотах и в контексте разведки на флотах в целом. По дан-

ному периоду также появились публицистические публикации ³⁰, но уже с опорой на новые источники, в том числе документы и материалы архивов.

Значительное место вопросам развития технических средств разведки уделяется в монографиях А.А. Глушенко и Т.В. Алексева ³¹, выступлениях на научных конференциях Парталы и Д.Л. Трибельского ³².

Истории отечественной военной разведки с XIV в. до 1945 г. посвящен труд В.В. Кондрашова ³³. Автор привлек архивные документы и материалы — как публиковавшиеся ранее, так и носившие долгое время закрытый характер. Весомым вкладом в историографию разведки ВМФ можно считать книгу В.М. Фёдорова ³⁴ — бывшего начальника разведки ВМФ, заместителя начальника Главного штаба ВМФ по разведке. Истории отечественной военной РЭР посвящена работа М.Е. Болтунова ³⁵.

К диссертационным работам ³⁶, в которых в той или иной мере затронуты отдельные аспекты проблемы, относятся исследования по итогам Русско-японской войны, о периоде военных реформ 1905—1912 гг., первой мировой войны, конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г., Советско-финляндской, а также Великой Отечественной войн.

Среди недостатков работ современных авторов следует отметить оставляющую желать лучшего теоретико-методологическую проработку исследований. Так, Партала ошибочно отождествляет эффективность радиоразведки и эффективность деятельности в общем понимании данного понятия.

Расширилась в постсоветский период и зарубежная историография развития флотской радиоразведки ³⁷. Вместе с тем по рассматриваемой теме она не богата новыми данными. Новейшие достижения западных исследователей в области истории радиоразведки ВМФ России представлены работами о событиях на океанских и морских театрах накануне и в годы первой ³⁸ и второй мировых войн ³⁹, а также в послевоенный период ⁴⁰, включая войну в Корее (1950—1953 гг.) ⁴¹.

Формированию достоверных знаний о развитии радиоразведки способствуют документы архивов. При этом не существует фондов, непосредственно посвященных развитию радиоразведки ВМФ. Такие документы отложились в фондах разных архивов. Среди них следует отметить материалы, находящиеся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота в фондах Военно-морского управления при Верховном главнокомандующем и Морского штаба Верховного главнокомандующего, штабов командующих флотами, Службы связи Морских сил, Службы наблюдения и связи, Первого управления Рабоче-Крестьянского ВМФ; в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи ⁴²; в Центральном государственном архиве Москвы.

Следует отметить важность документов РГВА для исследователей истории отечественного ВМФ. Показательны в этом отношении материалы об организации радиоразведки на морских театрах военных действий (МТВД) в ходе гражданской войны и военной интервенции в России ⁴³, об открытии Курсов разведки и военного контроля в но-

ябре 1918 г. и создании весной 1919 г. в составе Региструпра морского разведывательного отделения⁴⁴, а также о развитии радиоразведки в РККА и РККФ в конце 1920 — начале 1930-х годов⁴⁵.

История радиоразведки советского ВМФ накануне и в годы Великой Отечественной войны представлена в документах и материалах Архива Военно-Морского Флота.

Значимыми, с точки зрения исторической новизны, документами Архива ВМФ, касающимися организации и боевой деятельности частей радиоразведки советского ВМФ, стали: распоряжения Совнаркома СССР⁴⁶; приказы и переписка наркома обороны СССР, наркома ВМФ СССР⁴⁷; указания начальника Главного морского штаба ВМФ СССР⁴⁸ и переписка с командованием флотов об обеспечении разведывательных отделов флотов техническими средствами разведки; приказы и переписка начальника разведки ВМФ (в частности, доклады наркому ВМФ с ходатайством перед наркомом связи СССР⁴⁹, начальнику ГМШ, переписка с начальником Генерального штаба, начальником связи ВМФ, Миссией старшего британского морского офицера в Северной России).

Ценными для исследования оказались неопубликованные материалы научно-исследовательских работ по истории разведки отечественного ВМФ в первой половине XX в.⁵⁰, а также мемуары радиоразведчиков. Среди неопубликованных источников — находившиеся на хранении в Музее боевой славы Краснознаменного радиоотряда Балтийского флота воспоминания участников Великой Отечественной войны Н.П. Федотова и А.Б. Павлова; среди опубликованных — мемуары бывшего начальника разведки ВМФ Ю.П. Квятковского⁵¹.

Совокупность данных источников, научных работ отечественных и зарубежных историков, сопоставление их с известными фактами позволили выявить и обобщить опыт развития сил и средств радиоразведки отечественного ВМФ в первой половине XX в. и обосновать хронологические границы этапов ее развития.

Первый период — имперский (1903—1917 гг.) — включает два этапа.

Первый этап — зарождение радиоразведки (1903—1914 гг.) — связан с появлением радиосвязи и технических средств радиоразведки. Для него характерны разработка основ применения радиоразведки⁵² и получение первоначального опыта ее ведения. Вместе с тем следует отметить недооценку государственным и военным руководством Российской империи возможностей радиотехники и радиоразведки, что значительно сдерживало развитие ее сил и средств.

Второй этап — становление радиоразведки (1915—1917 гг.), для которого характерно создание с 1915 г. первых специализированных частей радиоразведки на флотах — радиостанций особого назначения и радиопеленгаторных (морских радиокомпасных) станций; дополнение процесса радиопоиска и слежения радиопеленгованием, техническим анализом и распознаванием объектов; совершенствование методов радиоразведки; появление первых руководящих документов в области ее организации на флоте и отдельные попытки налаживания подготовки специальных кадров. Октябрьская революция 1917 г. прервала этот процесс.

Второй период развития радиоразведки отечественного ВМФ — советский (1918—1955 гг.) — включает три этапа.

Первый этап — восстановление радиоразведки (1918—1936 гг.). Характерными признаками данного этапа являются: эпизодическая деятельность в 1918—1924 гг., а начиная с 1925 г. — формирование сил и средств радиоразведки на флотах, их функционирование в составе Службы наблюдения и связи (СНиС). В это время отмечался рост количества элементов радиоразведки на флотах, увеличение количества объектов разведки, расширение зоны ее применения⁵³. Произошедшее на том этапе подчинение в оперативном отношении разведывательным отделам флотов (1929—1935 гг.), а в дальнейшем — выведение сил и средств радиоразведки из состава СНИС (1935—1936 гг.) привело к их полному включению в систему разведки ВМФ.

Второй этап — развитие советской радиоразведки (1936—1945 гг.) — связан с обострением военно-политической обстановки в мире, изменением военной организации Советского Союза и его участием в трех войнах и двух вооруженных конфликтах. Для развития радиоразведки ВМФ на данном этапе характерны функционирование ее сил и средств под непосредственным руководством разведывательных отделов флотов, совершенствование организации (отдельные радиоразведывательные отряды, береговые радиоотряды), изменение содержания и объема задач, успешное решение которых позволило доказать значимость роли радиоразведки в обеспечении военных (боевых) действий и отдать ей ведущее место в системе флотской разведки.

Именно в это время происходило введение в действие документов, регламентирующих деятельность сил и средств радиоразведки ВМФ⁵⁴; упорядочение организации специальной деятельности⁵⁵; выведение на новую ступень развития взаимодействия с дешифровальной разведывательной службой (ДРС) флота, другими видами разведки ВМФ и органами управления⁵⁶; становление системы подготовки кадров⁵⁷; увеличение более чем в два раза количества сил и средств радиоразведки ВМФ; значительное расширение содержания решаемых задач и потребителей радиоразведывательной информации; появление новых организационных форм в системы радиоразведки ВМФ⁵⁸.

Третий этап — совершенствование радиоразведки (1945—1955 гг.), для которого характерно: создание подвижных морских радиогрупп и радиопунктов, радиоразведывательных групп на кораблях и судах; формирование на базе радиоразведки Службы радиоэлектронной борьбы и Службы специального контроля за ядерными взрывами; начало стремительного развития маневренных сил разведки ВМФ (появление морской РЭР, вооружение самолетов морской авиации средствами радиотехнической разведки и радиоразведки в УКВ-диапазоне); перевооружение радиоразведки; внедрение новых видов РЭР (радиотехническая разведка); использование сил и средств радиоразведки в интересах освоения и контроля космического пространства; начало подготовки специалистов РЭР всех категорий личного состава. В результате проведенных преобразований радиоразведка ВМФ, достигнув наивысшей, предельной точки своего развития как самостоятельной системы, трансформировалась в систему РЭР ВМФ.

Зарождение радиоразведки отечественного ВМФ непосредственно связано с именем А.С. Попова, который активно внедрял в деятельность флота радио и телеграф (причем в основном на свои сред-

ства), — первоначально для решения задач безопасности на море, а в дальнейшем — перехвата сеансов радиосвязи. Неоценимы его заслуги в совершенствовании технических средств, использовавшихся в том числе для ведения радионаблюдения, подготовке первых радиотелеграфистов («слушачей»), создании научной школы, к ученикам и последователям которой по праву можно отнести Ренгартена. Значителен опыт сподвижника Попова — вице-адмирала С.О. Макарова. Наибольший вклад в развитие радиоразведки накануне и в ходе первой мировой войны внесли А.И. Непенин, Н.Н. Апостоли, В.Н. Кедрин и Ренгартен.

На следующих этапах развития радиоразведка ВМФ перешла от радионаблюдения за противником (функции СНиС) к решению преимущественно разведывательных задач. Так, учтя опыт боевого применения сил и средств флотской радиоразведки в вооруженных конфликтах у оз. Хасан в 1938 г. и в районе р. Халхин-Гол в 1939 г., а также в ходе Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., она стала решать задачи по определению признаков подготовки ВМС противника к агрессии с морских направлений.

В Советско-финляндской войне флотская радиоразведка проявила себя с лучшей стороны в отличие от агентурной, корабельной и воздушной. Именно береговые части обеспечивали командование сведениями о противнике в сложных для других видов разведки метеоусловиях и независимо от дальности месторасположения объектов разведки.

Как в имперский период, когда решение проблем во многом определялось энтузиазмом и целеустремленностью немногочисленного круга лиц, так и на первых этапах советского периода личные деловые качества руководителей во многом определяли направленность и динамику решения проблем радиоразведки.

Возглавлявший секцию связи Морского научно-технического комитета А.И. Берг осуществлял научное руководство работами в области разработки ТСР, способствовал созданию Научно-исследовательского морского института связи и телемеханики. Вместе с А.Н. Щукиным (автор идеи создания стационарного коротковолнового радиопеленгатора с подвижной антенной системой) и А.В. Стороженко (оказывал радиоразведчикам практическую помощь в освоении технических средств разведки), участвовавшими в обосновании пространственного разнесения элементов радиоразведки Северного флота, Берг разрабатывал, испытывал и внедрял новые ТСР, в том числе армейские радиопеленгаторы.

Выдающиеся организаторские способности проявили А.И. Авраменко, Л.М. Галлер и А.П. Фабель. Активно добиваясь от вышестоящего командования принятия решений по формированию и началу функционирования первой береговой части радиоразведки советского ВМФ, они способствовали использованию этого опыта для восстановления радиоразведки в отечественном ВМФ в целом. Мурниэк и А.А. Сакович впервые обобщили и опубликовали в открытой печати данные развития радиоразведки в Российском императорском флоте. Сакович сформулировал требования к разведке ВМФ и концептуальные основы развития радиоразведки ВМФ, подтверждая свой же тезис о том, что опыт «в области разведки не должен покоиться на архивных полках»⁵⁹.

Накануне Великой Отечественной войны из перечня задач радиоразведки был исключен контроль за радиосвязью своих сил. Среди главных объектов разведки появилась Германия — ее ВМФ, ВВС и сухопутные группировки на приморских направлениях.

В целом в 1936—1945 гг. произошли значительные изменения перечня и содержания задач, решаемых силами и средствами радиоразведки флота. Так, в ходе Великой Отечественной войны зародилась и получила значительное развитие радиоразведка в УКВ-диапазоне, что делало радиоразведку ВМФ еще и тактической. На этом этапе своего развития радиоразведка действовала в интересах ДРС; добывала информацию и взаимодействовала с зарубежными разведками для обеспечения совместных действий на море; способствовала решению задач по оперативной маскировке. Полученный боевой опыт позволил командованию ставить перед радиоразведкой задачи по раскрытию планов противника на море. Деятельность радиоразведчиков советского ВМФ в ходе Великой Отечественной войны способствовала снижению потерь своих сил и нанесению значительного ущерба противнику.

Значимым фактором в процессе развития радиоразведки всегда была роль личности. Так, на Северном флоте накануне и в начале войны (1941—1942 гг.) отличился И.И. Трофимов, обладавший хорошей оперативно-технической подготовкой, прекрасный радист-практик, энергичный и неутомимый в работе, требовательный к себе и подчиненным⁶⁰. Организации и развитию взаимодействия с союзниками в целях обеспечения безопасности союзных конвоев в 1942—1944 гг. отечественная радиоразведка во многом обязана С.А. Арутюнову и П.М. Куприяненко. На Балтийском флоте незаурядные способности в качестве командира по радиоразведке разведывательного отдела (1942—1945 гг.) проявил Адамов. Ранее, в 1941 г., Владимир Михайлович вместе с А.И. Ермолаевым и А.Н. Мерцаловым обогатил радиоразведку ВМФ опытом передислокации сил и средств с соблюдением требования непрерывности разведки; ему же принадлежит инициатива создания при радиоотряде производственной группы сбора и восстановления ТСР. Принципиальность и организаторские способности Д.Б. Намгаладзе во многом способствовали развитию радиоразведки Черноморского флота. Одним из тех, кто первым успешно осваивал новые организационные формы взаимодействия, был А.В. Стороженко — руководитель оперативной группы (при обороне Севастополя), разведывательные данные которой дважды в сутки докладывались Верховному Главнокомандующему. Развитию теоретических основ боевого применения радиоразведки, изучению ее организации в ВМС Японии уделяли значительное внимание Г.А. Стрелков и П.И. Католичук. Важен вклад И.Е. Маркитантова в обоснование возможности и необходимости ведения разведки на Каспии и в акваториях Ближнего Востока.

В ходе Великой Отечественной войны значительный личный вклад в развитие радиоразведки внесли руководители центральных органов управления разведки Военно-Морского Флота М.А. Воронцов, И.М. Магницкий⁶¹, Е.О. Матевецкий, высший командно-начальствующий состав Вооруженных Сил (Н.Г. Кузнецов и И.Т. Пересыпкин — прежде всего в вопросах технического оснащения), а также российская академическая наука в лице Берга и Щукина.

В совершенствовании сил и средств радиоразведки советского ВМФ с началом 1950-х гг. весьма значимой была роль пришедших к руководству во флотской разведке участников Великой Отечественной войны — опытных специалистов в этой области и командиров Арутюнова, Г.А. Стрелкова и Адамова, которые заложили концептуальные основы развития радиоэлектронной разведки ВМФ.

Советская радиоразведка унаследовала большинство проблем имперского периода. Среди них: двойственность подчинения; отсутствие руководящих и методических документов; низкие боевые возможности ТСР и слабая обеспеченность радиосвязью; отсутствие средств корабельной и воздушной радиоразведки; ошибочное пространственное разнесение элементов на флотах и другие.

При этом результаты деятельности сил и средств радиоразведки советского ВМФ в военных конфликтах накануне Великой Отечественной войны не стали для командования импульсом для более внимательного отношения к этому виду разведки и решению ее проблем.

Одной из ключевых проблем организации советской военной разведки накануне войны являлось отсутствие, в том числе и в ВМФ, классификатора признаков, характеризующих угрозу военной безопасности и интересам государства со стороны ВМС ряда стран. На недостаточном уровне оставались степень подготовки кадров частей радиоразведки и их укомплектованность (66%). Техническое оснащение флотской радиоразведки также не получило необходимого развития.

С началом Великой Отечественной войны все проблемы обострились. Но именно в это время были найдены некоторые пути их решения. Так, решение проблемы необоснованного пространственного разнесения элементов радиоразведки было найдено в заблаговременной подготовке запасных и передовых позиций; создании маневренных пунктов для выбора позиций и калибровки ТСР; формировании оперативных групп на период передислокации; придании (переподчинении) береговых радиопеленгаторных пунктов одного флота другому; использовании передвижных радиопеленгаторных пунктов.

Проблема отсутствия соответствия организационно-штатной структуры частей радиоразведки стоявшим перед ними задачам решалась следующими способами: доукомплектованием их до штатной численности; переходом на 3- и 2-сменные вахты радиоразведки; дифференциацией ОШС БРО на флотах в зависимости от приоритета выполняемых задач; введением в структуру БРО штаба и оперативных дежурных.

Для решения проблем в области технического оснащения радиоразведки советского ВМФ была организована рационализаторская и изобретательская работа в радиоотрядах, осуществлялось квотирование продукции электропромышленности для нужд ВМФ, проводилась промышленная модернизация ТСР, использовалась трофейная техника.

Проблемы в области подготовки специалистов и комплектования частей радиоразведки решались за счет формирования специальных радиокурсов на флотах, подготовки специалистов из числа женщин и подростков (13—15 лет), организации учебных групп дополнительной специальной подготовки при береговых радиоотрядах, разработки руководящих и методических документов, определявших подготовку специалистов флотской радиоразведки, перехода в конце войны к централизованной подготовке кадров при Спецрадиокурсах ВМФ.

В целях повышения эффективности взаимодействия с союзниками по линии радиоразведки были приняты и реализованы следующие решения: открытие подразделений радиоразведки союзников на территории СССР и элементов радиоразведки советского ВМФ на зарубежной территории; сокращение сроков обмена разведывательными донесениями и увеличение в них доли радиоразведывательных материалов. Вместе с тем установлено, что препятствием на пути решения различных аспектов данной проблемы являлась ограниченность как у советской, так и у британской стороны желания полноценного сотрудничества, обмена опытом и техническими разработками.

В первое послевоенное десятилетие радиоразведка советского ВМФ столкнулась с проблемами, опыт преодоления которых она уже имела. Вместе с тем, необходим был поиск новых путей решения. Так, соответствие ОШС частей радиоразведки поставленным задачам достигалось следующими мероприятиями: разделение радиоразведки на стратегическую и оперативно-тактическую; выделение в отдельный вид разведки радиотехнической разведки; межведомственная консолидация в области радиоразведки (создание Комитета вооружения радиоразведки и радиоконтрразведки страны, единого НИИ с научно-испытательным полигоном и опытным заводом; совместное (Военное министерство, Военно-морское министерство, Министерство государственной безопасности) использование антенных систем); создание подвижных морских радиогрупп и подвижных морских радиопеленгаторных пунктов; внедрение радиоразведывательных групп на боевых кораблях и судах гражданских ведомств.

Таким образом, применение в историческом исследовании системного подхода позволило выявить тенденции развития радиоразведки отечественного ВМФ: 1) увеличение в ходе военного конфликта потребности в специалистах, в том числе лингвистах; 2) ужесточение требований к мобильности сил и средств радиоразведки, дальности и точности ее ведения в интересах ударных сил флота; 3) изменение взглядов руководства флотов и ВМФ на роль и место радиоразведки в обеспечении военных действий (от игнорирования в начале конфликта до признания роли как основного вида разведки к его завершению); 4) приближение сил и средств радиоразведки в ходе военного конфликта к ударным силам и средствам, дешифровальной службе; 5) стремление к консолидации усилий ведомств в области радиоразведки и криптоанализа, стандартизации терминологии, формализации отчетных документов по разведке. Однако данная проблематика нуждается в дальнейших исследованиях.

Примечания

1. Наземная компонента РЭР ВМ (береговые силы и средства радиоразведки ВМФ) — береговые части радиоразведки флотов, осуществляющие радиоразведку со стационарных или подвижных позиций (радиоразведка ВМФ).
2. Силы радиоразведки — личный состав органов управления и воинских частей радиоразведки; средства радиоразведки — состоящие на вооружении частей радиоразведки технические аппараты, устройства, станции, узлы и комплексы (технические средства разведки — ТСР), предназначенные для добывания разведывательной информации о ВМС иностранных государств.

3. ФАЙВУШ Я.А. Радиоразведка в различных фазисах современной войны. М. 1923; ЕГО ЖЕ. Радиоразведка. М. 1925; ЕГО ЖЕ. Прослушивание телефонных разговоров. М. 1929.
4. РЯБИКОВ П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Томск. 1919. В кн.: Антология истории спецслужб. Россия 1905—1924. М. 2007, с. 111—410; ЗВОНАРЁВ К.К. Агентурная разведка. Кн. 1—2. М. 1929—1931 (Изд. 2-е. М. 2003).
5. КАРПОВ Д. И.И. Ренгартен. Некролог. — Морской сборник. 1920, № 1—3, с. 1—5; РЕНГАРТЕН И.И. О радиосвязи в военном флоте. — Там же. 1920, № 1—3, с. 7—62; МУРНИЭК Х.М. Морская служба связи дореволюционного времени. — Там же. 1922, № 8—9, с. 129—134.
6. САКОВИЧ А. Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914—18 гг. — Морской сборник. 1931, № 12, с. 46—62.
7. МЯГКОВ П.В. О русской военно-морской агентурной службе в период Первой мировой войны. — Морской сборник. 1937, № 12, с. 95—99; ЧЕРНЫШЁВ В. Морская тактика за два десятилетия. — Там же. 1937, № 12, с. 17—29.
8. АЙЗИНОВ М.Б. Организация, методы и средства радиоразведки ВМФ СССР. — Известия ВМА им. К.Е. Ворошилова. Л. 1944, вып. 17—18, с. 27—32.
9. ЯНКОВИЧ А. К истории возникновения радиоразведки в русском флоте. — Военно-исторический журнал. 1961, № 1, с. 114—117.
10. АДАМОВ В.М. Краткий обзор довоенного и послевоенного развития радио- и радиотехнической разведки ВМФ. Сб. материалов конференции «Боевая деятельность советской военно-морской разведки в Великой Отечественной войне». М. 1975; ЕГО ЖЕ. Деятельность радиоразведки ВМФ в Великой Отечественной войне. Материалы конференции «Советская военно-морская разведка в Великой Отечественной войне». М. 1988.
11. СОБОЛЕВ В. Радиоразведка ВМФ в Великой Отечественной войне. — Морской сборник. 1981, № 6, с. 18—22.
12. Радиоразведка ВМФ. Краткая история. 1895—1945 гг. М. 1990.
13. ТУР М.С. Развитие советского оперативного искусства в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.) (Фронтовые операции). Дисс. докт. военн. наук. М. 1958; БАСОВ А.В. Оперативно-стратегическое применение Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Дисс. докт. ист. наук. М. 1976.
14. СТЕЖИЯСКИЙ М. Радиотелеграф как средство разведки. М. 1932; ЛОРЕЙ Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. М. 1934; РОЛЛЬМАН Г. Война на Балтийском море. 1915 год. М. 1937; ЧИШВИЦ фон. Захват Балтийских островов Германией в 1917 году. М. 1937.
15. РОНГЕ М. Разведка и контрразведка. М. 1939.
16. ANDREW CH., NEILSON K. Tsarist Codebreakers and British Codes. — Intelligence and National Security. 1986, vol. 1, № 1, p. 6—12.
17. БИСЛИ П. Разведка особого назначения (история ОРЦ английского Адмиралтейства. 1939—1945). М. 1981; GLANTS D. Soviet Military Intelligence in War. L. 1990.
18. АЛЕКСЕЕВ М.А. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Т. 1. М. 1998; КРАВЦЕВ И.Н. Тайные службы империи. М. 1999; ДОБЫЧИНА Е.В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX—XX вв. (1898—1901). — Вопросы истории. 1999, № 10, с. 127—131; ЕЕ ЖЕ. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895—1897 гг. — Отечественная история. 2000, № 4, с. 161—170; СЕРГЕЕВ Е.Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904—1905 гг.). — Отечественная история. 2004, № 3, с. 78—92; ЕГО ЖЕ. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904—1905 гг. М. 2010; ЕГО ЖЕ. Военная разведка России в годы Первой мировой войны. — Военно-исторический журнал. 2012, № 2, с. 52—61.
19. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М. 1996; КОЛПАКИДИ А.И., ПРОХОРОВ Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. М. 2000.
20. БИККЕНИН Р.Р., ГЛУЩЕНКО А.А., ПАРТАЛА М.А. Очерки о связистах российского флота. СПб. 1998; ФЁДОРОВ В.М. Военно-морская разведка: история и современность. М. 2008.

21. БОЕЧИН И. Радиоразведка по-русски. — Техника молодежи. 2015, № 10, с. 46—50.
22. ДОЛБИК В.Н. Спецслужбы дореволюционной России на страницах журнала «Вопросы истории» (2010 г.). — Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013, № 9, с. 276—281.
23. ПАРТАЛА М.А. «Раз Иван Иванович сердится, я дам вам “Рюрика”». — Гангут. 1999, вып. 20, с. 33—51; ПАРТАЛА М.А., СИМОНОВ Д.Н. Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания. — Защита информации. 2005, № 1, с. 90—96; ПАРТАЛА М.А. Позиции дозорных судов выясняются... (Малоизвестное о радиоразведке Балтийского флота). — Морской сборник. 2005, № 2, с. 80—83; ЕГО ЖЕ. Ведение радиоразведки кораблями Балтийского флота в 1912—1913 годах. — Защита информации. 2006, № 1, с. 85—90; ЕГО ЖЕ. Рифы и мифы острова Оденсхольм. — Там же. 2007, № 1, с. 84—90; № 2, с. 80—86; ЕГО ЖЕ. «Сигнальная книга» с турецкого крейсера «Меджидие». — Там же. 2007, № 5, с. 91—96; ЕГО ЖЕ. Имя А.С. Попова в истории отечественной радиоразведки. — Там же. 2010, № 4, с. 76—79; ЕЖОВ М.Ю. Один из мифов о крейсере «Магдебург». — Вопросы истории. 2007, № 2, с. 152—156; ПАРТАЛА М.А. «Осведомительное бюро» контр-адмирала А.И. Непенина: к истории Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи Балтийского моря (1915—1917). Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 16-й ежегодной научной конференции (2—3 апреля 2014 г.). СПб. 2015, с. 109—120; ЕГО ЖЕ. Наградные документы офицеров и нижних чинов Русского флота (1914—1917) как важный источник по истории отечественной военно-морской радиоразведки. Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 17-й ежегодной научной конференции (7—8 апреля 2015 г.). СПб. 2016, с. 160—166.
24. СЕРГЕЕВ В. Война в эфире. Радиоразведка помогла русскому флоту побеждать немцев. — Загадки истории. 2015, № 45, с. 18—19.
25. Цит. по: ПАРТАЛА М.А. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1915—1917): современная историография и перспективы исследования. Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 18-й ежегодной научной конференции. (12—13 апреля 2016 г.). СПб. 2017, с. 90.
26. ЕГО ЖЕ. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1915—1917): современная историография и перспективы исследования, с. 90—102.
27. Из Москвы — в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев — участников Гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. Т. 1. М. 2015.
28. ЖУМАТИЙ В.И. Боевые действия Военно-морского флота в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. М. 1997; Советско-финляндская война 1939—1940. СПб. 2003; АПТЕКАРЬ П. Советско-финские войны. М. 2004; ПЕТРОВ П.В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны. 1935 — весна 1941 гг. М. 2016.
29. АНДРЕЕВ В.Н., ИГНАТЕНКО Ю.М., ЛИТВИНЕНКО В.Г. Разведка Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград. 2001; ГОРИН Ю.П. Через трудности к вершинам: Очерк об истории факультета «Радиосвязь особого назначения» Балтийского военно-морского института. СПб. 2001; ЛИТВИНЕНКО В.Г. По специальному заданию. В кн.: Очерки из истории... Кн. 6. 2003; АНДРЕЕВ В.Н., ГОРИН Ю.П. Подготовка радиоразведчиков советского ВМФ в годы Великой Отечественной войны. — Флагман. 2005, № 7, с. 97—100; ЛИТВИНОВ С.А. Руководящие документы, регламентирующие организацию и ведение разведки на Балтийском театре военных действий накануне Великой Отечественной войны. — Там же. 2007, № 11, с. 80—85; ШЕЛЬ В.В. Опыт боевого применения сил и средств разведки Северного флота в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Там же, с. 96—99.
30. ФЁДОРОВ В. Развязать врагу язык... И так, чтобы он об этом не узнал. — Мурманский вестник. 25.07.2014.
31. ГЛУЩЕНКО А.А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900—1917 гг.). СПб. 2005; АЛЕКСЕЕВ Т.В. Индустрия средств связи Петербурга-Ленинграда для армии и флота в эпоху потрясений и модернизации. 1900—1945 годы. СПб. 2010.
32. ПАРТАЛА М.А., ТРИБЕЛЬСКИЙ Д.Л. Первые разведывательные радиопеленгаторы в русском флоте. НТОРЭС им. А.С. Попова, 54-я НТК. СПб. 1999; ПАРТА-

- ЛА М.А. Создание первого в Русском флоте специализированного разведывательного радиоприемника. НТОРЭС им. А.С. Попова, 67-я НТК. СПб. 2012; ЕГО ЖЕ. К истории создания первой в Русском флоте сети разведывательных радиопеленгаторов. Сети и линии связи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы девярых научных чтений памяти А.С. Попова, посвященных Дню радио (6 мая 2016 г.). СПб. 2016, с. 118—122.
33. КОНДРАШОВ В.В. История отечественной военной разведки. Документы и факты. М. 2012.
 34. ФЁДОРОВ В.М. Военно-морская разведка: история и современность. М. 2008.
 35. БОЛТУНОВ М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. М. 2011.
 36. ПОДСОБЛЯЕВ Е.Ф. Подготовка русского Балтийского флота к Первой мировой войне, 1906—1914 гг. Дисс. канд. ист. наук. СПб. 1995; ГЛУЩЕНКО А.А. Создание и деятельность службы связи Российского императорского флота (1900—1917 гг.). Дисс. канд. ист. наук. СПб. 1996; ПЕТРОВ П.В. Краснознаменный Балтийский флот в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2000; НАЗАРЕНКО К.Б. Морское министерство России в 1905—1914 гг. Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2001; ГЛУЩЕНКО А.А. Деятельность государственных органов и общественных объединений по формированию информационного пространства России, 1900—1917 гг. Дисс. докт. ист. наук. СПб. 2002; ДОБЫЧИНА Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке (1895—1904). Дисс. канд. ист. наук. М. 2003; БЕЛОЗЕР В.Н. Военно-морская разведка России: история создания, становления и развития (1696—1917). Дисс. канд. ист. наук. М. 2009; АЛЕКСЕЕВ Т.В. Создание и промышленное производство средств связи для армии и флота в 1900—1945 гг. (на материалах индустрии Санкт-Петербурга — Ленинграда). Дисс. докт. ист. наук. СПб. 2011.
 37. МАКЛАХАН Д. Тайны английской разведки (1939—1945). М. 1997; ФАРАГО Л. Дом на Херрен-стрит. М. 1997; КУКРИДЖ Е.Х. Тайны английской секретной службы. М. 1999; ХАРРИС Р. Энигма. М. 2006; RICHELSON J.T. A century of spies. Intelligence in the twentieth century, 1995. (История шпионажа XX века. М. 2000).
 38. EGOLF R. Radio Intelligence on the Mexican border, World War I: A personal view. USA. 2001.
 39. BENSON R.L. A history of US Communication Intelligence during WWII. Policy and Administration. USA. 1997; WEADON P. Sigsaly Story. USA. 2000; HANYOK R. Communication Intelligence and the Holocaust, 1939—1945. USA. 2004.
 40. Venona: Soviet Espionage and the American Response. 1939—1957. USA. 1996; SCHINDLER J.R. A Dangerous Business: The U.S. Navy and National Reconnaissance During the Cold War. USA. 2004.
 41. WEADON P. SIGINT and COMSEC Help Save the Day at Pusan. USA. 2000; HATCH D.A., BENSON R.L. The Korean War: The SIGINT Background. USA. 2000; WEADON P. PFC Jay Stoner. USA. 2001.
 42. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС), ф. 10р, оп. 1, д. 74, 84, 104; ф. 49, оп. 1, д. 23.
 43. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 25, оп. 7, д. 208.
 44. Там же, ф. 33 221, оп. 2, д. 216.
 45. Там же, ф. 33 987, оп. 1, д. 91; оп. 3, д. 367, 1221.
 46. Распоряжение СНК СССР № 3470-РС от 18.02.1943 г., которое обязало Наркомат электропромышленности поставить ВМФ в 1943 г. 60 шт. ондуляторов за счет производства, и Распоряжение СНК СССР № 21 736-РС от 14.11.1943 г. «О возобновлении деятельности в Ленинграде Государственного НИИ Автоматики и Специальной Связи НИИ-49». Архив Военно-морского флота (Архив ВМФ), ф. 2, оп. 10, д. 47.
 47. Доклад наркома ВМФ СССР заместителю наркома обороны СССР генерал-полковнику войск связи И.Т. Пересыпкину от 15.4.1943 г. с просьбой для обеспечения союзных конвоев передать аппаратуру для Разведывательного управления ГМШ. Архив ВМФ, ф. 2, оп. 10, д. 48; Приказ наркома ВМФ СССР № 326 от 19.9.1941 г. «О формировании в Архангельске берегового радиоотряда в составе приемного центра второго класса и включении его в состав Беломорской военной флотилии». Там же, д. 6, л. 257—262.

48. Циркуляры начальника ГМШ ВМФ СССР: № 0042 от 10.12.1941 г. «О формировании берегового радиопеленгаторного пункта в г. Чита». Архив ВМФ, ф. 2, оп. 10, д. 27, л. 149—151; № 122 от 17.12.1942 г. «О введении в действие Положения о береговом радиоотряде флота (флотилии) и Положения о радиоузле ОСНАЗ штаба флота». Там же, д. 59, л. 251; «Указания по составлению задач и планов по радиоразведке» (1944 г.). Там же, д. 58, 71.
49. Для решения проблемы подготовки кадров и комплектования частей радиоразведки и узлов ОСНАЗ инженерами, радистами и радиотехниками в марте 1941 г. предлагалось получить этих специалистов из Наркомсвязи СССР. Архив ВМФ, ф. 2, оп. 10, д. 5, л. 166.
50. Развитие береговых частей радиоэлектронной разведки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: отчет о НИР. Калининград. 2003; Анализ состояния и боевого применения береговых частей радиоэлектронной разведки ВМС Германии во Второй мировой войне. Сравнительный анализ с радиоразведкой ВМФ СССР: отчет о НИР. Калининград. 2003; Боевое применение береговых частей радиоэлектронной разведки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: отчет о НИР. Калининград. 2003; Разведывательное обеспечение боевых действий Краснознаменного Балтийского и Северного флотов в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг.: отчет о НИР. Калининград. 2005.
51. КВЯТКОВСКИЙ Ю.П. Мы вместе служили флоту. СПб. 2001.
52. В 1903 г. в «Своде военно-морских сигналов» был предусмотрен сигнал, обозначающий, что «неприятель производит сигнализацию телеграфом без проводов». Данный факт и копия страницы из Свода впервые опубликованы в кн.: Радиоэлектронная борьба в Военно-Морском Флоте. От Порт-Артура до наших дней. М. 2004, с. 21.
53. Создание информационных радиоразведывательных центров; организация подготовки кадров и комплектование ими частей радиоразведки; активизация разработки и производства ТСР.
54. Впервые определяется единая организация береговых частей радиоразведки, подчиненных им радиопеленгаторных пунктов и обеспечивающих радиоузлов.
55. Введение единых форм отчетных документов по разведке, появление в структуре береговых частей радиоразведки штатных должностей оперативных дежурных и начальника штаба, осуществляющего непосредственное руководство специальной деятельностью.
56. Размещение на территории радиоотрядов подразделений ДРС, прикомандирование офицеров БРО в качестве помощников оперативных дежурных на КП флота, организация взаимообмена разведывательными сведениями между частями (подразделениями) разведки ВМФ.
57. Впервые радиоразведку отечественного ВМФ дополнили специально подготовленные кадры старшинского и офицерского составов, стала регламентированной подготовка операторов боевых постов радиоразведки.
58. Оперативные радиоразведывательные группы при органах управления флота и соединений, включая общевойсковые, ВВС и войск ПВО, разнородных группировок войск и сил на стратегических направлениях, группы тактической радиоразведки при боевых и разведывательных подразделениях.
59. САКОВИЧ А.А. Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914—18 гг. — Морской сборник. 1931, № 12, с. 62.
60. ФЁДОРОВ В.М. Военно-морская разведка: история и современность. М. 2008, с. 131.
61. О вкладе С.М. Магницкого в развитие радиоразведки ВМФ см.: ШАПОРОВА С.А. С.М. Магницкий: у истоков становления радиоразведки Военно-Морского Флота. — Краеведческие записки. 2011, № 17, с. 154—157.

Судьбы «бывших» в российской провинции в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)

П.А. Мистрюгов

Аннотация. В работе рассмотрены некоторые аспекты социального определения и повседневной жизни представителей органов местного самоуправления Самары, землевладельцев, служащих полиции и жандармерии после 1917 г. и мероприятия местной советской власти по надзору за ними; выявлены принятые в их среде способы социального существования. Публикация основана на ранее неизученных документальных материалах советских органов власти, местных подразделений ВЧК и ревтрибуналов из региональных архивов.

Ключевые слова: революция 1917 г., ЧК, ревтрибунал, социально-политический контроль, внесудебные репрессии, КОМУЧ, Самарская губерния, гражданская война.

Abstract. The paper deals with some aspects of social identification and day-to-day life of the local self-government institutions officials, landowners, police and gendarmerie officers after 1917 as well as with extraordinary supervision measures taken by the local soviet government organs with regard to these sections of population. The mode of their social existence is also dealt with. The paper is based on the unknown formerly unused documents of the Soviet power organs, local sections of the All Russian Extraordinary Commision (VCHC) and revolutionary tribunals which were drawn from the regional archives.

Key words: The Revolution of 1917, Cheka, revolutionary tribunal, socio-political control, extrajudicial reprisals, the Committee of the Constituent Assembly members, Samara province, Civil War.

В период российской революции 1917 г. и гражданской войны присущая обществу структура, иерархия и принципы взаимоотношений власти и населения коренным образом трансформировались. В советской историографии проблема включенности представителей бывших привилегированных сословных групп в общественные отношения после 1917 г. исследована фрагментарно и достаточно односторонне. Конкретные способы и практики постреволюционного существования «угнетателей» как самостоятельная научная проблема не рассматривались, а отдельные стороны их участия в общественной жизни

Мистрюгов Павел Алексеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Самарского государственного медицинского университета. E-mail: Pavel892006@yandex.ru.

Mistryugov Pavel A. — candidate of historical sciences, assistant professor at the Samara State Medical University. E-mail: Pavel892006@yandex.ru.

были представлены в нескольких историографических традициях ¹. В новейшей историографии исследования социального уровня становления советской государственности ученые постепенно отходят от господствовавших методов классового анализа. Значительно расширяется предметный диапазон, методы и источниковая база. После долгого забвения публикуются специальные исследования по теме поведения и повседневной жизни «бывших» ². Некоторые проблемы, прежде всего, чрезвычайные меры воздействия советской власти на данную категорию граждан, их привлечение к советской службе частично затрагиваются в трудах по смежным темам формирования российской государственности после 1917 года ³. В историографии революционных событий 1917 г. и гражданской войны в Поволжье есть общие работы ⁴, в которых анализируется процесс реализации советских мероприятий и описывается общественная реакция на них. Однако недостаточно рассмотренными остаются проблемы общественного положения «бывших», их места и роли в системе труда, возможностей применения и степени его эффективности, отношения советской власти к представителям «свергнутых классов», смыслового содержания идеологии «бывшие» в региональном сообществе (решениях местных конституционных и чрезвычайных органов власти, периодических изданиях). Между тем, как отмечает ряд исследователей, революционный процесс сопровождался возрастанием локализма ⁵. В каждом российском регионе, наряду с установками, заданными центром, складывалась своя специфика взаимодействия советской власти и общества.

В российской провинции в годы революции и гражданской войны в системе местного государственного управления отдельным направлением были взаимоотношения с «бывшими». В Самарской губернии принципы подобного взаимодействия первоначально определялись задачей борьбы с КОМУЧем. В период восстановления власти советов осенью 1918 г. социально-политическое противостояние между властью и местным сообществом достигло максимального накала. Чрезвычайные структуры истребляли представителей различных социальных групп, замешанных в поддержке КОМУЧа. Одной из особенностей реализации внесудебных мероприятий, возложенных на низовые подразделения органов ВЧК, была их динамичная активность.

Внесудебным репрессиям местной власти подверглись, наряду с большинством крестьян, «бывшие» — помещики и служащие властно-управленческих структур, военные и городские владельцы мелкой собственности, священнослужители. Однако в историографии исследуемой проблемы внесудебные меры, применявшиеся советской властью, не стратифицированы как по мотивации наказания и составу репрессированных, так и по самим мерам принимавшегося воздействия. Так, внесудебные действия против жителей городов в исследуемый период (владельцев мелкой собственности, низовых служащих прежней власти) мало изучены. В Самаре в октябре 1918 г. по приговорам коллегии фронтовой ЧК, в которых политическая мотивация обвинений соседствовала с уголовной, были расстреляны десять граждан. Из них четверо (в том числе торговец, дьякон и прапорщик) обвинялись в связях с чехами и белогвардейцами, пятеро — в грабежах и расстрелах, обвинение против одного (бывший становой пристав) не установлено. В декабре 1918 г. были репрессированы де-

сять горожан: представители торговой сферы (торговец-домовладелец, мясник, владелец пекарни), дворянства («сын помещика»), мелкие служащие (заведующий 7-м околотком 2-го участка). В вину им ставилась поддержка власти КОМУЧа. Например, были такие варианты поддержки, как служба в чехословацкой контрразведке, занятия антисоветской агитацией, притеснения советских работников и красноармейцев, укрывательство службы в Народной армии, непризнание советской власти. Несколько граждан обвинялись в пьянстве, спекуляции и воровстве. Таким образом, среди обвинений превалировал политический состав преступлений ⁶.

В регионах репрессивные мероприятия, направленные против царских офицеров в ситуации открытого военно-политического противостояния и меры по ограничению их влияния в разнообразных социальных структурах различались по степени интенсивности и способам реализации. А.Л. Кубасов пишет, что на русский Север свозили офицеров для уничтожения в специально созданных для этого концентрационных лагерях ⁷. В Петрограде, как отмечает М.Н. Петров, в 1918 г. офицеров в массовом порядке регистрировали и, руководствуясь превентивными целями, проводили аресты и расстрелы. Из этого положения автор заключает, что красный террор начался задолго до его официального объявления СНК. В дальнейшем антисоветская активность офицеров в Петрограде и Северо-Западных губерниях была связана с вербовочной деятельностью германской оккупационной администрации и выступлениями в советском тылу в период подготовки и наступления Северо-Западной армии Н.Н. Юденича ⁸. В Пермском Прикамье в 1921—1922 гг. была раскрыта «белогвардейская организация», состоявшая из нескольких десятков офицеров. В связи с этим Е.А. Кобелева выделяет важный принцип — все реальное сопротивление с участием бывших офицеров сотрудники ЧК относили к «белогвардейским организациям» ⁹. В губерниях Верхней Волги, по мнению А.В. Рыжикова, большой контингент офицеров и унтер-офицеров из расформированной 12-й царской армии стал костяком подпольных «контрреволюционных» организаций, которых он насчитывает десяток. Автор описывает выступления в Ярославле, мятеж в Муроме как самые крупные, выявляя жесткие меры наказания их участников ¹⁰.

В Самарской губернии внесудебные меры против военных стали практиковаться в период восстановления советских органов власти и управления. В декабре 1918 г. Губернская ЧК приговорила к высшей мере наказания десяти военных, активно поддерживавших власть КОМУЧа (подполковник Н. Понамарёв, полковник П. Дробышев, подполковник В. Багинский, штабс-капитан П. Коноплянков, казачий сотник Е. Задорожный, прапорщик Н. Эдельсон, прапорщик И. Алексеев, поручик А. Дворянинов, прапорщик Н. Христензен, прапорщик Н. Шибко). В вину военным вменялась служба в Народной армии КОМУЧа, «участие в правительстве учредилловцев» и — на что обращалось особое внимание в решении ЧК — принадлежность к «классу буржуазии». При этом во внесудебной практике местных органов ВЧК положение обвиняемых принципиально отличалось друг от друга. Проходившие по тем же обвинениям 32 пролетария были освобождены, поскольку попали в Народную армию «или насильно или по чисто случайным причинам» ¹¹.

В годы гражданской войны объектом чрезвычайной политики советской власти становились помещики. Интересен вывод Кобелевой, которая установила, что в Пермском Прикамье против них проводились аресты, взятие в заложники, контрольно-учетные мероприятия, а причиной преследования «бывших», как правило, было не участие человека в сопротивлении, а принадлежность к определенным имущим классам. Эти репрессии были деперсонифицированными и внесудебными. В основном, под них попадали потенциальные, а часто и воображаемые, враги советской власти¹².

В конце 1918 — начале 1919 гг. в Бузулукском, Бугурусланском и Бугульминском уездах Самарской губернии активно велась борьба с «помещичьей контрреволюцией». Местные ЧК часто прибегали к внесудебным методам в своей деятельности. Сохранившиеся списки расстрелянных свидетельствуют, что при официальном провозглашении власти рабочих и крестьян уничтожались именно крестьяне (25 граждан). Из представителей некогда привилегированных групп, по приговорам уездных ЧК, был расстрелян 21 помещик, преимущественно из Бугульминского уезда. Это — Б.Д. Дворянинов, И. Лифантьев, В. Ростовский, В. Тернов, Воскресенский, Ф. Денисов, П.И. Ефим, А. Денисов, П. Денисов, И. Денисов, Е. Денисов, Н. Денисов, Н. Скалон, Проскулин, М. Петров, В. Шапошников, Л. Низе, И. Дворников, Г. Пузанов, П.Д. Дворянин, П. Владимиров; в Бугурусланском уезде — 1 «потомственный дворянин» (А.П. Боровецкий); в Бузулукском уезде — 2 дворянки (М. Скорятинова, Ю. Любимская).

Помещики обвинялись, главным образом, в противоправных делах, связанных с поддержкой власти КОМУЧа. Политическая окраска обвинений очевидна. Антисоветский характер действий, который им приписывался, выражался в «контрреволюционных выступлениях», «выдаче советских работников», «службе в боевой дружине». Единичными стали обвинения в «эксплуатировании чужого труда» (эта формулировка часто использовалась при характеристике профессии) и в том, что задержанный был «агентом буржуазии». Обвинительные приговоры местных ЧК были либо односложными, либо имели многоступенчатую структуру, которая представляла иерархизованное социальное, идеологическое и политическое обоснование вынесенного приговора, а в социокультурном контексте воплощала принципы восприятия социальной действительности сотрудниками местных органов ВЧК. Обоснования со сложной структурой, как правило, предваряли конкретный состав преступных действий, совершенных обвиняемым. По сути приговоры к высшей мере наказания были не применением правовых норм, а выступали как административно-политическое, обусловленное конкретной ситуацией, доказательство целесообразности решений партийно-советской власти и обеспечивали ее сохранение.

Советская власть была активным участником гражданской войны, и приговоры ее чрезвычайных органов репрезентируют линии общественного раскола. Так, обвинительными мотивами в деле М. Скорятиновой была противоречивая смесь, с одной стороны, из ее происхождения, политической принадлежности и идейных убеждений и, с другой стороны, действительно совершенных или мнимых преступных действий. Следователи ГубЧК констатировали, что она «правая эсерка, воспитанница Бакунина и князя Кропоткина», «ярая противница

советской власти». По той же схеме строилось обвинение Ю. Любимской. «Правая эсерка» была обвинена в занятиях «подпольной работой», уличалась в активных выступлениях против советской власти (в каких конкретно, не указывалось) и оскорблении советских работников. В решении приводились примеры оскорблений («сволочи», «грабители») — натурализм в приговорах революционной поры часто соседствовал с идеологизированной фразеологией. Наконец, она выдавала красноармейцев, которых после расстреляли.

Из представителей «бывшего» мира, кроме помещиков, расстреляны были также трое урядников, один «бывший» пристав, один «бывший надзиратель» («агент охраны»), один офицер — и все они также обвинялись в «контрреволюционных выступлениях» и «выдаче советских работников». В списках расстрелянных исключением из круга «бывших» был один столяр, названный «агентом штаба охраны»¹³. Таким образом, манипуляция прошлым «бывших», которое приобрело черты опасного для их носителей, стало частью принципов оперативной и внесудебной работы чрезвычайных структур. Задержанные разделялись на «своих» и «чужих». Прошлое актуализировалось в решениях чрезвычайных органов советской власти в виде указаний на социальную принадлежность, профессию и общественное положение обвиняемых.

Кроме репрессивных мероприятий против «бывших» — сторонников власти КОМУЧа — с осени 1918 г. стала формироваться практика использования принудительного труда. В отдельную группу «трудовых ресурсов» местные власти выделяли представителей «буржуазии» и «нетрудового населения», которые привлекались к общественным работам¹⁴. 14 октября 1918 г. Горисполком принял решение, что Комиссия по организации квартальных комитетов бедноты совместно с комендантом г. Самары и начальником милиции должна осуществлять трудовую повинность нетрудового населения «в ближайшем будущем»; устанавливался состав привлекаемых: мужчины — от 18 до 50 и женщины — от 18 до 48 лет¹⁵.

Среди местного советско-партийного руководства классовый подход к организации принудительного труда не всегда вызывал однозначную поддержку и одобрение. 24 февраля 1920 г. на заседании Губисполкома среди его участников состоялась дискуссия. Против тех, кто однозначно поддерживал классовые принципы, выступил Леплевский, полагавший, что усилия советской власти должны быть направлены не на отыскание буржуазии, часть которой с пользой работает в советских учреждениях, а на поднятие производительности труда рабочих. Для претворения этого решения были созданы комитеты по проведению трудовой повинности¹⁶. Однако подобные заявления были исключительными и, как правило, побеждали сторонники проведения «классовой линии».

В 1919—1920 гг. в системе местного советского управления доминировали контрольно-учетные средства. Анализ состава граждан, прошедших регистрацию в местных органах власти, позволяет реконструировать действительные, а не мнимые направления социальной инверсии в годы гражданской войны, выявить положение граждан и принятые стратегии социального поведения. Так, в условиях социального экстрима многообразие и острота задач, стоявших перед со-

ветской властью, породила широко распространившийся «списочный» подход к установлению надзора. Губернские руководители воспринимали население сквозь разнообразные списки (список «присосавшихся», «буржуазного класса и ГубЧК», «список ответственных работников» и др.). К ним применяли соответствующие целям санкции. В случае с учетом «бывших» местные власти действовали согласно декрету СНК «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском и буржуазном строе» от 23 сентября 1919 г. и обязательному постановлению № 62 Губисполкома от 4 октября 1919 года¹⁷. Цель декрета СНК заключалась в самозащите советов посредством контроля за ними. Закон предполагал в случае уклонения от регистрации использование жестких мер¹⁸.

На протяжении всего периода революционных преобразований и гражданской войны под контрольно-учетные мероприятия советской власти попадали разные группы местного населения. Осенью 1919 г. были переписаны представители «бывших». Поступавшие от них заявления о регистрации являлись типовыми, формализованными, структурно соответствовали требованиям, указанным в постановлении Губисполкома, хотя некоторые из них страдали неполнотой данных. В них указывались такие характеристики, как возраст, состав семьи, имущественное положение, род занятий и ряд других.

В Самаре были учтены представители прежней городской элиты — банкиры, руководители и служащие органов городского самоуправления, судебных структур и учреждений образования и лица, оказавшиеся в эвакуации в Самаре в годы первой мировой войны. Эти граждане были лишены своего имущественного состояния, общественных прав и, как правило, их социальное и материальное благосостояние становилось плачевным. Например, такая судьба была у самарского купца второй гильдии, бывшего городского головы Д.К. Мясникова, чей семейный клан занимался рыбным промыслом. До революции 1917 г. Мясников был награжден двумя медалями «За усердие» на Анненской и Станиславской лентах и серебряной медалью на Владимирской ленте для ношения на шее¹⁹. В своей анкете он описал опыт службы в местных органах власти и умолчал о полученных наградах: с 1899—1905 гг., включительно, состоял членом городской управы, а в 1906—1913 гг. был городским головой и его заместителем; в 1915 г. избран на должность товарища директора в Первое Самарское общество взаимного кредита и прослужил в нем до 1917 года. На момент подачи заявления Мясников никаких занятий не имел. О его низкой степени адаптации в новой действительности свидетельствует имевшееся в анкете указание на источник средств к существованию, которым служила только «продажа движимого имущества и носильного платья»²⁰. Как пишут П. Попов и Т. Карпин, осенью 1921 г. Мясников при ловле рыбы для голодающих простудился и вскоре умер²¹.

Среди советских граждан купеческого социального происхождения была зарегистрирована анкета О.В. Шадринной. Она записала себя «бывшей владелицей» мельницы на арендованной городской земле в Самаре, ликвидированной в 1916 г., и земельного участка в Пугачёвском уезде. В графе «род занятий» бывшая купчиха оставила запись:

«За преклонным возрастом к труду не способен»²². Удачно вписался в судебные структуры советской власти К.Н. Иньков, председатель Самарской Земской Управы в 1909—1917 годах. С октября 1918 г. он работал народным судьей, возглавлял Совет местных народных судей г. Самары, но после 1919 г. судьба его неизвестна²³. В списках зарегистрированных по Самаре в 1919 г. он не значился.

Возможности включения «бывших» в трудовую деятельность были очень ограничены. Большой опыт, которым они обладали, эксплуатировался преимущественно на мелких должностях советской службы. Случаями действительно революционного изменения социального положения являются примеры А.М. Верховского и И.Е. Ильина. Верховский служил председателем Самарской уездной земской управы до 20 марта 1917 г., уволился по состоянию здоровья, а в 1919 г. числился делопроизводителем в канализационном отделении отдела благоустройства²⁴. Зарегистрировавшийся в Губисполкоме Ильин в 1906—1908 гг. служил членом городской управы, а в 1908—1916 гг. — управляющим Самарским городским общественным банком. На момент регистрации состоял на службе в Абдулинском районном отделении мукомольно-крупяной промышленности²⁵. В условиях революционной непредсказуемости сохранить свой род профессиональных занятий смог действительный статский советник Д.Ф. Богданов, который до 1917 г. состоял учителем русского языка на самарских трехлетних педагогических курсах и в 1919 г. продолжал занятия педагогической деятельностью²⁶.

Преимущественно во всех регистрационных заявлениях прослеживается тенденция к сглаживанию фактов из дореволюционного прошлого. Практически все заявления начинались со слов «от гражданина». В регистрационных анкетах граждане при перечислении своих былых профессиональных заслуг использовали средства изложения сдержанной, приглушенной тональности. Из подобного стиля письма выбивается регистрационная анкета действительного статского советника П.Ф. Дурасова, не утаившего, что он «бывший», «непременный» член Самарской губернской землеустроительной комиссии. Как и многие титулованные особы царского времени после 1917 г., он пополнил ряды мелких советских служащих еще до захвата Самары КОМУЧем (в мае 1918 г.), во время регистрации занимал должность делопроизводителя третьего продовольственного района Самарского городского рабочего потребительского общества²⁷.

После объявления о регистрации в местный губисполком поступило заявление от действительного статского советника В.П. Спасского — директора Виленских учительских институтов (Христианского и Еврейского). Причины пребывания Спасского в Самаре содержатся в его регистрационной анкете. Он писал, что Учительские институты, директором которых он был в течение 33 лет, в 1915 г. были эвакуированы в Самару, а 2 сентября 1918 г. он по болезни вынужденно ушел в отставку. После восстановления советской власти осенью 1918 г. бывший директор поступил на должность простого делопроизводителя школьного подотдела Губернского отдела народного образования. Данный случай вполне вписывается в тенденцию, отмеченную Т.М. Смирновой, утверждающей, что «традиционно высокий процент занятости на службе в советских учреждениях Мос-

квы и Петрограда составляли профессура, преподаватели вузов, научные и медицинские работники»²⁸.

Знания и опыт помогли адаптироваться не только в центре, но и в провинции. Многочисленные воспоминания участников и свидетелей революции пронизаны страхом перед незаконными арестами и наказаниями. Исключением не стал и Спасский, который, стремясь обезопасить свою жизнь от возможных посягательств, в заявлении дополнительно указал: «обязательность настоящей регистрации... обуславливается единственно моим прежним чином действительного статского советника». Тем самым, он выбрал лояльную, открытую позицию, заранее отрещиваясь от какого-либо участия в противоправных деяниях против новой власти²⁹.

Любые меры социально-политического контроля могли обернуться для граждан либо временным беспокойством, связанным с процедурой постановки на учет, либо весьма жесткими последствиями, поскольку результаты контрольно-учетных мер часто использовались при проведении чрезвычайных следственно-судебных, оперативных мероприятий при обострении социальной обстановки. В Самарской губернии подобная практика, как свидетельствуют архивные данные, не была широко распространена в отличие, например, от внесудебных репрессивных акций в Таврической и Черноморской губерниях в 1920 г. против офицеров³⁰.

Поиск социально опасных лиц, как одна из целей декрета СНК об обязательной регистрации, сработал в случае с В.П. Ушаковым, который до 20 октября 1917 г. служил членом Самарской городской управы и заместителем городского головы. Согласно приказу от 29 сентября 1919 г. и постановлению Комиссии по очистке советских учреждений, Ушакова следовало уволить со службы контролера VII отдела. Он был заклеен как «бывший» член Союза русского народа и «известный в Самаре активный контрреволюционер». Кроме этого, занимавшийся его делом общий отдел Губисполкома обязал отдел управления сообщить о зачислении Ушакова в «список буржуазного класса и Губчека»³¹. Таким образом, в данном случае идеологема «бывший» выступила реальным маркером неблагонадежности и послужила основанием для наложения административных ограничений.

Работники царских органов суда и правопорядка находились под особым надзором советской власти: как правило, против них организовывались публичные разоблачительные процессы или им ограничивался доступ к службе в советских, главным образом, правоохранительных и следственно-судебных ведомствах и структурах РКП(б). В Самарской губернии в условиях революционного разрушения и утверждения порядков новой власти, судебные меры наказания были применены к негласным сотрудникам органов жандармерии. В первой половине 1918 г. в Ревтрибунале расследовалось несколько дел «provokаторов». Как правило, судебные меры наказания, принимавшиеся по их делам, сводились к лишению прав и общественного доверия, а также к высылке в отдаленную местность³². Впоследствии в чрезвычайном судопроизводстве местного Ревтрибунала дела о provokаторах, а также те, в которых фигурантами были «бывшие», практически не заводились, в судопроизводстве их появление было единичным. В приговорах, выносимых местными деятелями чрезвычай-

ной юстиции, понятие «бывшие» практически не использовалось. В 1920 г. в Губревтрибунале разбиралось коллективное дело (всего 257 обвиняемых) по обвинению в «контрреволюции». В этом деле был замешан «бывший урядник», при КОМУЧе ставший «помощником милиции»³³. В 1922 г. в судебном производстве Губревтрибунала находилось дело «бывшего офицера», обвинявшегося в избиении красноармейца. Расследование этого случая было приостановлено до поимки преступника³⁴. Тогда же рассматривалось коллективное дело 16 граждан по обвинению в «контрреволюционных деяниях». В числе обвиняемых был статский советник, агроном В.В. Тейс. По решению Губревтрибунала, это дело было прекращено и направлено в Самарское ГПУ³⁵. Дальнейшая судьба его участников неизвестна.

В период установления власти советов в конце 1917 — начале 1918 г. в ответ на упразднение судебных установлений чиновники объявили саботаж, руководствуясь идеей выборов в Учредительное собрание как единственно возможного способа изменения государственного строя. Однако к весне 1918 г. их сопротивление было сломлено. К тому же в их рядах не было единства, часть из них сразу же стала сотрудничать с советской властью и, как сообщала местная пресса, получила прибавку к жалованию.

После восстановления советской власти часть служащих замещала должности в советских органах, другая — бедствовала, а третья группа работников рекрутировалась в следственно-судебные структуры. Например, действительный статский советник М.А. Дмитриев до 1917 г. служил членом Самарского окружного суда, а на момент проводившейся регистрации был трудоустроен делопроизводителем в промышленном отделе Средневожского союза. Пример самосознания Дмитриева представляет собой один из актуальных способов существования ценностей старого мира в условиях нового революционного порядка. Так, при описании своих служебных достижений Дмитриев использует настоящее время: «имею чин действительного статского советника»³⁶. Из этого следует, что в ситуации отторжения всего «старого», как того требовала идеология новой власти, индивидуальный опыт, имевший значимость для его владельца, сохранялся, но в официальной коммуникации власти и общества ограничивался. Привлекает внимание совсем неприметная, написанная на небольшом листке анкета действительного статского советника А.В. Филиппова — председателя Самарского окружного суда, находившегося в отставке с 1912 года. Средства к существованию бывшего председателя были ограниченными — «живу на пенсию», а имущественное положение характеризовалось кратко — «ничего не имею»³⁷. «Бывшие», потерявшие свое имущество, могли получить государственную поддержку. В январе 1919 г. местные власти в лице Совета рабочих и красноармейских депутатов выдавали бывшим владельцам отчужденных «недвижимостей» единовременное пособие в размере не свыше 10 тыс. руб. в случае их нетрудоспособности и отсутствия источников к существованию³⁸.

Низовые должности судебных органов советской власти рекрутировались из состава как местных служащих прежних судов и банков, так и прибывших из других регионов (Москва, Петроград, Казань, Варшава, Ферганская область). Судебные структуры пополняли

также студенты, выпускники Московского и Казанского университетов. Постреволюционное время вызывало мощную внутреннюю миграцию. После освобождения Самары от КОМУЧа в Губернский отдел юстиции поступали заявления от мелких служащих. Секретари, делопроизводители, канцеляристы свой профессиональный опыт и знания презентовали как главное преимущество при зачислении на службу. Их скудное материальное положение («весьма нуждаюсь в пропитании») превращало службу в спасательный круг и обращало служащих в полную зависимость от функционеров. Среди граждан, претендовавших на замещение вакантных должностей, были участники первой мировой войны. В своих заявлениях они позиционировали пережитые ими тяготы (плен, ранения и т.д.) как имеющие общественную ценность и рассчитывали, что они положительно повлияют на их трудоустройство. Проявлением революционной охлократии стало заявление от «анархиста Лёвы», который претендовал на должность правозаступника, поскольку он «сравнительно знаком с делом»³⁹.

Советская власть сотрудничала не только с мелкими служащими низовых органов власти и управления, но и шла на союз с работниками более высокого ранга. Так, действительный статский советник В.М. Мелких, до революции служивший инспектором Главного тюремного управления, после 1917 г. смог удержаться в своей профессиональной сфере, но постепенно опускался по ступеням административной лестницы, пройдя путь от инспектора Главного Управления местами заключения после Февраля 1917 г., заведующего Канцелярией карательного отдела Народного комиссариата юстиции после эвакуации в Москву до делопроизводителя Самарской конвойной команды в 1919 году⁴⁰. Признаки сходства социально-профессиональной адаптации «бывших» (зачисление их на советскую службу) на местном и центральном уровнях заметны, поскольку в центре, согласно утверждению Т.М. Смирновой, среднее звено советских служащих в значительной степени состояло из них⁴¹.

Регистрация «бывших» проводилась осенью 1919 г. в губернском и уездных центрах обширной Самарской губернии параллельно друг другу. В уездах дела с ее проведением обстояли по-разному: в Мелекесском и Пугачёвском уездах срывались сроки⁴², а власти Бузулука и Бугуруслана уже 5 октября 1919 г. направили в Губисполком списки зарегистрировавшихся. Согласно данным этих списков, осенью 1919 г. в Бузулукском и Бугурусланском уездах в составе зарегистрировавшихся преобладали бывшие собственники земельных наделов, включая их жен, мужей, детей, внуков, и размеры этих наделов составляли от 100 до 2000 десятин. Среди земельных собственников были 5 владельцев крупных наделов — 1000—2000 десятин: В.Н. Поляев, Л.М. Тимонтаев, П.С. Суховилов, А.Д. Суховилова, Е.Н. Суховилова (земля принадлежала ее свекру М.З. Суховилову, местонахождение которого было неизвестно); 5 владельцев наделов в 501—999 десятин: Ф.Ф. Попова, Ф.Ф. Белоновская, Л.Н. Ванякина, А.И. Копачёва, муж А.И. Поповой); 12 владельцев наделов в 200—500 десятин: Н.М. Болдырев, Г.В. Иванов, Я.К. Голощاپов, В.В. Камышникова, М.А. Шохин, П.Ф. Шипилов, Н.С. Ясаков, С.В. Никитин, К.Н. Тиманов, А.В. Малютин, И.А. Осипов, Д.В. Варенникова; владельцы наделов размером 100—199 десятин: Ю.Я. Дементеева,

И.И. Румянцев, Г.И. Суховилов, И.К. Иванов, Т.П. Попова, М.С. Попова, В.К. Попова, А.А. Попова, Е.А. Добрынина, Л.В. Шипилов, С.В. Царькова, С.Я. Кучеров, Д.И. Копачёв, В.И. Шапинов, П.И. Шапинов, А.И. Шапинов, Е.И. Гуров, С.С. Новосельцев, Ф.И. Попов, И.И. Попов, Т.С. Осипов, И.С. Осипов, Н.А. Осипов, А.Е. Булгаков, П.А. Ожерельев.

Землевладельцы, лишённые прежнего имущественного состояния (их наделы по сравнению с дореволюционным временем сократились до нескольких десятин), по-разному интегрировались в новые социально-экономические отношения и административные структуры. Большинство из них стали заниматься мелким сельским хозяйством. К примеру, Камышникова, Суховилов, Иванов, Шохин и другие засевали небольшие наделы. Помещица Ф.Ф. Белоновская состояла членом городской артели и занималась огородничеством. Крупная арендодательница Л.Н. Ванякина, до революции сдававшая 900 десятин земли и хутор, теперь жила «трудовым хозяйством». А.Д. Суховилова записала, что занимается «личным трудом» и получает помощь от дочери, служащей в железнодорожной милиции. В меньшинстве оказался Г.В. Иванов, бывший управляющий Бузулукским сельскохозяйственным училищем, владелец 350 десятин земли, трудоустроившийся членом коллегии Районного советского хозяйства. Неспособность к труду, возраст и другие обстоятельства приводили к тому, что незначительный процент «бывших» становился социальными иждивенцами. Так, бузулукская помещица А.И. Поздюнина ничем не занималась, проживала на средства сына — сельского учителя. На средства дочери, служащей местного Райпродкома, существовал Тимонтаев. Помощь со стороны своих семей получали Дементеева, Румянцев и др.

В списках зарегистрированных кроме земельных владельцев были хлебопашцы, мещане и представители прежних местных органов управления (исправник, старший производственных работ по выдаче отводных земель). Их социальная адаптация происходила по двум направлениям: часть поступала на советскую службу (бывший исправник Бугурусланского уезда смог трудоустроиться делопроизводителем ветеринарного подотдела местного исполкома; И.И. Болтунов, член Земской управы, поступил на службу в земельный отдел уездисполкома). Другие продолжали заниматься хлебопашеством⁴³. В Ставропольском уезде среди «бывших» оказался 21 служащий полиции и учреждений тюремного ведомства. Вероятно, уездные власти специально выделили в отдельный список «народных угнетателей». В их числе были уездный исправник, становой пристав и его помощники, стражники и урядники, унтер-офицер и «служащий полиции», волостной старшина — он же церковный староста. Одни стали добывать средства к существованию крестьянским трудом. Другая часть адаптировалась на советской службе, пополнив ряды делопроизводителей, счетоводов и письмоводителей⁴⁴. В значительном меньшинстве оказались представители уездной городской элиты. Городской голова Ставрополя П.Г. Цезарев переквалифицировался в бухгалтера местного отдела народного образования, а его сын, несмотря на прежний род занятий своего отца, служил в Самаре начальником снабжения 8-й артиллерийской бригады ВОХР⁴⁵. Действительный статский советник Ф.С. Краснорецкий, в царское время занимавший дол-

жность инспектора Народного училища Ставропольского уезда, продолжил учительскую деятельность в качестве преподавателя педагогических курсов в Ставрополе ⁴⁶.

Социальная судьба «бывших» отразила те противоречия, которые возникали при формировании нового политического режима. Внесудебные репрессии советской власти против «бывших», имевшие место в 1918 — начале 1919 г. в Самарской губернии, были вызваны антикомучевскими чрезвычайными мероприятиями. В данный период происходило истребление помещиков, военных, низовых представителей местных органов царской власти и управления, горожан, владельцев мелкой собственности. Политическая мотивация проводившихся репрессий превалировала. В отличие от других регионов в Самарской губернии не было крупных «контрреволюционных организаций», объединявших недовольных советами военных или помещиков. Их активность сводилась к разрозненным выступлениям и разным формам поддержки КОМУЧа. В последующее время внесудебные методы чрезвычайных органов советской власти сменили контрольно-учетные мероприятия над «бывшими», в основе которых лежало установление надзора. Место «бывших» в деятельности чрезвычайных структур было незначительным.

В Самарской губернии практиковались радикальные методы воздействия чрезвычайных органов советов на «бывших». Их спорадический принцип активации обуславливался тактическими соображениями поведения советской власти. Протестующие элементы уничтожались, потенциал лояльно настроенных использовался, и это открывало определенные перспективы и возможности для существования «бывших». В широком, социокультурном значении, роль социальных традиций в конституировании советского общественного порядка была неоднозначной.

Примечания

1. КРУШЕЛЬНИЦКИЙ А.В. Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти. В кн.: Исторический опыт Великого октября: к 90-летию лауреата Ленинской премии академика И.И. Минца. М. 1986, с. 162—171; ФЕДЮКИН С.А. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М. 1960; ТИТОВ Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М. 1987.
2. СМЕРНОВА Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 гг. М. 2003; ЕЕ ЖЕ. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917—1936 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 2010; НИКИТИНА Н.Н. Бывшие помещики в советской России в 1920-е годы: по материалам Калужской и Тульской губерний. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2002.
3. ИЗМОЗИК В.С. Политический контроль в Советской России. 1918—1928. — Вопросы истории. 1997, № 7, с. 26—35; ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. Советские управленцы, 1917—1920 гг. М. 1998; ПЕТРОВ М.Н. Формирование и деятельность органов ВЧК-ОГПУ. 1917 — середина 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России). Дисс. докт. ист. наук. Новгород. 1995.
4. КАБЫТОВА Н.Н. В огне гражданской войны: (Самарская губерния в конце 1917—1920 гг.). Самара. 1997.
5. НАРСКИЙ И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917—1922 гг. М. 2001, с. 38—39; КАБЫТОВА Н.Н. Становление местных органов советской власти

- в 1918—1920 гг. — Вестник СамГУ. 2007, № 5/3(55), с. 201—208; ЛЕОНОВ С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917—1922 гг. М. 1997, с. 176—178.
6. Подсчитано по: Приложение к «Краткой хронике революционных событий 1918 года в Самарской губернии». В кн.: Энциклопедия Самарской области. Т. 1. Самара. 2010, с. 127, 129; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО), ф. Р-193, оп. 2, д. 17, л. 28.
 7. КУБАСОВ А.Л. Концентрационные лагеря на Севере России во время Гражданской войны. — Новый исторический вестник. 2009, № 20, с. 62—64.
 8. ПЕТРОВ М.Н. Формирование и деятельность органов ВЧК-ОГПУ. 1917 — середина 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России). Дисс. докт. ист. наук. Новгород. 1995, с. 54, 79—87.
 9. КОБЕЛЕВА Е.А. Место и роль ЧК в процессе становления советского государства. 1918 — начало 1922 гг. (на материалах Пермского Прикамья). Дисс. канд. ист. наук. Пермь. 2005, с. 169—170.
 10. РЫЖИКОВ А.В. Деятельность губернских чрезвычайных комиссий Верхней Волги в 1918—1922 гг. Дисс. канд. ист. наук. М. 2003, с. 99—100.
 11. Подсчитано по: ЦГА СО, ф. Р-193, оп. 2, д. 17, л. 28.
 12. КОБЕЛЕВА Е.А. Ук. соч., с. 135—138.
 13. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 2с, д. 1, л. 98об.—103об.
 14. Приложение к «Краткой хронике...», с. 127.
 15. ЦГА СО, ф. Р-56, оп. 1, д. 3, л. 7.
 16. Там же, ф. Р-81, оп. 1, д. 15, л. 16об.
 17. Там же, оп. 2, д. 7, л. 4.
 18. Там же, л. 71.
 19. МАКИТРИН К.М. Почетные звания и награды самарских купцов. — Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2012, № 27.
 20. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 27.
 21. ПОПОВ П., КАРПИН Т. Наши градоначальники 100 лет назад. — Вечерняя Самара. 2010, 30 июня, № 21 (11085).
 22. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 41.
 23. КАБЫТОВ П.С. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865—1918 гг.). Самара. 2009, с. 97—98.
 24. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 23.
 25. Там же, л. 68.
 26. Там же, л. 66.
 27. Там же, л. 11.
 28. СМIRНОВА Т.М. «Бывшие люди» Советской России, с. 99.
 29. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 6—6об.
 30. СМIRНОВА Т.М. «Бывшие люди» Советской России, с. 82—83.
 31. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 21—22.
 32. Приложение к «Краткой...», с. 94, 96.
 33. ЦГА СО, ф. Р-116, оп. 1, д. 61.
 34. Там же, д. 64.
 35. Там же, л. 285об.
 36. Там же, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 26.
 37. Там же, л. 65.
 38. Коммуна. 1919, 16 января, № 31, с. 4.
 39. ЦГА СО, ф. Р-1868, оп. 2, д. 79, л. 7, 9—11, 13, 17—18, 21, 36, 40, 77, 173.
 40. Там же, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 69.
 41. СМIRНОВА Т.М. «Бывшие люди» Советской России, с. 97.
 42. ЦГА СО, ф. Р-81, оп. 2, д. 7, л. 73, 81.
 43. Подсчитано по: там же, л. 97.
 44. Там же, л. 103—105, 108—112, 114—125.
 45. Там же, л. 106.
 46. Там же, л. 102об., 107.

На пути к Брюмеру

А.В. Тырсенко

Аннотация. В работе на основе архивных документов рассматриваются либеральные истоки брюмерианских учреждений. Принимая во внимание формирование идей и политической практики французской либеральной традиции в конце XVIII в., данная тема исследуется в связи с фактами конституционного опыта того времени.

Ключевые слова: либеральные идеи, религия, администрация, реформы, выборы.

Abstract. In the article on the basis of unpublished materials is considered the liberal background of brumarian institutions. Taking into account the formation of ideas and political practice of French liberal tradition at the end of XVIII century, the given subject is investigated in dealing with the facts of constitutional experience at the time.

Key words: liberal ideas, religion, administration, reform, election.

Структура брюмерианских политических институтов на протяжении длительного времени теоретически осмысливалась Эмманюэлем-Жозефом Сийесом и была предложена им после прихода к власти в брюмере VIII г. Наполеона Бонапарта при подготовке Конституции VIII г. (1799 г.) и учреждении режима Консульства (1799—1804 гг.). В публикации речь пойдет об осмыслении Сийесом и близкими ему представителями либеральной мысли некоторых вопросов социально-политического устройства французского общества.

В небольшой рукописи 1770-х гг., озаглавленной «О необходимости откровения», Э.-Ж. Сийес оригинальным образом трактует вопрос о религии и обществе в связи с критическим разбором сочинений католических апологетов — аббатов де Прада и Рибо, которые отстаивали тезис о рациональности божественного откровения и происхождения религии.

В центре внимания Сийеса соотношение свободы и необходимости применительно к двум эсхатологическим догматам в католицизме: о бессмертии души и о достаточности и универсальности божественного откровения.

Тырсенко Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: Andrew.Tyrsenko@mail.ru.

Tyrsenko Andrew V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: Andrew.Tyrsenko@mail.ru.

ственной санкции, определяющей норму поведения людей. Сийес полагал, что разум ведет человека к определенной цели, исходя из отношений человека и Бога. Только разум устанавливает нормативные ограничения поведения людей, санкционируя проступки. Понятие о цели, к которой разум направляет человека, следует из рационалистических представлений об атрибутах Бога ¹.

Сийес критикует положение о необходимости божественной санкции и предпочитает говорить о ее возможности, как и о возможности религиозного культа, поскольку знание о какой-либо вещи, без знания о способе ее существования, возможно только через отношение к другой вещи или же через представление о ней самой. Возможные способы нормативного ограничения поведения людей открывает только разум.

По Сийесу, аббат де Прад, стремясь приспособить догматы католицизма к духу времени, выводит их происхождение, как и существование божественного откровения, из «света разума». Аббат говорит о том, что изначально вопрос о необходимости откровения не ставится. Конечную же цель он соотносит с установленным Богом религиозным культом, внутренним и внешним. Если подобное утверждение, с которым Сийес соглашается, считать первым принципом, то любовь к Богу выступает в качестве основной части религиозного культа.

Дальнейшие рассуждения аббата де Прада по поводу доказательства бессмертия души и существования божественного откровения Сийес считает поверхностными. Так аббат де Прад утверждает, что Бог наделил людей желанием быть счастливыми, желанием, которое не может быть удовлетворено, если будут установлены пределы счастья. Бог является причиной существования личностного «я» в теле человека. Отсюда аббат де Прад делает вывод о причине любви человека к Богу. Сама же религия, по его мнению, должна быть открыта людям необходимым образом посредством божественного откровения, поскольку они не имеют иной возможности постичь высшие истины своего существования. Правда аббат де Прад выражает сомнение в модальности божественного откровения, считая его то необходимым, то возможным.

Как же соотносятся разум и божественное откровение? Сийес исходит из тезиса о том, что разум может вести к откровению только в том смысле, в каком он может быть связан логически с первыми очевидными принципами. Если существование хотя бы одного догмата откровения сводилось бы к одному из следствий, которое метод рассуждения выводит из первых принципов, тогда в откровении этого догмата не было бы смысла. Этот догмат всецело принадлежал бы рациональности. Католические апологеты, которые хотят использовать названный метод доказательства необходимости откровения, совершают ошибку, поскольку божественное откровение не зависит от рационалистического метода доказательств. По словам Сийеса, они «уничтожают одной рукой то, что возвели другой». Существование божественного откровения, настаивает Сийес, может рассматриваться как факт, который можно познать, а не как первый принцип, на который нам указывает разум. Любой факт существует независимо от разума, хотя именно разуму следует изучать основания существования факта. В этом смысле можно сказать, что разум признает существование откровения, как он признает существование Рима или Лон-

дона. В противном случае, существование этих городов было бы не только реально, но и необходимо.

О необходимости божественной санкции проступков людей аббат де Прад вместе с аббатом Рибом говорят, имея в виду несовершенство естественной санкции. Божественная санкция является прямым и необходимым следствием этой недостаточности. Но, по Сийесу, если в обществе два названных эсхатологических догмата христианской религии недостижимы, это означает, что естественная санкция вполне достаточна для общества. Если же искать наилучшую санкцию для проступков, тогда речь может идти о божественной санкции. Общество должно необходимым образом признать существование божественной санкции, но ее реальность обосновывается ее возможностью, следующей из первых принципов разума.

Аббат де Прад доказывает только реальность существования Бога и религии ². Сийес же считает, что Бог существует необходимым образом, а божественная санкция — средство, необходимое для благосостояния людей, для достижения ими их общей цели. Необходимость религиозного культа для общества может следовать только из предположения, что Бог хочет этот культ и что он санкционирует людей, если они откажутся от культа. Так что религиозный культ не имеет необходимости ни для Бога, ни для людей. Данную истину может открыть только разум. Религиозный культ выступает как средство сдерживания людей путем мотивированной санкции, детерминирующей и оценивающей их действия. Но даже если объявить религию, существующую в качестве свободного акта, необходимой, невозможно сделать вывод о необходимости божественной санкции, так как Бог свободен в ее применении. Божественная санкция существует реально в качестве позитивной санкции, то есть мотивации соблюдения людьми норм поведения.

Несмотря на то, что атрибуты Бога не обязывают его дополнить им самим установленный естественный закон позитивной санкцией, последняя значима, поскольку люди, предоставленные сами себе, не смогли бы соблюдать естественный закон в полной мере. С одной стороны, Сийес считает людей, созданных Богом, наделенными способностью познать и соблюдать естественный закон и без позитивной санкции, лишь бы они всякий раз должным образом использовали свою свободу. С другой стороны, Сийес полагает, что любое нарушение естественного закона происходит от незнания или порока, но то и другое — случайно в природе людей. Сийес убежден в том, что люди утратили способность следовать естественному закону как по своей собственной вине, так и в силу сложившегося положения народов и государств. Люди по своей воле отошли от собственной изначальной моральной природы, нормативного источника поведения. Значимость позитивной санкции есть следствие недолжного пользования свободой, вернее ее формами ³.

Люди не могут вернуться в то счастливое состояние, которое они покинули. Они находятся в плену ошибок, само общество является источником аморальности, а прогресс знаний об обществе недостаточен, чтобы постичь всю сложность общественных отношений. В этом состоянии недостаточности знаний об обществе, его закономерностях, а также несоблюдения естественного закона только божественная санкция являлась бы силой, способной побудить людей познать общественные отношения, исходя из естественного закона, и следо-

вать ему в общественной жизни. Сийес делает вывод о том, что позитивная санкция важна для людей, даже если она не дополняет естественный закон и не исходит непосредственно от Бога ⁴.

Сийес является сторонником естественной религии: божественное начало является первопричиной и охранителем природы, общества, их законов. Естественная религия понимается как естественный закон, устанавливающий универсальный и достаточный религиозный культ, источник морально-этических норм. Цель Сийеса — установить взаимосвязь светского и религиозного начал в обществе, что делает возможным утверждение религии в качестве законной истины.

Размышления Сийеса можно рассматривать в качестве идейной предпосылки для разрешения острых политических противоречий на религиозной почве конца XVIII в., главным образом в эпоху Французской революции и заключения Конкордата в 1801 году. К тому времени, в период брюмерианского Консульства (1799—1802 гг.), Сийес занимал пост председателя Сената, первого из учрежденных органов власти по Конституции 1799 г. ⁵, обладавшего избирательными и конституционными полномочиями, которые Сенат делил с полномочиями Первого консула.

Заметки Шарля-Жозефа-Матье Ламбрешта, хранящиеся в архивном фонде Сийеса, относятся к середине осени 1799 года. Ламбрешт, уроженец Бельгии, служил Французской республике и в качестве министра юстиции (6 сентября 1797 — 20 июня 1799 гг.) вел переписку с исполнительной Директорией. Его заметки более позднего времени оказались у Сийеса, с мая 1799 г. — влиятельного члена Директории, фактически направлявшего мнения своих коллег после переворота 30 прериаля VII г. (18 июня 1799 г.) ⁶. В заметках Ламбрешт затрагивает наиболее важные вопросы административного управления в департаментах, которые оказались в центре его внимания во время поездки по северным французским департаментам и по новым департаментам на территории Бельгии, присоединенной к Французской республике в 1795 году. Путь Ламбрешта проходил по маршруту Суассон — Фим — Реймс — Ретель — Мезьер — Живе — Динан — Намюр — Юи — Льеж — Лувен — Брюссель ⁷.

Ламбрешт рассматривает в основном конституционные формы взаимодействия регламентирующей власти исполнительной Директории и подчиненных ей министерств, центральных администраций департаментов, комиссаров исполнительной Директории, наделенных полномочиями общего правового надзора. Позиция Ламбрешта соответствует, в целом, общей политике режима Директории придерживаться конституционной законности.

При Директории департаменты управлялись избираемыми центральными администрациями из 5 членов, ежегодно обновляемыми на $\frac{1}{5}$ часть. При каждой центральной администрации действовал центральный комиссар, назначаемый исполнительной Директорией. Не имея права непосредственного участия в деятельности центральных администраций и судов, центральные комиссары направляли деятельность центральных администраций и через комиссаров исполнительной Директории при гражданских и уголовных трибуналах в департаментах контролировали осуществление правосудия. Они обладали правом применять силы правопорядка — жандармерию, а также армию.

Ламбрешт указывает на тот факт, что, согласно постановлениям исполнительной Директории, ее комиссары при центральных адми-

нистрациях не имели права назначать юрисконсульты официальными защитниками для ведения дел в гражданских трибуналах департаментов по вопросам, затрагивающим интересы Французской республики. Они сами должны были составлять заключения для комиссаров при гражданских трибуналах с тем, чтобы те зачитывали их на судебных слушаниях. В отличие от гражданских, при уголовных трибуналах кроме комиссаров действовали общественные обвинители, которые непосредственно участвовали в уголовном процессе.

Отсутствие официального профессионального защитника при гражданском трибунале, по мнению Ламбрешта, негативным образом сказывалось на гражданском судопроизводстве, влекло потери для республики, когда речь шла о защите ее интересов. Ламбрешт, по его признанию, находясь на посту министра юстиции, получал многочисленные жалобы на подобное положение вещей. Опыт, полученный им еще до назначения министром юстиции, в бытность центральным комиссаром в департаменте Диль⁸, явился основанием для обращения в Министерство юстиции с предложением исправить этот явный пробел в организации гражданских трибуналов в департаментах. Аргументируя свою позицию, Ламбрешт подчеркивал, что центральный комиссар зачастую не является юрисконсультом и, следовательно, не может профессионально составить заключение по гражданскому делу, которое удовлетворяло бы требованию защиты интересов республики. Исполняя обязанности центрального комиссара и будучи юрисконсультом, Ламбрешт лично выступил на слушаниях в гражданском трибунале от имени республики по делу о наследстве против частного лица. Он составил заключение по делу и выиграл процесс, хотя это и стоило ему больших усилий. Он был абсолютно уверен в том, что если бы он не был юрисконсультом, то дело было бы для республики проиграно. Более того, если бы ему пришлось принимать участие в судебных разбирательствах по многим делам, то он не смог бы выполнять другие обязанности центрального комиссара.

Ламбрешт выражал общую для времени Директории позицию, характерную для всего периода Французской революции и начала XIX в., когда представители центральной власти активно участвовали в судебном процессе, правда теперь, по плану Ламбрешта, комиссарам исполнительной Директории при гражданских трибуналах не следовало лично вмешиваться в его ход.

Ламбрешт дал описание сложившегося положения. Центральный комиссар Директории организовывал подготовку заключений по гражданским делам в своем бюро или в бюро центральной администрации. Еще в качестве министра юстиции Ламбрешт получал многочисленные жалобы от комиссаров при гражданских трибуналах на то, что центральные комиссары часто вручали им неполные заключения по гражданским делам накануне или же прямо в день судебного заседания. Но даже если эти заключения, в редких случаях, были составлены должным образом, то часто не соотносились с действиями другой стороны на процессе, которая и выигрывала дело, поскольку ни центральный комиссар, ни комиссар при гражданском трибунале непосредственно не принимали участия в процессе, к тому же они могли не являться юрисконсультами. Задачу защиты интересов республики в гражданском трибунале следовало возложить на официального защитника, который мог бы вести дела профессионально. Очевидно, что официальный защитник в состязательном процессе

способен склонить на свою сторону, то есть в пользу интересов республики в гражданском процессе, мнение судей, и в результате можно избежать ежегодных многомиллионных потерь, которые несет республика, проигрывая дела в гражданских трибуналах.

Однако Ламбрешт вынужден был признать, что его циркуляр не привел к значимым результатам. Поэтому учреждение должности официального защитника представлялось ему единственной возможностью отстаивать интересы республики в гражданских трибуналах. В этом случае центральные комиссары и комиссары при гражданских трибуналах сохранили бы за собой общий правовой надзор, а ведение там гражданских дел, затрагивавших интересы республики, могло быть поручено официальным защитникам, оплачивать которых Ламбрешт предполагал двумя способами: либо исходя из количества и содержания порученных дел, либо из расчета ежегодных выплат, при условии прикомандирования к бюро центрального комиссара. Ламбрешт выражал уверенность в том, что официальные защитники, отстаивая в гражданских трибуналах интересы республики, будут действовать ответственно, так как иначе под угрозой окажется их репутация.

Исполнительная Директория не сочла возможным менять конституционный порядок организации гражданского правосудия. Само же учреждение должности официального защитника при гражданском трибунале неминуемо привело бы к ослаблению контроля центральной власти над гражданскими трибуналами в департаментах.

Во время путешествия Ламбрешт встречался с функционерами департаментов и окончательно пришел к выводу о необходимости добиться постановления исполнительной Директории о введении должности официального защитника по тяжбам в гражданских трибуналах⁹. Но общий правовой надзор имел тенденцию к дальнейшей централизации и в наполеоновскую эпоху оказался в компетенции императорских прокуроров (с 1804 г.), назначаемых главой государства.

Во время своего путешествия Ламбрешт выделил два важных вопроса, на которые хотел обратить внимание членов исполнительной Директории. Речь шла, во-первых, о том, что некоторых функционеров департаментов хотят представить как крайних радикалов, буквально «бешеных», хотя они являются, по его мнению, только благонамеренными и истинными республиканцами, неспособными дойти до крайности, и их ни в коем случае нельзя смешивать с «теми людьми, которые проникнуты духом беспорядка и которые... в малом числе»; а во-вторых, — те, кого называют «роялистами», являются только республиканцами, «чуть более мягкого оттенка»¹⁰.

Вывод Ламбрешта следующий: чтобы республика сохранила своих приверженцев, необходимо оставить должности за республиканцами различных политических оттенков и удалить только тех, кто демонстрирует «явные признаки вероломства».

Интерес Ламбрешта к благонадежности департаментских функционеров был вызван тем, что исполнительная Директория обладала конституционным правом смещения мотивированным решением отдельных или всех членов центральных и муниципальных администраций, их временной замены до следующих выборов, а также отзыва своих комиссаров и утверждения избранных судей. Стремясь предотвратить необоснованное смещение функционеров под видом неблагонадежности, в то же время Ламбрешт признавал и распространение политичес-

кой апатии даже среди функционеров собственно французских департаментов. Так, обращение «гражданин», символизировавшее республиканизм, уступало место слову «господин». Особенно неприемлема такая лексическая замена была у военных — «настоящий скандал», по выражению Ламбрешта. Только среди простого народа, в среде «рабочего класса» обращение «гражданин» по-прежнему сохранялось. Ламбрешт выделил департамент Арденн, в котором республиканско-патриотические настроения были достаточно высоки ¹¹. Характерной деталью, указывавшей на неотделимость воспитания гражданственности от христианской традиции, было предложение Ламбрешта перенести картину с изображением Тайной вечери, имевшую большие художественные достоинства, из Реймского собора, где она не могла сохраняться, в центральную школу департамента Марны ¹².

В Намюре члены центральной администрации присоединенного департамента Самбры-и-Мааса оказались под угрозой смещения. Со слов «честных и просвещенных патриотов» Ламбрешт характеризовал их как патриотов, достойных доверия, отмечая, что их судьбы непосредственно связаны с судьбой республики. Единственным недостатком некоторых из них являлось отсутствие достаточной подготовки для осуществления возложенных на них функций. Ламбрешт видел необходимость сохранения их на своих постах, придерживаясь конституционного принципа ежегодного обновления состава центральных администраций на одну пятую часть. В противном случае, по его мнению, деятельность центральных администраций будет малоэффективной, что грозит, в первую очередь, затруднить поступление налогов. Ссылаясь на свой опыт администратора, Ламбрешт подчеркивал: одновременное смещение членов администраций (как центральных, так и муниципальных ¹³) неминуемо ведет к губительной стагнации в делах.

В бумагах Сийеса сохранилось письмо к нему Жана-Антуана-Николя Кондорсе, в котором тот предложил его вниманию проект выдвижения выборщиков. Речь шла о новом принципе законодательства о выборах, в противоположность законодательству Учредительного собрания ¹⁴. Проект Кондорсе состоял в следующем. Каждый «активный гражданин», то есть имеющий право избирать и быть избранным, должен внести пять имен в бюллетень для голосования, вне зависимости от количества выборщиков. Поскольку каждый голосующий знает больше «активных граждан», достойных стать выборщиками, чем то их количество, которое должно быть выдвинуто, лучше, по мнению Кондорсе, если общее количество «активных граждан», из которого предстоит выдвинуть выборщиков, будет постоянным. Поэтому следует провести два голосования. Первое необходимо для составления списка «активных граждан», которые могут быть выборщиками. Их количество будет в три раза превышать то, которое предстоит определить. По итогам первого голосования «активные граждане», получившие наибольшее число голосов, вносятся в список лиц, подлежащих выдвижению в выборщики. Второе голосование необходимо для того, чтобы определить выборщиков. Каждый «активный гражданин» впишет для этого в бюллетень имена «активных граждан» из уже составленного списка лиц, подлежавших избранию, в количестве, равном числу мест выборщиков, которые необходимо заполнить. Для выдвижения по второму голосованию будет достаточно простого большинства.

При первом голосовании каждый «активный гражданин» получит бюллетень, разделенный на пять клеток, в каждую из которых он вносит одно из пяти имен «активных граждан». При втором голосовании он получит похожий бюллетень, разделенных на столько клеток, сколько имеется мест выборщиков. Все бюллетени нумеруются и подписываются с обратной стороны должностным лицом муниципалитета или же секретарем первичного избирательного собрания. Техника голосования призвана, по мнению Кондорсе, облегчить неподготовленным избирателям заполнение бюллетеней, воспрепятствовать хождению заранее составленных списков лиц, выдвигаемых в выборщики и, наконец, облегчить подсчет голосов.

В приведенном проекте Кондорсе впервые выдвинул идею списков нотаблей — доверенных лиц, из которых затем выдвигались выборщики для избрания депутатов и функционеров. Идея списков доверия будет использована Сийесом в его конституционных предложениях к принятию Конституции 1799 года. Сийес считал необходимым вернуться к критериям принадлежности к активному гражданству образца 1789 г.: «активные граждане» выступают у него в качестве «настоящих граждан», нотаблей, и составляют списки «абсолютного доверия».

Ламбрешт, находясь на посту министра юстиции, во время выборов в жерминале VII г. (в марте-апреле 1799 г.) в связи с ежегодным обновлением Совета пятисот и Совета старейшин столкнулся с описанной в проекте Кондорсе ситуацией, хотя о самом проекте он знать не мог. Среди нарушений во время выборов была отмечена незаконная деятельность политических обществ (конституционных кружков). Они превращались в избирательные комитеты, заранее составляя списки кандидатур, за которые следовало голосовать, что нарушало свободу волеизъявления граждан. Чаще всего подобные списки распространялись среди рабочих или же среди неграмотных. Показательным является дело, разбиравшееся уголовным трибуналом в Шалон-сюр-Сон, в департаменте Соны-и-Луары, о подкупе избирателей при тайном голосовании в первичных избирательных собраниях. Было заслушано восемнадцать свидетелей, в большинстве случаев ремесленников, которые, по их словам, подверглись давлению и угрозам с тем, чтобы вынудить их голосовать определенным образом. Большинство из них отказалось. Давление исходило, согласно свидетельским показаниям, от муниципальной администрации, которая побуждала их занять антиякобинскую позицию на выборах. Ламбрешт, как министр юстиции, инициировал судебное разбирательство, направленное против муниципальной администрации и означавшее обвинение в антиконституционных действиях ¹⁵.

Интерес представляет мнение Ламбрешта о гербовом сборе. Согласно постановлению исполнительной Директории, вся корреспонденция, включая и адресованную Директории, а также министрам, подлежала обязательной оплате. Секретные инструкции исполнительной Директории почтовым служащим гласили, что письма, адресованные Директории и министрам, должны передаваться вне зависимости от их оплаты. Но эти инструкции Ламбрешт считал неэффективными, поскольку граждане о них не знали, а неоплаченная корреспонденция могла идти до членов Директории и министров 7—8 месяцев.

Ламбрешт предлагал упразднить или ограничить взимание гербового сбора. Гербовый сбор в отношении корреспонденции, посту-

павшей в адрес органов государственной власти, Ламбрешт считал мерой необоснованной в республике, где должна быть обеспечена взаимосвязь между государственной властью и гражданами. В результате введения повсеместного гербового сбора правительство в значительной мере лишилось информации, поступавшей от граждан, в особенности от малоимущих, об их нуждах и требованиях.

Во время своего путешествия Ламбрешт получал многочисленные известия о том, что довольно часто сборщики налогов, несмотря на предпринятые предосторожности, все еще злоупотребляли доверием республики, внося в казну вместо полученных наличных средств свидетельства о просроченных платежах. Единственным способом исправить положение дел Ламбрешт считал строгое требование собирать налоги и осуществлять платежи только наличными средствами ¹⁶.

Использование финансовых средств присоединенных департаментов обнаруживало противоречия, доходящие до противостояния между гражданскими властями и военным командованием. Во время министерства Ламбрешта исполнительная Директория приняла решение об оплате снаряжения для бригад жандармерии в четырех присоединенных рейнских департаментах ¹⁷ из финансовых поступлений от этих департаментов. По постановлению исполнительной Директории, договоры о финансировании снаряжения бригад жандармерии заключались с согласия гражданских властей, представленных центральными администрациями и генеральным комиссаром правительства в четырех рейнских департаментах ¹⁸. Но бригадный генерал Нувьон, назначенный для организации жандармерии, действовал в обход гражданской администрации. Он лично подписывал договоры и с визой Ламбрешта как министра юстиции добился их одобрения военным министром генералом Б.-Л.-Ж. Шерером. Последний обратился к Ламбрешту за предписанием о выплатах. Ламбрешт, со своей стороны, предложил исполнительной Директории аннулировать договоры, составленные вопреки ее постановлению. В ответ Директория запросила заключение военного министра, которое оказалось положительным, а договоры признаны выгодными. Тогда Директория утвердила договоры, постановив, что платежи по ним будут проходить по мере осуществления поставок, заняв в этом деле позицию, учитывавшую интересы как гражданской власти, так и военных. В результате Ламбрешт скорректировал свою позицию по этому вопросу. Теперь он настаивал на том, что важно удостовериться в самом факте выполнения договоров: получить отчет об использовании денежных средств и об осуществленных поставках, а также принять во внимание мнение генерального комиссара правительства и центральных администраций рейнских департаментов, поставив осуществление договоров под контроль местной гражданской администрации. Ламбрешт ссылаясь на встречу в пути с жандармом из названных департаментов, который все еще не был экипирован.

Рассмотренное дело отражает скрытые противоречия между гражданской администрацией и военным командованием, которые выходили за пределы присоединенных департаментов. Военные часто выступали в качестве защитников справедливости против местных элит нотаблей. Так, генерал Нувьон, направленный с миссией в присоединенный департамент Мон-Террибля, отмечал в рапорте исполнительной Директории внутривластное положение в департаменте снисходительностью трибуналов по отношению к эмигрантам и иным ли-

цам, казавшимся ему неблагонадежными. Напротив, центральная администрация департамента и многие члены муниципальных администраций утверждали, что они живут в условиях режима военного деспотизма, напоминавшего им времена Террора ¹⁹.

Охрана общественного порядка ассоциировалась у Ламбрешта с поддержанием конституционной законности, с гарантией индивидуальных прав. И здесь на первый план выступал вопрос о правах эмигрантов. По прибытии в Брюссель Ламбрешт узнал, что исполнительная Директория окончательно внесла в списки эмигрантов бывших герцога де Бофора и герцогиню Маргариту де Ламарк, вдову д'Аремберг. Это решение вызвало негативную реакцию в Брюсселе, как проявление крайней несправедливости, и спровоцировало волну критики существовавшего режима.

Ламбрешт предложил при определении отношения к эмигрантам исходить из принципа выделения контрреволюционной эмиграции, в основном охватывавшей собственно французские департаменты, и временной эмиграции бельгийцев из присоединенных к Французской республике департаментов, не связанной с контрреволюционной деятельностью. Законы против эмигрантов — уголовные законы. Ламбрешт поддерживал их применение только по отношению к контрреволюционной эмиграции.

Маргариту де Ламарк окончательно внесли в список эмигрантов под тем предлогом, что она имела дом в Париже, хотя хорошо было известно о ее местожительстве в собственном доме в Брюсселе на протяжении 50 лет. Бывший герцог де Бофор выехал из Бельгии еще до ее присоединения к Французской республике, но уже во время французской оккупации, с целью уладить свои имущественные дела. Поскольку против названных лиц было начато преследование, они оказались в вынужденной эмиграции. Их собственное имущество попало под секвестр, и они нашли убежище за границей. В результате республика приобрела новых врагов.

Из дела вынужденных эмигрантов Ламбрешт сделал два вывода. Во-первых, несправедливо принимать во внимание отмененные дворянские титулы. Во-вторых, нелегко говорить об интересах республики в случае, если речь идет о конфискации имущества частных лиц. «День, когда республика произнесла бы: я высказываюсь против тебя потому, что ты обладаешь имуществом, которое будет мне принадлежать, был бы роковым днем для свободы» ²⁰.

Резкое неприятие в бельгийских департаментах республики вызвало распространение на их территорию закона Журдана-Дельбреля (5 сентября 1798 г.) о порядке призыва на воинскую службу.

В бумагах Жана-Луи-Клода Эммери, относящихся ко времени его работы в военном комитете Учредительного собрания, в разработанном им плане реорганизации армии (1791 г.) был представлен первый вариант порядка призыва на воинскую службу, который готовил, с учетом последующего опыта армии Французской революции, принятие закона Журдана-Дельбреля.

Эммери представил принципы реформы армии: регулярная армия является особой частью общества, обладающей собственными средствами финансирования, собственной администрацией, силами по поддержанию внутреннего правопорядка и военными трибуналами ²¹. Отношения армии и общества должны основываться на прочных связях и демонстрировать взаимопонимание между солдатом и

гражданином. Прочные связи армии и общества удерживают армию под контролем нации ²².

Задачу регулирования отношений армии и общества, по замыслу Эммери, предстояло выполнять институту военных комиссаров. Военные комиссары, осуществлявшие функции армейской администрации, а также судей и обвинителей в военных трибуналах, наделялись полномочиями контроля за командованием, без чего армия полностью оказалась бы подчинена власти генералов. Военные комиссары должны были представлять гражданскую власть и ее верховенство при армейском командовании. Институт военных комиссаров, по предположению Эммери, мог состоять из 171 функционера. Замещать должности военных комиссаров могли только те, кто прошел как минимум пятилетнюю службу младшими офицерами, знающие армейскую административную службу, имеющие рекомендации от воинских начальников и назначенные военным министром.

Общая численность армии, по оценке Эммери, могла возрасти в связи с обострившейся внешней угрозой со 150 до 250 тысяч ²³. Для этого армии необходима была новая система ее комплектования — по обязательному призыву. Призыв на воинскую службу Эммери предлагал осуществлять по департаментским дистриктам гражданским властям: им предстояло обеспечить точный контроль за численностью граждан, записанных в «первый класс» призыва. Из состава «первого класса» должны были формироваться батальоны дистриктов. В плане Эммери предусматривалось увеличение основного состава батальона на $\frac{1}{4}$ также из списка «первого класса», чтобы иметь резерв для пополнения или же для того, чтобы представители состоятельных слоев общества могли найти для себя заместителей. В основной состав батальонов попадали наиболее молодые представители списка «первого класса» ²⁴.

План Эммери открывал мобилизационные возможности для Национальной обороны (1792—1795 гг.). После трех призывов для пополнения армии и увеличения ее численности Конвент включил основной мобилизуемый контингент в «первый класс». Брать заместителей не разрешалось.

Согласно закону Журдана-Дельбреля, обязательному призыву подлежали граждане возрастом от 20 до 25 лет, каждый возрастной год формировал призывной класс. Состоятельным слоям общества, нотаблям, вновь разрешалось выставлять заместителей. Срок службы определялся в 5 лет. В первую очередь для пополнения армии призывались младшие возрастные классы. В первый год действия закона Журдана-Дельбреля в связи с некомплектом армии и началом войны со второй антифранцузской коалицией помимо призыва всех возрастных классов был осуществлен и дополнительный призыв. Право выставлять заместителей временно отменялось. Но явилось не более половины призванных. Среди нотаблей росло возмущение. Сохранялась и определенная оппозиционность сельского населения, традиционно связанного со своим сообществом.

На своем пути Ламбрешт узнал от сельских жителей о часто встречающихся случаях дезертирства. Паспортный контроль не мог исправить положение. Дело в том, что, хотя в паспортах лиц призывного возраста делалась отметка об их отношении к обязательному призыву, с паспортным контролем Ламбрешт за все время своего путешествия встретился только в Живе, Лувене и Брюсселе.

Закон Журдана-Дельбреля Ламбрешт оценивал как «блестящий республиканский институт», который в сжатые сроки позволял выставить боеспособный воинский контингент. В сложившихся обстоятельствах Ламбрешт предлагал снять временный запрет на право выступать заместителей. В Льеже он видел много рабочих, оказавшихся без работы в условиях стагнации, и полагал, что за вознаграждение они могли бы выступить в данном качестве. С подобной же ситуацией он встретился в Намюре. Но там призыв в военно-морские силы осложнялся непрофессиональными действиями организаторов²⁵. За консультациями о временном восстановлении права выступать заместителей Ламбрешт предлагал муниципалитетам обратиться к военно-морскому министру М.-А. Бурдону де Ватри, находившемуся в присоединенных бельгийских департаментах, чтобы учитывать это право при призыве на воинскую службу.

Сийес, Кондорсе, Эммери и Ламбрешт разделяли либеральные идеалы. Их объединяло стремление к религиозному и гражданскому миру. Сийес, Эммери и Ламбрешт в Сенате находились в оппозиции авторитарной власти Наполеона Бонапарта. В апреле 1814 г. они приняли участие в процессе отрешения Наполеона I от власти.

Примечания

1. Archives nationales (A.N.). 284 AP 2, p. 185.
2. Ibid., p. 186.
3. Ibid., p. 187—188.
4. Ibidem.
5. Охранительный Сенат.
6. WOLOCH I. *Jacobin Legacy*. Princeton University Press. 1970, p. 368.
7. A.N. 284 AP 5, d. 1 (10) (Police).
8. Главный город департамента Диль — Брюссель.
9. A.N. 284 AP 5, d. 1 (10) (Justice. Finance).
10. A.N. 284 AP 5, d. 1 (10).
11. Ibid. (Intérieur).
12. Ibidem.
13. Муниципальные администрации обновлялись ежегодно примерно на $\frac{1}{2}$.
14. A.N. 284 AP 4, d. 14. Письмо не имеет даты. Интеллектуальное общение Сийеса и Кондорсе прервалось в эпоху Террора, с трагической гибелью Кондорсе в 1794 году.
15. GAINOT B. 1799, un nouveau Jacobinisme? Paris. 2001, p. 65.
16. A.N. 284 AP 5, d. 1 (10) (Finance).
17. Рёп (Roer), Сар (Sarre), Рейн-и-Мозель (Rhin-et-Moselle), Мон-Тоннер (Mont-Tonnerre).
18. Согласно источнику, решение было принято в жерминале VI г. (в марте-апреле 1798 г.). A.N. 284 AP 5, d. 1 (10) (Guerre. Justice).
19. GAINOT B. Op. cit., p. 423—424.
20. A.N. 284 AP 5, d. 1 (10) (Police).
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 318, оп.1, д. 590, л. 5.
22. Там же, л. 6.
23. Там же.
24. Там же, л. 7.
25. A.N. 284 AP 5, d. 1 (10) (Guerre. Marine).

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

ББК 63.3(47)53И861/УДК 94(497)191

Великие державы и становление албанской государственности в 1913—1914 гг.

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена проблеме формирования албанской государственности в начале XX века. На основе анализа неопубликованных архивных материалов прослеживаются основные факторы, оказывавшие влияние на данный процесс. Особое внимание уделено позиции и интересам России в Албании и в целом на Балканах.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Сербия, Албания, Черногория, Косово, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, государственность.

Abstract. The work is devoted to the history of Albanian national movement on the eve of World War I. Author uses unpublished document to analyze main factors of the Albanian history during period under discussion. Position and interests of Russia in the Albanian as well as Balkan issues are the subject of particular attention.

Key words: Russia, Balkans, Serbia, Albania, Montenegro, Kosovo, Great Powers, international relations, inter-ethnic conflicts, theory of conflicts, statehood.

События конца 1913 — первой половины 1914 г. сыграли во многом ключевую роль в формировании албанской национальной государственности в начале XX века. Именно в это время в Албании завязался сложный клубок межэтнических, межгосударственных и межконфессиональных противоречий при активном участии внутренних и особенно внешних игроков в лице соседних балканских стран и «заинтересованных» великих держав. Документы тех месяцев наглядно характеризуют, в каких сложных условиях рождалось албанское государство, провозгласившее независимость 28 ноября 1912 г., но получившее международное признание лишь в форме автономного княжества под строгим контролем европейских держав. При этом острота сербо-албанских противоречий временами достигала таких масштабов, что Россия, традиционно поддерживавшая Сербию, была вынуждена присоединиться к коллективным представлениям Австро-Венгрии и Италии, требовавшим от Белграда обеспечить свободный доступ «албанского населения на места его постоянного проживания

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher of the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

на основании постановлений Лондонского совещания» послов великих держав 1912—1913 годов.

Неблагоприятный отклик сербские действия встретили и у ее союзников по второй Балканской войне 1913 года. Особый интерес в данной связи представляет отношение к сербо-албанскому конфликту Румынии, воевавшей на стороне Сербии, но по своей внешнеполитической ориентации тяготевшей к Тройственному союзу. Интересные сведения по данному вопросу сообщил в своей депеше от 22 октября 1913 г. российский поверенный в делах в Бухаресте Б. Арсеньев.

Посетив утром 20 октября в Синае временно исполнявшего обязанности министра иностранных дел Румынии А. Маргиломана, представитель России нашел его крайне озабоченным. «Вчера австрийский поверенный в делах сообщил мне, что Австрия предъявила Сербии ультиматум по поводу неочищения сербскими войсками албанской территории, — заявил Маргиломан, — сейчас я еду к королю, который вызвал меня для совещания»¹. На вопросы российского дипломата о конкретных подробностях дела и об отношении к нему румынского правительства, прозвучали уклончивые ответы. Глава внешнеполитического ведомства не желал делать широковещательных заявлений без предварительных консультаций с монархом².

В тот же день российский поверенный в делах в Бухаресте имел еще одну беседу с Маргиломаном — сразу же после возвращения последнего из королевского дворца. Представитель румынского правительства заявил по итогам состоявшихся у него консультаций следующее: «Мы пришли к заключению, что образ действий Сербии неправилен. Она приобрела уже довольно земель, населенных албанцами. Дальнейшие стремления ее к расширению за счет Албании не могут вызвать сочувствия в Румынии, которая во все времена испытывала к албанской нации самые живые симпатии. По-видимому сербы переоценивают свои силы, переоценивают они также и то значение, которое для Австрии имеют волнения среди хорватов и других австрийских подданных сербского происхождения. На эти волнения Сербии рассчитывать нечего. Время для объединения всех сербов под державой Карагеоргиевичей еще не пришло. Вместо того, чтобы вызывать в Европе тревогу своей ненасытностью, Сербия поступила бы гораздо благоразумнее, направив все свое внимание на мирное закрепление областей, присоединенных к ней по Бухарестскому трактату»³.

Отвечая на вопрос Арсеньева, желавшего выяснить степень прочности сербо-румынских отношений, по поводу возможных действий румынского правительства в случае, если Сербия не выполнит требования австро-венгерского ультиматума, и руководство монархии Габсбургов предпримет решительные меры, Маргиломан категорически заявил, что если Сербия будет продолжать упорствовать в стремлении сохранить за собой албанские территории, румынское правительство не поддержит свою недавнюю союзницу, которой оно лишь может еще раз дружеским образом посоветовать проявить уступчивость⁴.

В ответ на запрос Министерства иностранных дел России, российский генеральный консул во Влере, занявший пост представителя России в Международной контрольной комиссии в Албании А.М. Петряев представил свои соображения относительно выдвинутых сербским правительством предложений, касавшихся мероприятий, которые, по его мнению, должны быть реализованы европейскими государствами в целях предотвращения дальнейших нападений албанских вооруженных отрядов на Сербию. Данные меры включали в себя оккупацию Албании международными войсками и организацию в этой стране, силами великих держав, местной администрации и жандармерии. В своей депеше от 7 ноября 1913 г. Петряев подчеркнул, что предлагаемая в качестве первоначальной меры международная оккупация Албании представля-

ет собой чрезвычайно сложную и на деле трудновыполнимую задачу, и что державы могут решиться на осуществление подобной операции «в самом крайнем случае и не столько для ограждения сербской границы, сколько по соображениям “высшей политики”»⁵. При этом, по его оценкам, оккупация реально достижима лишь в узкой прибрежной полосе албанской территории, и в связи с этим она не принесет Сербии никаких выгод.

Организация администрации и жандармерии, по мнению Петряева, является действенным средством установления порядка в пограничных с Сербией албанских областях, но фактически едва ли возможно в ближайшем будущем надеяться на установление прочной власти среди албанских племен, проживающих в труднодоступных горных местностях, прилегающих к новой сербской границе.

В силу указанных топографических и этнографических особенностей Албании, установление в ней политической стабильности и нейтрализация многочисленных вооруженных группировок, по мнению комиссара, могут начаться лишь от адриатического побережья и распространяться вглубь страны исключительно медленными темпами и займут в конечном итоге несколько лет, несмотря на все усилия Контрольной комиссии и иностранных инструкторов жандармского корпуса.

По его словам, в данных условиях сербское правительство должно само предпринять необходимые усилия для нормализации сербо-албанских отношений и поставить дело охраны своих границ на сугубо практическую почву. По мнению Петряева, Сербия обязана извлечь для себя уроки из того обстоятельства, что последнее восстание албанцев было во многом подготовлено извне при помощи специально направленных к ним профессиональных агитаторов и выделенных им значительных денежных средств. В связи с этим сербское правительство могло бы немедленно попытаться установить доброжелательные отношения с приграничными албанскими племенами. В этих целях ему необходимо вступить в тайные сношения с влиятельными албанскими байрактарами и за известную плату поручить им охрану сербо-албанской границы. По словам российского представителя, этот метод уже был опробован в находившихся под турецкой властью областях Старой Сербии для обеспечения охраны монастырей и сел и принес неплохие результаты. Что же касается предъявления сербской стороной денежных претензий, то, по мнению Петряева, белградское правительство могло бы немедленно оговорить для себя данное право, передав впоследствии указанный вопрос на рассмотрение Международного суда в Гааге, как только в Албании будет образовано единое и признанное европейскими державами правительство⁶.

Пока же говорить о наличии в Албании подобного правительства явно не приходилось. Приступая к работе, Международная контрольная комиссия «констатировала существование нескольких “локальных властей”: Временное правительство во главе с Исмаилом Кемали во Влере; правительство “Сената Центральной Албании” во главе с генералом Эссад-пашой Топтани; Шкодер, управлявшийся международными оккупационными властями под командованием британского полковника Дж. Филлипса; горные районы Великая Мальсия и Мирдита на севере, жившие по “законам гор”; никому не подчинявшиеся “автономные администрации” Лежи и Шенгина; занятые греками южные районы»⁷.

После довольно длительного обсуждения различных кандидатур, 3 декабря 1913 г. великие державы (а фактически Австро-Венгрия и Италия) согласовали имя устраивавшего их обоих албанского князя. Им стал Вильгельм Вид (1876—1945) — капитан прусской армии, племянник румынской королевы Елизаветы, двоюродный брат короля Швеции, сын принцессы Марии Нидерландской и родственник германского императора Вильгельма II. После определенных колебаний Вид согласился принять предложение.

Однако сами великие державы поддерживали кандидатуру Вильгельма Вида в разной степени. Как справедливо отмечала американская газета «The Sun», решающую роль в вышеуказанном назначении сыграли Австрия, Италия, Германия и «в меньшей степени Великобритания»⁸.

Позиция России была более сдержанной. В своей депеше от 12 марта 1914 г. Петряев конкретизировал свое негативное отношение к личности албанского князя и его способности решить стоявшие перед страной жизненно важные задачи. Самоуверенность князя Вида действительно резко контрастировала с его способностями к организации государственной жизни в Албании: «В своей ответной приветственной речи, обращенной к Контрольной комиссии, князь Вид подчеркнул, что особые чрезвычайные права, предоставленные ей в течение последнего времени, имели исключительно временный характер и что, в дальнейшем, он намерен пользоваться услугами Комиссии только в рамках ее компетенции. Этим, хотя не совсем ясно, уже определяется будущее отношение правителя Албании к европейскому контролю. По сведениям, полученным мною из албанских кругов, члены албанской национальной партии, еще во время пребывания князя в Потсдаме, успели внушить ему, что всякое сотрудничество с европейской Контрольной комиссией, осуществляющей в некотором роде опеку над Албанией, будет для него непопулярно и отдалит от него всех албанских патриотов, считающих оскорбительным такой надзор. Этим, а также вполне понятным желанием князя обеспечить за собою свободу действий, объясняется то обстоятельство, что он решил пока в делах управления совершенно игнорировать Контрольную комиссию.

Во время продолжительной беседы с нами, князь не спросил у нас ни совета, ни содействия в предстоящей ему трудной работе составления правительства и организации управления, что было бы естественно после той роли, какую Комиссии пришлось сыграть в жизни Албании за последние месяцы. Князь не пожелал даже предоставить нам докончить уже предпринятые работы по устройству администрации в эвакуируемых греками областях.

Вследствие этого греческий уполномоченный Варатасси, прибывший для переговоров с Комиссией, выехал сегодня обратно на Корфу, так как вопрос об южно-албанской границе фактически изъят князем из нашего ведения. Таким образом, роль Комиссии сводится теперь к простому наблюдению. Рано или поздно сами события, вероятно, выдвинут вопрос о компетенции и пределах европейского контроля, и тогда надо думать Комиссия займет вполне определенное место, пока же я и большинство моих коллег решили более соответствующим обстоятельствам выжидать дальнейшего хода дел в Албании и осуществлять постольку, поскольку это окажется на практике возможным, — осуществлять свои контрольные функции, не осложняя наших еще не наладившихся отношений к князю.

Мне кажется, что сам князь скоро убедится в чрезвычайных трудностях организовать такую страну, как Албания при помощи только местных факторов. Возможно, что он будет вынужден обстоятельствами обратиться за помощью к Контрольной комиссии, которой одной до сих пор удалось устранить местные правительства и до некоторой степени объединить Албанию»⁹.

Статут для Албании действительно рождался в муках, причем в процессе работы над документом трудностей возникало все больше. Первые донесения российского представителя в Контрольной комиссии Петряева были пронизаны сдержанным оптимизмом. 8 января 1914 г. Петряев в послании на имя Сазонова (документ хранит собственноручную помету ознакомившегося с ним Николая II) изложил ход работы над Органическим статутом Албании следующим образом:

«Как я уже имел честь донести Вашему Высокопревосходительству, мы приступили к разработке Органического статута Албании, в который будет включен и регламент, касающийся будущего положения, прав и обязанностей Контрольной комиссии.

Вся работа была поделена между делегатами таким образом, чтобы каждой группе из двух членов была поручена одна какая-нибудь часть Статута. В настоящее время закончены главы первая, вторая и третья, содержащие общие положения относительно территории, князя и населения...

При выработке Албанской хартии мы пользуемся, между прочим, материалами, собранными при составлении Критского и Румелийского регламентов, вводя в них изменения, требуемые обстоятельствами времени и места.

При обсуждении первых глав проекта особых разногласий не возникало и вносились лишь редакционные поправки. Впрочем, наш албанский коллега просил занести в протокол заседания его пожелания относительно необходимости уничтожить капитуляционный режим и несколько замечаний относительно школьного преподавания.

Больше внимания Комиссия уделила вопросу о нейтралитете Албании.

Лондонские постановления об этом говорят глухо, специально коснувшись лишь нейтрализации порта, к которому выйдет будущая Адриатическая железная дорога. Удержав постановление о порте, Комиссия, по отношению к нейтралитету, остановилась на общей формуле, дающей Албании право принимать меры к ее защите. Практически это не имеет особого значения, так как, например, сооружение крепостей неосуществимо, ибо на постройку и оборудование одной из них не хватит всего годового албанского бюджета. Хотя, в конце концов, мы и нашли общую примирительную формулу, но, во время обмена мнений по этому вопросу, тем не менее обнаружилось, что австрийский и итальянский делегаты и их албанский сотоварищ склонны толковать нейтралитет Албании в смысле предоставления ей широкого права иметь войско и крепости. Более определенно в этом отношении придется высказаться при обсуждении вопроса об организации милиции и жандармерии»¹⁰.

Однако с течением недель даже авторы Органического статута стали более скептически относиться к перспективам государственного обустройства Албании. «Во время обсуждения частей статута, касающихся введения конституционной формы правления в Албании, — сообщал 16 апреля 1914 г. Петряев, — все члены Контрольной комиссии, включая даже и албанского представителя, были согласны в том, что вновь создаваемое государство совершенно к ней не подготовлено. Этим объясняется намеченное нами весьма ограниченное число членов Народного Собрания (всего около 37 человек) и его смешанный состав из лиц, по выборам, по назначению и по праву, причем последним в общем предоставлено 16 мест. Компетенция этого Собрания также нами сужена. Тем не менее, теперешнее албанское правительство находит даже и такое государственное устройство чрезвычайно либеральным и не соответствующим интеллектуальным силам страны. В таком смысле, по крайней мере, высказывались в беседе со мною князь и Турхан Паша.

Когда был поднят вопрос, следует ли обусловить законность концессий, выдаваемых правительством, согласием на них Народного Собрания, то против этого возражали и остались при особом мнении австрийский и итальянский делегаты, не желавшие очевидно, чтобы дела такого рода предавались гласности. При голосовании они остались в меньшинстве. Что касается административного деления, то мы нашли нужным сохранить турецкое подразделение на санджаки, казы и нахиэ и расширили только участие, в местных делах, провинциальных советов, к которым будут привлечены выборные от населения. Албанию предположено разделить на 7 санджаков.

Кроме жандармерии, предусмотрено образование милиции, причем, по моему предложению, несмотря на протесты австрийского делегата, внесена оговорка, что, согласно Лондонским постановлениям, в качестве инструкторов милиции, офицеры великих держав и балканских государств приглашаемы быть не могут.

Наибольшие трудности встретились, когда пришлось составлять ту часть статута, которая касается положения вероисповедных общин и организации школьного дела в Албании. При этом мой итальянский коллега старался провести такие начала, которые ослабили бы связь католиков с австрийцами. Он особенно настойчиво доказывал необходимость того, чтобы содержание духовенства разных исповеданий было отнесено на счет государства. Этим, по мнению г. Леони, высказанному им мне доверительно, будет подготовлено постепенное освобождение католического духовенства от австрийской денежной зависимости.

В вопросе о школах австрийский, и в особенности, итальянский делегат, при поддержке их албанского сотоварища, упорно высказывались за такие законоположения, которые бы обеспечили преобладающее значение албанских национальных школ с преподаванием на албанском языке. Это постановление уже теперь находится в противоречии с теми льготами, которые, вероятно, албанское правительство вынуждено будет предоставить эфиротам. Мне кажется, что в этом отношении в статут должны быть внесены соответствующие поправки.

В статьях, относящихся к положению православной и католической церкви, предусматривается возможность дарования им автономии, но только после особых соглашений албанского правительства со Вселенским Патриархом и Папой. Албанский делегат пытался добиться немедленного и безусловного признания автокефальности названных церквей, но не встретил ни в ком из своих коллег никакого сочувствия.

Обращает на себя внимание признание, по предложению албанского представителя, самостоятельного существования бекташийской секты, насчитывающей в Албании, особенно южной, около 300 000 последователей. Бекташи являются рационалистами среди мусульман. Они отрицают всякие обрядности, стоят за равноправие и, отличаясь большой терпимостью, поддерживают хорошие отношения с христианами. Им принадлежат многочисленные “текэ” (монастыри), разбросанные в разных частях Албании, где бекташи собираются для бесед под руководством своих шейхов. При турецком владычестве, открытое исповедание бекташизма было запрещено, и последователи его подвергались всевозможным гонениям.

Особенно внимание нами было уделено организации юстиции. Намечено образование судов сельских, единоличных мировых и коллегиальных первой инстанции, а также предусмотрено создание трех апелляционных судов. Что касается кассационного, то устройство его, при настоящем положении вещей в Албании, признано неосуществимым. Вообще, главным препятствием к проведению в стране юридической реформы здесь явится конечно недостаточность личного состава. В настоящее время, в Албании имеется всего лишь три-четыре десятка лиц с каким-нибудь юридическим образованием, а между тем для замещения всех предположенных судейских мест потребуется около 300 человек.

Таковы в общем основные черты выработанного нами статута.

В заключение считаю долгом отметить, что с точки зрения строгого юридического мышления, составленный Контрольной комиссией статут для Албании несомненно имеет большие недостатки и в нем нашли место такие нормы и положения, которые не относятся к области государственного права. Но не нужно упускать из вида, что сама страна, для которой он писался, представляет особенности, не вкладывающиеся в обычные европейские понятия»¹¹.

Окончательный текст Органического статута провозглашал Албанию конституционным, суверенным и наследственным княжеством под гарантией шести великих держав — Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, Франции и России. Главой гражданской и военной администрации объявлялся князь, в полномочия которого входило, в частности, назначение совета министров. Законодательным органом являлось национальное собрание, часть депутатов которого избиралась, а другая назначалась князем.

Несмотря на ряд прогрессивных положений, позволяющих считать Органический статут «первым конституционным актом независимого албанского государства», некоторые его статьи «серьезно ущемляли суверенитет Албании»¹². Они предусматривали продолжение деятельности Международной контрольной комиссии с широкими полномочиями, а также действие всех международных соглашений, заключенных Османской империей, и сохранение режима капитуляций¹³.

Однако напряженная ситуация на сербо-албанской границе сохранялась¹⁴. Тем более, что ответные действия сербских войск не отличались сдержанностью. Проблема четырех «мятежных» сел была решена с балканским размахом: они были сожжены сербскими войсками. На эти жестокие действия было вынуждено отреагировать даже правительство Пашича, заявившее командованию козовско-македонских регулярных частей о недопустимости сжигать села в случае, «когда они не защищаются и не стреляют в солдат»¹⁵.

Далеко не простыми оставались и взаимоотношения албанского населения с Международной контрольной комиссией и голландскими жандармами. Наглядной иллюстрацией решительной позиции, занятой албанским населением в вопросе защиты своего суверенитета, стал инцидент, происшедший в середине марта 1914 г. в районе города Поградец, когда подошедший туда из Корчи отряд голландских жандармов численностью около ста человек, встретил вооруженное сопротивление местных албанцев, заявивших, что они сами будут управлять своим краем. В результате столкновения отряд жандармерии вынужден был отступить, понеся потери убитыми и потеряв имевшиеся на его вооружении пулеметы¹⁶. Данное событие приобрело столь широкий резонанс, что потребовало личного вмешательства Петряева в целях улаживания конфликта между голландскими офицерами и албанским правительством¹⁷.

По сути, у княжеского правительства не было даже бюджета как такового, а лишь денежные запросы к великим державам. Как сообщал 20 мая 1914 г. российский комиссар в Албании Петряев, «перед нашим отъездом из Дураццо (Дуррес. — П.И.) в Санти Кваранта, албанское правительство обратилось к Контрольной комиссии с просьбой разрешить ему взять в счет предоставленного австро-итальянским банковым синдикатом займа, сумму в 6 милл. франков на покрытие разных расходов, подробная смета коих представлена Комиссии не была, а лишь было указано, что 3 милл. франков предназначаются для устройства казначейства и образования запасного фонда, а другие 3 милл. должны пойти на уплату военных заказов, на жалование жандармам и оказание помощи беженцам из Эпира»¹⁸.

Однако финансовые аппетиты правительства наталкивались на тяжелые подозрения Контрольной комиссии, и эти подозрения, как обычно, фокусировались на вездесущем Эссад-паше, служа еще одним доказательством его исключительной роли во всех албанских делах рассматриваемого периода. Как отмечал в данной связи Петряев, «Комиссия не нашла возможным удовлетворить полностью эту просьбу зная по опыту, что деньги эти могут попросту перейти в бесконтрольное пользование Эсада Паши. Мы уже ранее обратили внимание албанского министра финансов на необходимость представить нам хоть какой-нибудь бюджет, дав понять ему, что, не имея росписи, мы будем вынуждены отказывать в просимых кредитах. Не желая, с другой стороны, совершенно останавливать ход государственной жизни, мы, по зрелом обсуждении, решили дать наше согласие на выдачу банками лишь 2 миллионов, поставив расходование их в условия контроля».

Таким образом на оборудование казначейства Комиссия отпустила лишь 500 000 франков с тем, чтобы, в возможно непродолжительном времени, ей был представлен подробный план организации этого учреждения. На уплату

жалования жандармам и добровольцам мы ассигновали тоже 500 000 франков под условием, чтобы ими распорядился генерал де-Веер и чтобы эта сумма миновала руки Эсада Паши. На помощь беженцам было ассигновано 500 000 франков, которые должны распределяться между нуждающимися при посредстве особых комиссий.

По поводу платежей по контрактам, за заказанное оружие и военные припасы, Комиссия письмом на имя председателя совета министров напомнила албанскому правительству, что, в силу ранее состоявшегося единодушного решения, все контракты на разные поставки должны предварительно получать одобрение Контрольной комиссии»¹⁹.

6 июня 1914 г. Петряев направил на Певческий мост еще более тревожную секретную телеграмму. В ней говорилось, что «ввиду критического положения правительства, Комиссия согласилась дать полтора миллиона на организацию защиты, высказавшись против употребления средств, могущих вызвать гражданскую войну. По-видимому еще возможно возобновление переговоров и албанское правительство всячески старается кончить дело миром»²⁰.

Однако «кончить дело миром» было затруднительно. Княжеское правительство оказалось в буквальном смысле в «кольце фронтов», а сама Албания встретила начало первой мировой войны в обстановке хаоса и анархии, усугубленных вмешательством как великих держав, так и соседних балканских стран, не скрывавших своих территориальных, экономических и военно-политических претензий.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2908, л. 11.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же, л. 15.
6. Там же.
7. СМЕРНОВА Н.Д. История Албании в XX в. М. 2003, с. 60.
8. The Sun. 11.I.1914.
9. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2908, л. 27.
10. Там же, д. 2113, л. 97—98.
11. Там же, ф. Канцелярия. 1914 г., оп. 470, д. 6, л. 33—34.
12. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М. 2002, с. 47.
13. PUTO A. La question albanaise dans les actes internationaux de l'époque imperialiste. Tirana. 1988, vol. II, p. 579—609.
14. ХРАБАК Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912 до краја 1915 године. Врање. 1988, с. 93.
15. Документи о сполној политици Краљевине Србије. Т. VII. Св. 1. Београд. 1984, с. 386, 419, 423, 425, 433, 435, 440, 483.
16. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 533, л. 39.
17. Там же, ф. Генконсульство в Дураццо, оп. 1036, д. 3, л. 2.
18. Там же, л. 27.
19. Там же.
20. Там же, л. 29.

Региональные особенности демографических и миграционных процессов в российском обществе

А.И. Тетуев

Аннотация. В работе выявлены региональные особенности демографических и миграционных процессов в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии и их влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе. Раскрываются факторы, оказывающие негативное влияние на демографическую и миграционную ситуацию. Определяются меры по созданию условий для устойчивого демографического развития регионов.

Ключевые слова: демографические показатели, продолжительность жизни, уровень смертности, рост рождаемости, миграция, развитие экономики.

Abstract. The regional characteristics of demographic and migration processes in Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia, and their impact on the socio-political situation in the region are revealed in the work. The factors that have a negative impact on the dynamics of demographic and migration situation are disclosed. The measures aimed at creating conditions for sustainable demographic development in the regions are identified.

Key words: demographic determinants, lifetime, mortality rate, fertility increasing, migration, economics development.

Радикальные социально-экономические реформы, проводившиеся в Российской Федерации с начала 1990-х гг., привели к сокращению роста численности населения. В субъектах Северо-Кавказского региона, как и в целом в России, изменения проходили болезненно, сопровождаясь снижением жизненного уровня граждан, что стало одной из основных причин ухудшения демографической ситуации. Другой причиной, существенно повлиявшей на социально-экономическое развитие республик Северного Кавказа, явилось усиление оттока населения и, прежде всего, русскоязычного. Данные обстоятельства определяют актуальность исследования демографических и миграционных процессов в регионе и возможностей позитивного воздействия на них.

Тетуев Алим Инзрелович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований. Филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Tetuev Alim I. — doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher at the Institute of Humanitarian Researches. Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences». E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

На первый взгляд, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в исследуемый период сложилась относительно стабильная демографическая ситуация. Оба субъекта можно отнести к числу немногих в регионе, где сохранялся естественный прирост населения, а уровень смертности был в 1,6 раза ниже, чем в среднем по стране. При этом показатель рождаемости соответствовал среднероссийскому уровню. Однако при кажущемся благополучие наблюдалась негативная динамика всех показателей, характеризующих воспроизводство населения.

Если в 1990 г. общий естественный прирост составлял в КБР 11,5 чел. на 1000 жителей, а в КЧР — 8, то в за последующие 15 лет он снизился: в КБР до 0,1, в КЧР — до 0,2 ¹.

По сравнению с 1990 г. рождаемость снизилась почти в два раза (в КБР с 20 родившихся на 1000 чел. до 10,3 чел., а в КЧР соответственно с 16,7 до 11,5). Таким образом, параметры рождаемости оказались намного меньше, чем необходимо для роста численности населения. Так для простого воспроизводства населения этот показатель должен составлять 2,15 ².

Одним из существенных факторов, оказавших влияние на демографическую ситуацию, явился экономический кризис 1990-х гг., инициировавший снижение реальных доходов населения. Анализ их динамики показывает, что даже спустя пятнадцать лет уровень среднедушевого денежного дохода по Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии был ниже средних российских показателей в 2 раза, а еще через пять лет — в 1,7 раза ³.

Доля бедного населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2000 г. составляла: в Кабардино-Балкарии — 50,2% от общей численности жителей республики, в Карачаево-Черкесии — 61,6%. В наибольшей степени бедность распространена в семьях с высокой иждивенческой нагрузкой, прежде всего, в многодетных ⁴.

Другой, не менее важной причиной, негативно влияющей на демографическую ситуацию, является мизерный объем средств, выделяемых государством на поддержку семей с детьми. Так, в течение 6 лет не менялся размер ежемесячного детского пособия по уходу за ребенком (70 рублей). Государственная помощь семьям с детьми носит скорее символический характер и не может рассматриваться как действенная поддержка нуждающихся.

Вместе с тем, следует отметить, что спад рождаемости нельзя объяснить только снижением уровня жизни населения. Он связан и с изменением взглядов на количество детей в семье в сторону уменьшения, что обусловлено глобализационными процессами, общемировыми тенденциями, присущими большинству экономически развитых стран. В регионе все большее распространение получает модель семьи с одним ребенком.

За двадцать лет, прошедших после кризиса, смертность населения в КБР с 8,5 на 1000 чел. увеличилась до 9,4 чел., а в КЧР соответственно — с 8,2 до 10. При этом следует отметить чрезвычайно высокую смертность мужчин трудоспособного возраста, уровень которой в четыре раза превышает уровень смертности женщин, а в возрастной категории от 25 до 30 лет — в 7,7 раза ⁵. Важным показателем является уровень младенческой смертности. Число детей, умерших в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми, за исследуемый период уменьшилось в КБР с 19,3 чел. до 6,0, а в КЧР соответственно — с 8,0 до 10,4 ⁶.

Сложная демографическая ситуация в регионах требует осуществления дифференцированной политики не только в экономике и социальной сфере, но и в области народонаселения. Главным концептуальным документом, определяющим цели, задачи и механизмы реализации государственной демографической политики в стране является «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» ⁷.

Согласно этому документу, «демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения, и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране»⁸.

На основании данной концепции в Кабардино-Балкарии была реализована республиканская целевая программа⁹, в рамках которой введена единовременная адресная социальная помощь в размере 250 тыс. руб. на строительство и приобретение жилья многодетным семьям при рождении пятого и последующего ребенка, а в КЧР в рамках мер социальной поддержки многодетных семей учрежден региональный материнский капитал единовременной выплаты 100 тыс. руб., который предоставляется семьям после рождения четвертого ребенка и достижения им трехлетнего возраста. Число получателей материнского капитала в республиках постоянно увеличивается. Кроме того, в регионах существует другой вид поддержки семей, имеющих трех и более детей — им бесплатно выдаются земельные участки¹⁰.

Процессы, происходившие в демографической сфере, обусловили изменение возрастной структуры населения в сторону увеличения доли трудоспособного населения и уменьшения доли детей младше трудоспособного возраста. Так, удельный вес населения младше трудоспособного возраста КБР за 15 лет сократился с 29,9% до 21,3%, трудоспособного населения увеличился с 55,3% до 60,4%, а доля лиц старше трудоспособного возраста возросла с 14,8% до 20,3%. Сокращение численности населения младшего трудоспособного возраста привело к снижению иждивенческой нагрузки с 806 до 575 чел. в расчете на 1000 чел. трудоспособного возраста¹¹. Аналогичная ситуация сложилась и в КЧР. Состояние здоровья и уровень смертности населения отразились на показателе ожидаемой продолжительности жизни, который увеличился с 69,30 до 73,91. При этом продолжительность жизни мужчин (69,04) меньше, чем продолжительность жизни женщин (78,41). Эти показатели несколько выше, чем в среднем по Российской Федерации (соответственно 65,29 и 76,47), но значительно уступают показателям в развитых странах (75 и 80 лет)¹².

Серьезной проблемой, влияющей на демографическую ситуацию и социально-экономическое развитие, являются миграционные процессы, в результате которых произошли изменения этнического состава населения республик. Первые годы «независимости» Чечни и последовавшие за ней войны в этой республике вызвали исход из региона не только русского населения, но и представителей других национальностей, в том числе и самих чеченцев (не менее 450 тыс. человек)¹³. В этот период на территории Кабардино-Балкарии проживало свыше 14,3 тыс. чеченцев¹⁴.

Численность турок-месхетинцев, по сведениям администраций городских округов и муниципальных районов республики, составляла 10 602 чел., что превышает данные 1970 г. более чем в 30 раз.

Следует отметить, что постоянная (безвозвратная) миграция населения КБР имеет свои специфические особенности: ограниченность ресурсов развития, особенно земли, бедность значительной части населения, дефицит рабочих мест, огромные масштабы безработицы (особенно в аграрном секторе) и конкуренция за рабочие места, рост теневой экономики, криминализация общества. Из-за высокого уровня безработицы в сельской местности большая часть населения выезжает. Покидает республику и молодежь (свыше 2000 чел. в год), которая активно реализует возможность получить высшее образование в лучших вузах Российской Федерации. Существенный минус подобной мобильности — большая часть молодых специалистов с высшим образованием не возвращается в республику.

Миграционный отток населения из республик Северо-Кавказского федерального округа, в том числе из КБР и КЧР, направлен в первую очередь в «русские» субъекты, в связи с чем среди местного населения усиливается мигрантофобия в отношении приезжих любой национальности. Данное обстоятельство усиливает социальную напряженность и создает почву для межнациональных конфликтов.

В Кабардино-Балкарии наибольшее беспокойство вызывает тенденция оттока из республики русского населения, которое за период с 1989 по 2002 г. сократилось более чем на 10%.

В экономической сфере приток мигрантов способствует усилению конкуренции на рынках труда и жилья. Мигранты занимают доминирующие позиции в отдельных секторах экономики и создают своего рода анклав занятости в строительстве и торговле. В общественно-политическом и социокультурном плане интеграция мигрантов в принимающее сообщество вызывает определенные сложности. Острота миграционных проблем, а также их влияние на перспективы дальнейшего развития России обуславливают насущную необходимость формирования стабильной системы государственного регулирования миграционных процессов на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации.

Правоммерно, что вопросы разработки и реализации государственной политики в области регулирования миграционных процессов возложены на Федеральную миграционную службу МВД России. Нам представляется, что в решении миграционных проблем должны принимать активное участие и работники Министерства труда и социального развития КБР, Управления Федеральной государственной службы занятости населения КБР.

Важным шагом на пути развития современной, всесторонней системы государственного регулирования миграции в Российской Федерации является разработка и одобрение Правительством Российской Федерации Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. В качестве механизмов ее реализации предложены меры по совершенствованию законодательства, подготовка федеральных и региональных целевых программ, разработка баланса трудовых ресурсов, создание баз данных по мигрантам, кадровое, информационное и научное обеспечение миграционной политики.

Следует откорректировать отдельные положения концепции, привести их в соответствие с реально сложившейся ситуацией в целом по стране и в отдельных регионах. С этой целью необходимо реализовать следующие меры:

- разработать основные направления миграционной политики, в том числе в региональном аспекте, и на их основе реформировать законодательство в сфере занятости и регулирования трудовой миграции;
- обеспечить создание единой информационной системы спроса и предложения рабочей силы;
- разработать прогнозы спроса и предложения рабочей силы на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации на основе прогноза социально-экономического развития России и регионов на среднесрочную перспективу;
- определить полномочия и функции по регулированию рынков труда между федеральным центром, субъектами Российской Федерации, органами местного самоуправления, работодателями и профессиональными союзами в процессе проведения административной реформы и разграничения полномочий и предметов ведения между федеральным центром и регионами.

Сложившаяся ситуация диктует необходимость концентрации усилий исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления на проведении комплексной и системной работы, направленной на создание условий для улучшения социально-экономической ситуации в республиках.

В связи с этим, важным стимулирующим фактором сокращения миграционного оттока из республик должны стать развитие регионального рынка труда, создание новых рабочих мест в результате размещения производственных объектов, повышение уровня заработной платы и активизация жилищного строительства в регионах.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Этнокультурные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции» №16-01-00126.

1. Кабардино-Балкария в цифрах. Статистический ежегодник. Нальчик. 2015, с. 37; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002, с. 31—38, 40—42, 50—53; КЧР в цифрах. Черкесск. 2016, с. 17—19, 22—22.
2. Кабардино-Балкария в цифрах, с. 37; Регионы России, с. 31—38, 40—42, 50—53; КЧР в цифрах, с. 17—19, 22—22;
3. Регионы России. 2002, с. 157, 176; 2015, с. 198—200, 228, 230.
4. Там же. 2005, с. 140, 164, 234; 2006, с. 178.
5. Кабардино-Балкария в цифрах. 2011. Нальчик. 2011, с. 48; Регионы России. 2002, с. 50; КЧР в цифрах. 2016, с. 20.
6. Регионы России. 2015, с. 51; Кабардино-Балкария в цифрах. 2012, с. 42.
7. «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года». www.ivo.garant (session).
8. Там же.
9. Кабардино-Балкарская правда. 14.XII.2007.
10. www.mtsrkbr.org.ru; www.mintrudkchr.ru.
11. Кабардино-Балкария в цифрах, с. 37; Социальное положение и уровень жизни населения Кабардино-Балкарии. Статистический сборник. Нальчик. 2012, с. 39; Кабардино-Балкарская правда. 14.XII.2007.
12. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М. 2012, с. 113; Социальное положение и уровень жизни населения Кабардино-Балкарии. Статистический сборник. Нальчик. 2012, с. 40; Регионы России. 2015, с. 54—55.
13. Численность населения Кабардино-Балкарской Республики. Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Т. 1. Нальчик. 2004, с. 7.
14. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Кабардино-Балкарской Республики. Итоги переписи населения 2002 г. Т. 4. Нальчик. 2005, с. 6—12.

Становление истории идей: три труда между двумя войнами и двумя революциями

Э.Г. Задорожнюк, И.Е. Задорожнюк

Аннотация. В публикации дан анализ роли трех фундаментальных трудов: Иванов-Разумник «История русской общественной мысли»; Т.Г. Масарик «Россия и Европа» и Г. Плеханов «История русской общественной мысли», заложивших основы отечественного варианта истории идей. Эта область связана «с изучением генезиса, становления, распространения и трансформации различных продуктов мыслительного труда» человечества и составляющих его народов. Как синоним используется термин «интеллектуальная история». Сегодня приоритеты ее основания приписываются американскому философу А. Лавджю (1873—1962), участие же отечественных исследователей в ее становлении замалчивается.

Ключевые слова: история идей, интеллектуальная история, интеллигенция и мешанство, русская общественная мысль, Россия и Европа, ментальность, идеологизация.

Abstract. The role of three fundamental works is analyzed: Ivanov-Razumnik «History of Russian Social Thought», T.G. Masaryk «Russia and Europe» and G. Plekhanov's «History of Russian Social Thought», as laying the foundations of the domestic version of such a subject area as the history of ideas. It is connected «with the study of the genesis, formation, distribution and transformation of various products of the intellectual labor» of humanity and its constituent peoples; as a synonym the term «intellectual history» is used. Today, the priorities of its foundation are attributed to the American philosopher A. Lovejoy (1873—1962), while participation of domestic researchers in its development is hushed up.

Key words: history of ideas, intellectual history, intellectuals and the petty bourgeoisie, the Russian public opinion, Russia and Europe, mentality, indoctrination.

Любой исследователь, занимающийся историей идей или же интеллектуальной историей, не может и не должен пройти мимо трех фундаментальных трудов: Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (первое издание

Задорожнюк Элла Григорьевна — доктор исторических наук, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Институт славяноведения РАН. E-mail: elzador46@mail.ru; *Задорожнюк Иван Евдокимович* — доктор философских наук, заместитель заведующего Отделом социально-гуманитарных журналов. НИЯУ МИФИ. E-mail: zador46@yandex.ru.

Zadorozhnyuk Ella G. — doctor of historical science, head of the Department of contemporary history of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies RAS. E-mail: elzador46@mail.ru; *Zadorozhnyuk Ivan Je.* — doctor of philosophical science, deputy director of the Department of social and humanitarian journals, National Research Nuclear University (MEPhI). E-mail: zador46@yandex.ru.

в 1906 г.; последнее (седьмое) в 1997 г.), книги Т.Г. Масарика «Россия и Европа» (на немецком языке вышла в 1913 г., русский перевод в 2000—2003 гг.; название Масарик «заимствовал» у Н. Данилевского, который в 1871 г. выпустил историософский труд «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому») и Г. Плеханова «История русской общественной мысли» (написана в 1909—1914 гг., выпущена 1914—1916, а повторно в 1918—1919 гг.)¹. Они, на наш взгляд, и заложили основы отечественного, а во многих отношениях не только отечественного варианта данной предметной области.

Терминологически история идей трактуется сегодня как «поле современного исторического знания, связанное с изучением генезиса, становления, распространения и трансформации различных продуктов мыслительного труда в интеллектуальной культуре человечества»; в научном обороте в качестве синонима используется термин «интеллектуальная история». Трансформация идей касается не только оформленных учений, но и «мыслительных привычек», затрагивая проблематику стилей и способов мышления больших групп людей и сближаясь с историей ментальностей. История идей однако «не сводится к исследованию национальных традиций мысли, она, подобно сравнительному литературоведению, призвана выявлять общие тенденции в интеллектуальной культуре, отвлекаясь от языковых и региональных различий»².

Тем не менее национальные варианты истории идей присутствуют, а значит возникает вопрос: какие из них оформились первыми. На наш взгляд, это был русскоязычный ее вариант. Трехтомники Иванова-Разумника и Масарика обратили на себя большее внимание. При этом произведение Иванова-Разумника можно идентифицировать как работу именно по истории идей. В ней дано и авторское определение данной предметной области как «совокупности знаний об исторических условиях появления общественных идей в связи с личностными судьбами их носителей, о культурном контексте их возникновения и эволюции»³.

Трехтомник Плеханова был менее популярен. Надо отметить, что В.И. Ленин перечитывал Плеханова реже, чем Маркса, однако понимание первым реалий русской истории, а на ее фоне — истории идей, ценил высоко. Не случайно он ратовал за ознакомление с трудом Плеханова, несмотря на усиливавшиеся между бывшими соратниками-марксистами идеологические отчуждения. Так, не без его благословения все три выпущенные в 1918—1919 гг. тома «Истории...» (в 1914, 1915 и 1916 гг.) хотя и были даны в дореволюционной орфографии, но подчеркивалось, что цену на них поднимать нельзя. А вот их ценность с годами лишь возрастает. Нельзя не согласиться с одним из плехановедов, С. Тютюкиным, который, опубликовав в 2010 г. части из «Истории...», пишет в своих комментариях: «новаторская и очень интересная работа»; в ней Плеханов «хотел быть в первую очередь ученым, а потом уже политиком и идеологом»⁴.

И все-таки указанные работы не числятся по ведомству отечественного варианта предметной области истории идей — их сдвигают в тень ее иноязычные варианты. Если ознакомиться с современной литературой, то легко заметить, что ее основание приписывается американскому философу А. Лавджоу (1873—1962), причем особо громко говорится об этом в последние четверть века. Одна из задач истории идей в его трактовке — попытка применить особый аналитический метод для понимания того, как рождаются идеи, появляются новые верования и интеллектуальные веяния, объяснить их трансформацию, пролить свет на то, почему учения, господствующие в одном поколении, в другом теряют власть над умами. Особенно, на наш взгляд, Лавджоу удалось описание процессов своеобразной материализации идей. Так, оформившаяся в

Англии еще в XVII в. идея естественности воплотилась сначала там, а затем на континенте в моде на ландшафтные парки. После 1730 г. они появились во Франции и Германии. Отсюда возможность вывода тамошних романтиков: мир — это огромный *englisch Garden* (английский сад). Идея же естественности, обогатившись новыми красками, добралась и до России. В значительной степени это просматривается в истории литературы, представляющей пункты фиксации, которые воздействуют на движение идей; при этом важно и то, как они воздействуют на воображение, эмоции и поведение людей ⁵.

Подобного рода наблюдения американского ученого конечно не охватывают всей предметной области истории идей. Более того, и книги Лавджоя, и посвященные ему десятки статей, диссертаций, других разработок на фоне забвения указанных отечественных трудов сегодня можно трактовать как проявление своеобразного «информационного империализма», выводя за скобки политические аллюзии на этот термин.

Нами использовалась данная метафора для характеристики процедур и результатов при определении рейтингов вузов, когда отечественные университеты, в первую очередь МГУ, и технические вузы, выпускники которых востребованы на Западе, отодвигаются в общем списке в третью или четвертую сотню ⁶. При этом забывается не только русский вклад в историю идей, но игнорируется и тот факт, что предметная область *Ideengeschichte* разрабатывалась, в том числе, и видными немецкими мыслителями — Ф. Мейнеке (1892—1954) и его последователями, и что большинство разработчиков англоязычной версии так или иначе были связаны с Германией. В биографии Лавджоя указывалось, что этот сын американского миссионера и немки родился и провел младенческие годы в Германии. Вряд ли стоит переоценивать значение этого факта, но и полностью игнорировать его также нельзя. «Немецкий след» просматривается в биографии и других представителей данной предметной области. Л. Спицер (Шпитцер, 1867—1960) приобрел известность как австрийский философ перед своей эмиграцией в Америку. Р. Уэллек (1903—1995) родился в Вене, окончил Карлов университет в Праге, но также продолжил свою научную деятельность в Америке. Близок к ним И. Берлин (1909—1997), родившийся в России, чья переведенная на русский язык в 1980 г. книга именовалась так: «Против течения. Очерки истории идей» ⁷.

Обратимся к биографии и трудам Ф. Майнеке. Этот историк и философ в сборнике написанных в 1920—1930-е гг. статей «Об историческом смысле и смысле истории» (1939) подчеркивал роль «идеи индивидуальности» и «идеи развития», ставя акцент в их толковании не только на «внешнем» объяснении, но и на «внутреннем», «живом» понимании, включающем фантазию, интуицию, ощущение, сочувствие, любовь. Мейнеке писал о «примате духовности» как в философии и поэзии, так и в политической истории. Его немецко-, а затем и англоязычные ученики разрабатывали предметную подобласть — социальная история идей (*Sozialgeschichte der Ideen*, *Social History of Ideas*). Они, конечно же, воспринимали историю идей не совсем по Лавджою.

Понятие же «*Ideengeschichte*» впервые на немецком языке было употреблено литературоведом и историком культуры А. Корфом в 1923 г. в первом томе его изысканий о временах Гёте, заключительный том которых вышел только в 1965 году ⁸. Согласно Корфу, история идей базируется не только на истории литературы, но и на учете резонансов от высказываемых идей. Они побуждают изменения в обществе: от культурных сдвигов и до появления новых языковых форм. Немецкий автор удачно выбрал для репрезентации данного понятия именно период «*Sturm und Drang*» («бури и натиска»). Это период ознаменовался поначалу литературным бунтом 1770—1780-х гг., обернувшимся поворотом в общественной мысли: стали прославляться и внедряться

в жизнь мещанские добродетели (употребляем это выражение без негативных коннотаций), звучали призывы к национальной самобытности, допускались и протесты против деспотизма — религиозного и светского. В данной атмосфере выросли идеи Шиллера и Гёте, чей роман «Страдания молодого Вертера» (1774) породил некую эпидемию самоубийств, что тоже служило подтверждением феномена иррадиации идей: от литературы в жизнь. Однако только в 2007 г. был учрежден немецкоязычный журнал «Zeitschrift für Ideengeschichte». К этому времени в Германии определились и другие подобласти истории идей: политическая, юридическая и даже приватная.

Существуют и другие западные школы истории идей, к примеру, английская⁹; трудно игнорировать и роль французских мыслителей в становлении этой предметной области. Что касается отечественного варианта истории идей, то некоторые ученые ведут ее начало с перелома столетий, но не XIX и XX, а XX и XXI, что вряд ли справедливо. Среди них следует отметить Санкт-Петербургский центр истории идей, основанный в 1995 г., подготовивший специализированный выпуск альманаха «Философский век» (СПб. 2001, № 14) под названием «История идей как методология гуманитарных исследований», и Общество интеллектуальной истории в Москве, издающее журнал «Диалог со временем».

В настоящей публикации мы попытаемся показать, а по возможности и доказать, что упомянутые труды заложили основу отечественного варианта истории идей, и после почти столетнего умолчания восстановить историческую, историографическую и методологическую справедливость. Перед этим отметим: в первом выпуске издания «История и историки», созданном по инициативе М. Нечкиной, однозначно указывалось, что «без истории мысли наука превращается в грудку фактов»¹⁰. Можно трансформировать этот вывод: без истории идей в грудку фактов превращаются некоторые социальные науки.

Книга Иванова-Разумника впервые появилась в 1906 г., а затем издавалась еще 6 раз, последний — в 1923 г. в Берлине как двухтомник в сокращенном виде. В 1997 г. издательство «Республика» выпустило ее в виде трехтомника (по изданию 1918 г.). В книге обосновывалась идея интеллигенции, носителями которой выступали ориентированные на индивидуализм высоко нравственные личности, и подчеркивалась ее борьба с идеей мещанства, которую репрезентует «сплоченная посредственность». Идея интеллигенции содержится в ряде теорий: мистической теории прогресса (20—30-е гг. XIX в.), позитивной теории прогресса (40-е гг.), утилитаризма и нигилизма (60-е гг.), «имманентного субъективизма» Лаврова и Михайловского (70-е гг.), в новых версиях теории прогресса (легальные марксисты) и мистической теории прогресса (90-е гг.). Последняя ведет к воспроизведению на новой основе имманентного субъективизма (межреволюционное «скифство» ряда писателей и поэтов; Иванов-Разумник, следуя А. Герцену, признавал, что оно в огне революции может спасти от вымирания «мещанскую» Европу).

Парадоксально, но в концепт-метафоре Иванова-Разумника этико-социологический индивидуализм означает как раз «служение обществу в его идеальных, то есть просветленных правдой, началах»¹¹. Еще в 1934 г. автора упрекали в том, что он осуществил «отрыв истории идей от истории людей, мыслей от их реальных носителей, осуществляя процесс “идеологизации истории”»¹². В этой связи следует подчеркнуть три обстоятельства: во-первых, в приводимой энциклопедической статье термин «история идей» скорее проговаривается, чем определяется; во-вторых, Иванов-Разумник как никто другой сближал идею с профилем ее носителя; в-третьих, кто на самом деле осуществлял «идеологизацию» истории, так это марксисты — противники присущего ему «скифского начала». Хорошо, что даже в таком виде термин «история идей» — уже в ходе

выпуска работ А. Лавджоя и Ф. Мейнеке — соотносился с именем Иванова-Разумника.

Последователей идей индивидуализма можно найти в любом социальном классе, поэтому марксистский классовый подход для него неприемлем. Во времена его укоренения в русской общественной мысли, по Иванову-Разумнику, доминировало убеждение: «Чем хуже теперь реальной личности, тем лучше потом будет обществу — с таким резким индивидуализмом мы редко встречались за всю историю русский интеллигенции в XIX веке»¹³. Тем самым, марксизм приравнивался к высшей ступени мещанства. Но как раз в нем Плеханов обвиняет самого Иванова-Разумника, при этом оба одинаково славят Чернышевского, а дальше говорят об эклектизме идейной жизни после него. В целом же все трое ищут логику в некотором отходе от устоявшейся логики. Думается, эта параллельность детерминируется исследовательскими паттернами (образцами) как раз истории идей — даже если этого не признают ее разработчики.

Плеханов назвал Иванова-Разумника (иронично именуя его в ленинском духе Ивановым-Затейником) «мещанином нового времени» в рецензии на его «Историю...», за что, естественно, удостоился того же звания. Это не столько взаимные обвинения, сколько рефлексивные действия, когда человек ставит себя на место другого. Конечно же, Плеханов — сам отчаянный индивидуалист: он не побоялся пойти против чернопередельцев, став на позиции марксизма в молодости; выступить против диктатуры Ленина, не страшась оказаться в «меньшинстве» в зрелости; занял позицию оборончества в ходе первой мировой войны; наконец, конфронтировал с советской властью после возвращения в революционную Россию.

«Ругая» своего оппонента за потворство принципу индивидуализма, Плеханов делает примечательное (на наш взгляд, самое яркое в этой довольно скучной статье) наблюдение: «Усиленная разработка личности привела к тому, что русская интеллигенция в своих взглядах на некоторые вопросы личных отношений опередила современную интеллигенцию Западной Европы. Говорят, что знаменитая на всемирном рынке русская кожа — *cuir russe* — обязана своим общепризнанным превосходством тому, что в России скот гораздо хуже питается и вообще живет при худших гигиенических условиях, нежели в других странах. Если это верно, то причина превосходства русской кожи отчасти напоминает (я не говорю о полном сходстве) ту, благодаря которой мы, русские интеллигенты, превосходим интеллигентов Запада по части вопросов личных отношений: нас плохо кормила мачеха-история. Однако наличность добра во всяком худе еще не делает худа — добром»¹⁴. Противостояние двух отечественных представителей предметной области «история идей» весьма интересно: чего не договаривал один — договорил другой, да и в хронологическом плане книги дополняют одна другую: Иванов-Разумник начинал с «преддверия XIX века», которым Плеханов заканчивал.

Что касается трехтомника Масарика, то он также в основном ориентирован на массив русской литературы и адресован, судя по пожеланиям автора, русскоязычному читателю, до которого, однако, он дошел в полном виде почти столетие спустя. В нем шире привлекались философские построения, четче анализировались политические противостояния носителей идеи России с носителями идеи Европы. Хронологические рамки исследования: от идеи Москвы как третьего Рима — до взглядов носителя ультраиндивидуализма Б. Савинкова (Ропшина).

Часто говорилось и о политической ангажированности труда «Россия и Европа» Масарика: он находился в поле зрения и противника России — Германии, и ее союзника — Великобритании. «Крупный славист Сетон-Уотсон заметил, что она была одной из настольных книг специалистов генерального штаба

германской армии. Сам Сетон-Уотсон приложил немало усилий, чтобы она появилась и на английском языке в 1919 году, — вряд ли можно сомневаться в том, что и у специалистов по “загадочной России” она тоже находилась на столе»¹⁵. И все же глубинное понимание сущности соотношения России с Европой достигнуто не было ни ее союзниками, ни ее противниками (начавшими меняться местами), что вело к политическому непониманию сути происходивших событий. Вывод, вытекающий из данного исследования, заслуживает уважения — автор признает неотвратимость революции и призывает считаться с ее результатами в самые непредсказуемые времена¹⁶.

Масарик отыскивает философские корни противостояния идей России и Европы в том, что он именует этизированной, то есть не усвоившей идей Канта, гносеологией русских писателей и мыслителей, склонных к «неорганическим колебаниям между платонизмом и нигилизмом»¹⁷. В плане сугубо этическом указанное колебание модифицируется в противостояние религиозного объективизма (и порождаемой им социальной пассивности) и принципа индивидуализма; о его доминировании как раз и писал Иванов-Разумник, на что Масарик почему-то не указал¹⁸.

Как раз поэтому, считает Масарик, Н. Михайловский прямо провозглашал лозунг борьбы за индивидуальность — вплоть до анархизма. «Философия и теология вступили в большую битву за Бога, причем Бога, явленного в откровении; откровение и традиция или опыт и наука — вот как стоит вопрос»¹⁹. И здесь трудно удержаться от уточнения. Михайловский, а ранее П. Лавров выступали за субъективный метод в социологии как раз в сочетании с объективным анализом социума. Он был «забракован» марксистами, начиная с Плеханова, но вот парадокс: как раз субъективный метод в интерпретации П. Сорокина обновил сначала американскую, а затем и мировую социологию.

В плане политической философии, продолжает Масарик, в России постоянно шла борьба идей теократии и демократии, причем первая имела тенденцию стать цезарепапизмом, а вторая — атеистическим волюнтаризмом. Масарик пишет: «В России, как и повсюду, теократический абсолютизм пытался насильственно удержать подданных от какой-либо социально-политической активности; оторванность аристократии и правящих династий от рядовых людей вызвала нравственное и биологическое вырождение, что повсеместно приближало революцию. Однако аристократизм и абсолютизм, как правильно подчеркивал Герцен, возникли не только из насилия, но также из всеобщего признания, из образа мышления»²⁰.

Расхождение принципов абсолютизма и революционаризма и определяет, согласно чешскому мыслителю, всю историю идей России в XIX — начале XX века. Масарик особо подчеркивает рельефность противостояния триады С. Уварова (православие, самодержавие, народность), выводимой не столько из философских постулатов, сколько из политических потребностей, этой «альфы и омеги официальной государственной мудрости вплоть до наших дней»²¹, с одной стороны, и материалистического радикализма, тоже не столько мыслительного принципа, сколько политического оружия — с другой. При этом теократический абсолютизм был неприемлем уже в ходе своего возникновения: интерес к наиболее радикальным идеям Запада детерминировался не столько потребностью познания, сколько необходимостью обоснования политических действий против него. Санкционированная же монархией оторванность аристократии от рядовых людей часто преодолевалась самими аристократами, точнее — их активной частью в лице представителей классической русской литературы или же когорты «кающихся дворян» — одного из побочных произведений этой литературы.

Но эти же аристократы весьма прохладно относились к идеям конституционализма и парламентаризма, продолжает Масарик, причем надо добавить:

не только они ²². В целом идея революции постоянно наталкивалась на идею охранительства. И часто выдающиеся русские мыслители «кланялись» именно ей: начиная от В. Печерина и Ф. Достоевского и заканчивая «веховцами». Масарик весьма тщательно проанализировал эту метаморфозу, конечно же, принимающую новые видообразования и в современной ему России.

В итоге, продолжил Масарик, хотя русские могут стать — и стали с 1905 г. — весьма революционными, но не превратились в более демократичных. Идея революции в России всегда была на повестке дня, причем в практическом аспекте в не меньшей степени, чем в теоретическом. Реакция Александра I и Николая I на нее разделила русских мыслителей на два лагеря. Революционное направление началось с Радищева и Пестеля, эстафета была подхвачена Белинским, Герценом, Бакуниным, Чернышевским, Добролюбовым и нигилистами, затем террористами, особенно из «Народной воли», Лавровым, Михайловским и, наконец, марксистами, с одной стороны, и Кропоткиным — с другой. В числе антиреволюционеров были не только Печерин, Достоевский, но и многие другие. Поражение революции 1905 г. породило новую волну охранительства.

По мнению и даже убеждению Масарика, Россия, даже отставая, следует европейским путем, а Европе, в свою очередь, есть чему поучиться у русских. Приведем весьма примечательные в этом плане заключительные абзацы второго тома труда Масарика (третий том состоит из подготовительных материалов к портретам отдельных писателей и мыслителей). «Обширная европейская литература о России, — утверждает Масарик, — доказывает, что философский интерес к этой стране и к возможностям ее развития существует. Этот интерес растет, так что сейчас можно говорить о русификации Европы в не меньшей степени, чем об европеизации России. Это сказывается не только в постоянно увеличивающемся с XVIII в. политическом влиянии России в Европе, но и в заинтересованном восприятии русской литературы, которая способствовала вовлечению читающих европейцев во внутренние проблемы этой страны. Мы помним, что прославляли Россию Вольтер и Гердер, сегодня к ним присоединились Ницше и Метерлинк, а также многие другие писатели, воспринявшие русские идеи и идеалы. Да, социолог и философ истории многому может научиться в России» ²³.

Остается добавить, что написанное более 100 лет тому назад произведение являет собой классику сопоставления идеи России и идеи Европы. Это побуждают пристальнее рассмотреть и современную ситуацию их взаимного отвержения с тем же допущением, что подобное не может не быть деструктивным для развития и западной, и восточной частей континента.

Говоря о наименее освещенной трехтомной работе по истории идей, стоит отметить, что уже с первой ее страницы Плеханов заявляет, что бытие определяет сознание. Но нарочитость данного утверждения не всегда подтверждается фактурой и логикой изложения. История идей в этом плане предстает неким инвариантом: те или иные идеи соскальзывают с бытийственных структур (как у Плеханова) или с субъективных предпочтений (как у Иванова-Разумника), но в дальнейшем начинают жить самостоятельной жизнью.

Здесь же Плеханов определяет методологическую доминанту своего труда: «мой анализ привел меня к тому выводу, что нелогичность, нередко проявляемая русскими идеологами, объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития» ²⁴. И сразу же в тексте введения уточняется: «Научное исследование истории мысли, — и всех вообще идеологий, — только потому и делает некоторые успехи, что исследователи начинают осознавать причинную связь между “ходом вещей”, с одной стороны, и “ходом идей” — с другой» ²⁵.

Фактура же говорит о другом. Казалось бы, анализ отношений духовной и светской властей в Киевской Руси, а затем — с некоторыми перерывами в изложении — уже в Руси Московской по линиям противостояния боярства с дворянством, дворянства с духовенством, царя с боярством и т.д. демонстрирует продуктивность классового подхода. Но блистательное рассмотрение выводимого из этих противостояний феномена Смуты, которая осложнялась иностранной интервенцией, показывает недостаточность такого подхода. «Смута принудила людей Московского царства к самодеятельности. Но их вынужденная самодеятельность ярче всего выразилась в восстановлении и упрочении “вотчинной монархии”, главнейшая отличительная черта которой определилась уже во второй половине XVI-го века»²⁶, — констатирует автор. Заканчивается первый том историческими портретами «первых западников»: князя И. Хворостинина, В. Ордин-Нащокина (сына знаменитого дипломата), Г. Котошихина и Ю. Крижанича, которого Плеханов соотносит со «славянофильским, — точнее — панславистским направлением»²⁷.

Времена Смуты и рассмотренного уже во втором томе «верховенчества» носят в чем-то инвариантный характер. Если в первом случае на передовые позиции выходили самозванцы, то во втором — та часть аристократии, которая стремилась расширить свои права за счет сужения власти самодержавия. Против и тех, и других выступали силы консервативной ориентации. Не только претенденту на московский престол королевичу Владиславу, но и Лжедмитрию боярство (часть высшего и большинство среднего), а также купечество и «черная сотня» (без негативных коннотаций — Кузьма Минин из Нижнего Новгорода как раз к ней и принадлежал) противопоставили «своего царя» и возвели на трон Романова. Как бы параллельно, при опоре на часть того же боярства и шляхетства, но с привлечением иностранцев, были устранены верховники, претендовавшие на ограничение самодержавной власти Анны Иоанновны²⁸.

В ракурсе соотношения идей России и Европы весьма продуктивен взгляд Плеханова на исторических деятелей России прошлого. Так, по его мнению, В. Голицын — фигура «переходного времени, когда в Московском государстве польское влияние боролось с “немецким” и было сильнее его»²⁹. В библиотеке князя были книги на обоих языках, он знал и латынь, вел на равных переговоры с иностранными дипломатами. Его замыслы реформ ориентировались на западные образцы, на планы, сходные с петровскими, но несходство политических предпочтений привело к опале приверженца, скорее, польского, чем немецкого начала, и этот «московский князь-западник», «родоначальник русских западников»³⁰ был сослан.

На примере рассмотрения фигуры носителя одного из вариантов западных идей — Голицына — видно некое противоречие во взглядах Плеханова. С одной стороны, он присягает на верность марксистскому тезису о первенстве общественного бытия над общественным сознанием, а также о борьбе классов как движителе социального развития. С другой — погружаясь в исторический материал, он вынужден признать: «Московское государство отличалось такой “самобытностью”, благодаря которой даже классовая борьба случаев, служащих источником прогресса, очень часто служила в ней источником застоя»³¹. Ситуация сложилась, согласно Плеханову, так: реформированию положения крестьян по более медленному пути Голицына помешало форсированное реформирование Петра, сильнее их закрепостившему. Так было в истории России не раз, констатировал он, предвидя и новые пароксизмы революционаризма.

В заключении второго тома отмечается, что при Петре было 2 раскола: первый — старообрядческий «как один из видов националистической реакции против поворота Московского государства на Запад», а второй — связанный с «новыми философами» (как их иронично именовал С. Яворский, который ввел

метафору «ученая дружина») ³². В числе приверженцев таковых был Д. Тверитинов, читавший — следуя заветам лютеран — самостоятельно Библию, критиковавший иерархов и ратовавший за веротерпимость. Первых Пётр обложил налогами, идеи второго не поддержал напрямую.

Как отмечает Плеханов, фигуры западников появились еще при Петре, а их контуры оформлялись до него. В целом они, признавая полезность европейских форм, ратовали за большие права аристократии. В дальнейшем противостоявшее им служилое дворянство идентифицировало себя с «российским шляхетством» — слоем между родовитыми фамилиями и крестьянством. Взяв самоназвание из Польши, его представители все же осуждали присущую полякам анархию. В качестве организованной силы шляхетства при этом выступила гвардия — мотор послепетровских переворотов.

И все же в начале царствования Анны Иоанновны над ними были поставлены «верховники» — аристократы с их «кондициями», то есть условиями, предполагавшими ограничение самодержавия. Они, следуя традиции упомянутого западничества, требовали «воли себе прибавить», тогда как надо было прибавить ее всему обществу ³³. Верховный совет, включавший 5, а затем 8 носителей высоких фамилий, продержался недолго, а «кондиции» были разорваны.

Для их характеристики Плеханов привлек появившийся уже в начале ХХ в. термин, вспоминая опыт своей политической борьбы с единомышленниками-марксистами. «Верховники надеялись победить самодержавие посредством закулисной интриги. Они страдали «боярским “большевизмом”» ³⁴, — не без горечи констатирует он. Просвещенная часть дворянства сознавала, что западная «воля» лучше старой русской неволи, но «ученая дружина», вызванная к жизни Петровской реформой, всецело и как-то изоциренно сочувствовала самодержавию. В 1730 г. она доказала это делом: Ф. Прокопович, А. Кантемир и В. Татищев не пошли за верховниками, которые стремились хоть как-то ограничить самодержавие, а совершили все, чтобы поддержать Анну Иоанновну. Последний из них, даже «... составляя конституционный проект, в то же самое время считал нужным упорно оспаривать противников самодержавия» ³⁵, — удивляется Плеханов.

Приведем заключительные положения второго тома труда Плеханова по истории идей: «У нас же и в XIX веке в среде прогрессистов долго не исчезало то убеждение, что правительство должно и может идти впереди “общества”. В этом заключается одна из относительных особенностей развития нашей общественной мысли, коренящихся в относительных особенностях нашего исторического процесса» ³⁶.

Третий том посвящен развитию (Плеханов благоразумно употребляет слово «движению») русской мысли после Петра I и до Екатерины II, причем наиболее яркий мыслитель ее времени А. Радищев в книге лишь упоминается. Анализ заканчивается фигурой историка И. Болтина; как видно, Радищев был отнесен в следующий из 4 анонсированных томов (шла речь и о 10 томах). Источниковая база тома — изящная литература, точнее, выражение политических экспектаций писателей, в первую очередь Д. Фонвизина, а также наказ Екатерины, документы Комиссии об Уложении и т.д. Мастерство Плеханова как историка идей (в отличие от Иванова-Разумника и Масарика) сводится к тому, что он на крайне скудной почве источников выявлял и циркуляцию ключевых идей, и их социально-психологические параметры, заодно метко характеризую фигуры их трансляторов.

Позднее петровское и раннее послепетровское время характеризуется доминированием сатиры, причем крайне острой, и ключевое имя здесь — поэт А. Кантемир. Он обличал жадность и неумеренность, притеснения и бесчувственность верхов, мало касаясь положения низов. Сатира эта была крайне нужна.

Тем не менее книга к печати была подготовлена к 1743 г., а вышла лишь в 1762 г. — после того, как появились переводы его произведений на немецкий и французский языки. Причина в том, что высшие круги не принимали обличений на свой счет — они были не совсем грамотны для этого, точнее, грамотны, но по своему, а средние дворяне обязаны были служить, а не размышлять.

Драматург А. Сумароков наметил другую линию: адресовать свои оды, а затем пьесы монарху и, прославляя его добродетели, внушить мысль о необходимости поддержки добродетелей общественных. Сатира в этих условиях не исчезала, а отходила на второй план. Правда, и тот, и другой даже не помышляли посягать на дворянское сословие. Кантемир обличал православное духовенство, а Сумароков выступал против католицизма.

Плеханов описывает попытки еще одного «литератора» — Екатерины II — наладить диалог с просветителями. Этот диалог как бы покрывал многие «плачи холопов», в числе которых были не только крестьяне; изобличал он и проекты экономических преобразований, в числе создателей которых был такой незаурядный мыслитель, как Болотов.

Екатерина считала себя ученицей Дидро и Вольтера, но часто спорила с ними. И, по свидетельству графа Сегюра, она так ответствовала на упреки первого в медленном продвижении реформ (в частности, в связи с Наказом): «Вы работаете на бумаге, которая все терпит... между тем как я, бедная императрица, работаю на человеческой коже, которая гораздо более чувствительна»³⁷. Что имелось в виду, сама Екатерина не объясняет; ясно — что не только телесные наказания для крестьян (и не только крестьян). Плеханов же пишет о ее особой чувствительности к дворянской коже: на привилегии тех, кто возвел ее в императрицы, Екатерина не посягала. Крепостное право в этих условиях лишь «цивилизованно» укреплялось: даже зоркий взгляд Дидро не замечал попирания личного достоинства крестьян, а его идеи о свободе дворяне использовали для расширения диапазона своих привилегий и даже причуд.

Фонвизин подхватил эстафету сатиры от Кантемира, но поначалу в «Бригадире» и «Недоросле» обличал пороки своего класса. После путешествия во Францию он начал говорить по-другому: там доминирует-де вольность по праву — так считалось до революции 1789 г., в России же наличествует действительная вольность³⁸.

После революции параметры диалога России с Западом изменились: просветители отходили на второй план, а приверженцы их идей в России начали подвергаться пока что мягким притеснениям. Зазвучал мотив: «мы родились, в то время, когда Запад умирает»³⁹ (он приобрел особое развитие уже в XIX веке). Со стороны же мыслителей Запада появилось убеждение, что в России — отсталой стране — разуму как раз легче одерживать победы, а просвещенный абсолютизм как форма политической организации в наилучшей степени этому способствует. Так считал в XVIII в. Дидро (до него Ю. Крижанич, а после него, к примеру, Дж. Сорос).

Место Плеханова в истории идей определяется признанием марксистского детерминизма на словах и выходом за его рамки — на деле. В этом плане особо значим его анализ феномена Смуты. Согласно Плеханову, «поворот к Западу» был непростым делом, несущим угрозы России, хотя данное признание историка-марксиста давалось ему с трудом. Он отмечал, что после Смуты Европе было не до России. Действительно, в XVI в. Англия вовлекалась в революцию, закончившуюся гибелью короля, а Франция дальше Польши (и в ее рамках Украины) не смотрела. В Германии закончилась Тридцатилетняя война, чреватая беспрецедентными людскими потерями. Петру уже в конце этого века пришлось выбирать в качестве образца успокоенную Голландию. Таких метких обобщений о соотношении идей России и Европы в книге Плеханова более чем достаточно.

Особенно примечательны его взгляды на траектории соотношения России и Европы в XVIII веке. В его начале Россия прорубала окно в Европу: вектор движения шел с Востока на Запад. В течение века наблюдалось некое равновесие, связанное с расширением империи на юг (в итоге русско-турецких войн), восток (вплоть до освоения североамериканских берегов) и запад (за счет разделов Польши). С конца XVIII в. уже Европа начала прорубать дверь в Россию (Евразию) — нашествие Наполеона с дальней мыслью отнять у Англии Индию — наиболее ярко демонстрирует эту попытку (было нашествие еще одного Наполеона — в 1853 г. через Крым). Ко времени завершения трехтомника ожидалось новое проникновение — уже австро-венгро-немецкое при содействии совсем недавних междоусобных врагов турок и болгар.

Текст Плеханова можно назвать в чем-то образцовым в плане сочетаемости описаний времен и времени описания. По этому параметру его труд можно считать классическим в отечественном варианте истории идей. Ценность книги Плеханова лишь возрастает со временем, хотя ссылки на нее обнаруживаются с трудом. На наш взгляд, это одно из последствий сегодняшнего сдвига предметной области истории идей к западным образцам ее репрезентации и интерпретации.

Варианты истории идей, изложенные Ивановым-Разумником, Масариком и Плехановым, побуждают к размышлениям в разных, даже противоположных, направлениях. Да и сами их создатели зачастую нарочито игнорировали друг друга. Масарик лишь походя упоминал Иванова-Разумника в звании «историка литературы», а Плеханова представлял как «марксиста-ортодокса»; в свою очередь, Плеханов ни слова не сказал о труде Масарика, хотя и написал рецензию на его монографию о марксизме; о перепалке русских авторов мы уже говорили. Такое тотальное незнание не может не вызвать вопрос: почему именно в это время появились все три фундаментальных труда? На что они указывали и что предвидели? И почему о них так долго не вспоминали?

Сама ситуация, когда выходят три равномогущие работы фактически на одну и ту же тему, весьма примечательна в плане того, что можно условно назвать метаисторией идей. Появлению этих трудов способствовала некая констелляция (взаимная расположенность) социально-политических факторов и дат. В их числе: неудачная война 1904—1905 гг. и неудачная революция 1905—1907 годов. Не следует забывать и приближавшееся 300-летие дома Романовых, на что едва ли не напрямую указывал Масарик. На историческом же горизонте выявлялись контуры первой мировой войны и революций в России — Февральской, а затем и Октябрьской. История идей и их столкновений, описанная тремя незаурядными социальными мыслителями, в этом плане приобретает новое — прогностическое — измерение.

Поразительно, что после выхода трудов Иванова-Разумника, Масарика и Плеханова такого рода фундаментальные разработки не появлялись ни в России, ни в Европе, а если появлялись значительно более мелкие труды, то они были идеологически сверхангажированными. Отечественный вариант истории идей как предметной области исследований почти на целый век был отправлен в некий архив. На его месте сегодня возникла традиция, связанная с «великой цепью бытия» (Лавджой), имеющая отдаленное отношение к одному из примечательнейших феноменов — духовному развитию России, манифестируемому в ее художественной литературе. Она — одно из высших эстетических достижений человечества и своеобразное проявление крайне нетривиальной социальной мысли с, казалось бы, перманентно убийственной самокритикой.

Игнорирование такого факта, как участие отечественных исследователей, а также Масарика в становлении предметной области история идей побуждает тщательнее рассмотреть ключевые положения данных трудов хотя бы в первом приближении. И надеяться, что дальнейшая их проработка не заставит себя ждать.

Примечания

1. ИВАНОВ-РАЗУМНИК. История русской общественной мысли. Т. 1—3. М. 1997; МАСАРИК Т.Г. Россия и Европа. Т. 1. СПб. 2000; Т. 2. СПб. 2004; Т. 3. СПб. 2003; ПЛЕХАНОВ Г.В. История русской общественной мысли. Т. 1—2. М. 1918; Т. 3. М. 1919.
2. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М. 2014, с. 191—192.
3. ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Ук. соч., т. 3, с. 309.
4. ПЛЕХАНОВ Г.В. Избранные труды. М. 2010, с. 535—536. При этом с замечанием Тютюкина о том, что работа демонстрирует столкновение двух тенденций, начал — европейского и азиатского (там же, с. 537), вряд ли стоит соглашаться в полной мере: во-первых, Плеханов часто пишет, что Россия всего лишь отстает от Европы, во-вторых, «свое» азиатство есть в любой европейской стране — недаром французы называли своих ближайших соседей-немцев «гуннами» и в ходе военных столкновений, и при сравнении культурных парадигм..
5. Лавджой приводит и другие образцы «материализации» идей через литературные веяния, мы ограничимся «доморощенным» примером. «Тургеневские девушки» были придуманы, считал Л. Толстой, но затем они реализовались и вызывали к себе любовь и уважение. Князь П. Кропоткин в своих мемуарах буквально утверждал, что он выбрал именно такую себе в жены. Это убедительная иррадиация истории идей...
6. ЗАДОРЖНИК И.Е., КИРЕЕВ С.В. Рейтингование вузов: социологическое обеспечение. — Высшее образование в России. 2016, № 11, с. 63.
7. BERLIN I. Against the current. Essays in the history of ideas. London. 1979.
8. KORFF A. Geist der Goethezeit. Band 1. Sturm und Drang. Leipzig. 1923.
9. ШАМШУРИН В.И. История идей и историческое сознание Дж. Колингвуд и его последователей. — Вопросы философии. 1986, № 5, с. 127—136.
10. История и историки. Некоторые методологические вопросы. Историография исторической мысли. М. 1965, с. 8.
11. ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Ук. соч., т. 3, с. 312.
12. Литературная энциклопедия. Т. 4. М. 1934, с. 413.
13. ИВАНОВ-РАЗУМНИК. Ук. соч., т. 3, с. 95.
14. ПЛЕХАНОВ Г.В. Избранные философские произведения. Т. V. М. 1958, с. 606.
15. АБРАМОВ М.А., ЛАВРИК (ЗАДОРЖНИК) Э.Г., МАЛЕВИЧ О.М. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение. В кн.: МАСАРИК Т.Г. Ук. соч., т. 2, с. 625.
16. Приведем в этом плане примечательное свидетельство Б. Локкарта (о чехословацком корпусе), которое показывает, что взгляды Масарика на Россию не очень-то принимались во внимание правящими кругами Англии. «В конце концов, чехи были причиной нашего окончательного разрыва с большевиками. Как я желал бы теперь, чтобы президент Масарик находился в России в то тяжелое время! Я убежден, что никогда не дал бы санкций на сибирское восстание. Союзники послушались бы его, и мы избежали бы этой чудовищной авантюры, которая обрекла на смерть тысячи русских и стоила миллионы фунтов золота британскому налогоплательщику». ЛОККАРТ Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М. 2016, с. 287.
17. МАСАРИК Т.Г. Ук. соч., т. 2, с. 496.
18. Масарик, по числу ссылок на труды Иванова-Разумника, идентифицируемого им как «историк литературы», демонстративно скуп (одна ссылка в основном корпусе труда, т. 1, с. 339; 2 — в третьем томе: с. 342, 385—386). Плеханов упоминается им еще реже и только в связи с его политическими пристрастиями. Конечно, проигнорировать наличие фундаментального труда по истории русской общественной мысли Масарик не мог. Но он не ставил задачу объяснить, чем же противостояние по линии индивидуализм — мешанство отличается от противостояний демократия — теократия, Фейербах — монах и, естественно, Россия — Европа. В противном случае пришлось бы признать, что некоторые идеи чешского филосо-

фа Масарика повторяют подобные всего лишь «историка литературы» Иванова-Разумника.

19. МАСАРИК Т.Г. Ук. соч., т. 2, с. 510.
20. Там же, с. 547.
21. Там же, т. 1, с. 106.
22. Так, М. Вишняк, эсер и секретарь Учредительного собрания 1918 г., проникательно заметил, что практически все входящие в него революционные партии стремились захватить власть в нем, не особо считаясь с конституционными процедурами. Это удалось большевикам, но узурпировали бы власть, по его мнению, и кадеты, и эсеры, и другие партии; даже сам Плеханов допускал такую возможность для меньшевиков. ВИШНЯК М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк. 1954.
23. МАСАРИК Т.Г. Ук. соч., т. 2, с. 586.
24. ПЛЕХАНОВ Г.В. История русской общественной мысли, т. 1, с. 4.
25. Там же, с. 7.
26. Там же, с. 204.
27. Там же, с. 286.
28. Указанная выше инвариантность — достояние отечественной истории и XX века. Когда знакомишься с анализом Плеханова феномена Смуты, возникает впечатление, что это рассказ и о революциях 1917 г., а казус верховничества всякий раз просматривается в смене власти и в 1927, и в 1953, и в 1964, и в 1991 годах. В этом плане труд Плеханова — поистине новаторская работа.
29. ПЛЕХАНОВ Г.В. История русской общественной мысли, т. 2, с. 2.
30. Там же, с. 6—7.
31. Там же, с. 10.
32. Там же, с. 237.
33. Там же, с. 249.
34. Там же, с. 260.
35. Там же, с. 266.
36. Там же, т. 2, с. 268.
37. Там же, т. 3, с. 126.
38. Такая лукавая идеализация со времен этого амбивалентного сатирика стала некой константой русской общественной мысли: не только Фонвизин писал о правах и свободах: славны-де бубны за горами; то же говорили в XIX в. и другие отечественные мыслители, а в XX — А. Солженицын. А там — недалеко до восхваленной русской старины и поисков в ней «отечественной» формулы прогресса.
39. ПЛЕХАНОВ Г.В. История русской общественной мысли, т. 3, с. 240.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

УДК 94(47)+950(=574)«19»

М.В. Ладыженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи

Г.Б. Избасарова

Аннотация. В работе на основе новых архивных источников рассматривается реализация «Положения об оренбургских киргизах» 1844 г. и роль председателя Оренбургской Пограничной комиссии М.В. Ладыженского в воплощении в жизнь этого закона. «Замечания» руководителя главной организации по управлению казахами Младшего жуза показывают стремление региональной администрации совершенствовать административную политику империи на окраине. Привлекая на службу представителей местной элиты, изучая народные традиции и обычаи, Оренбургская Пограничная комиссия «гибко» проводила имперскую политику в регионе.

Ключевые слова: Оренбургская Пограничная комиссия, Младший казахский жуз, султаны-правители, реформа, оренбургский военный губернатор, МИД.

Abstract. The work studies implementation of «The provision on the Orenburg Kyrgyz» and the role of the chairman of the Orenburg Boundary commission M.V. Ladyzhensky in the realization of this law of 1844 on the basis of new archival sources. «Remarks» of the head of the main organization for management of Kazakhs of the Junior Horde shows the pursuit of the regional administration to improve administrative policy of the empire in the periphery. The article shows that the Orenburg Boundary commission «flexibly» implemented the imperial policy in the region by attracting local elite representatives to the service and exploring national traditions and customs.

Key words: Orenburg Boundary commission, Junior Horde, sultans-governors, reform, Orenburg military governor, Ministry of Foreign Affairs.

Одной из особенностей управления Младшим казахским жузом была деятельность Оренбургской пограничной комиссии. Данный орган был создан в 1799 г. на базе Пограничного суда и Пограничной экспедиции по предложению оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева. Объединенная в единое целое, 27 мая того же года Оренбургская комиссия пограничных дел приступила к своей главной обязанности — разрешению пограничных конфликтов и осуществлению связи с кочевой элитой — ханом, султанами, старшинами.

Правовой статус и компетенция Пограничной комиссии не были определены. Нормативными актами регулировался лишь ее штат. В 1818 г. он был

Избасарова Гульбану Болатовна — кандидат исторических наук, доцент, докторант МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru.

Izbassarova Gulbanu B. — candidate of historical sciences, associate professor, doctoral student of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru.

дополнен двумя советниками. Увеличился также штат канцелярии. Оренбургская Пограничная комиссия выполняла судебные, посреднические функции, регулировала взаимоотношения казахов, башкир, калмыков, казаков, решала спорные вопросы, возникавшие не только между казахами, но и между другими народами региона.

В 1818 г. Пограничная комиссия решением Комитета министерств перешла под ведомство Министерства иностранных дел и получила право непосредственно обращаться в центральные органы управления. Председатель и члены Пограничной комиссии стали представителями Министерства иностранных дел на окраине, но сохранили и второе подчинение — военному губернатору.

Впервые статус и функции Оренбургской Пограничной комиссии были четко определены в «Положении об управлении оренбургскими киргизами (казахами. — Г.И.)» 1844 года. Этот законодательный акт закрепил сложившуюся с 1824 г. практику и вплоть до упразднения Пограничной комиссии оставался основным документом, регламентирующим ее деятельность¹.

Казахи Младшего жуза и часть казахов Среднего жуза, которые перешли под власть оренбургского главного начальника, под названием «оренбургские киргизы» состояли в ведении Азиатского департамента МИД, а непосредственное правление находилось в руках оренбургского военного губернатора².

Общее управление оренбургскими казахами осуществляла Оренбургская пограничная комиссия, а частное находилось внутри кочевий казахов. В состав Оренбургской пограничной комиссии вошли: председатель, его товарищ (заместитель), четыре советника, четыре заседателя от казахов, канцелярия. При ОПК состояли: врач (в обязанности которого входило наблюдение за состоянием здоровья населения степи), один фельдшер и десять учеников из казахов, которые, пройдя обучение в Оренбургском военном госпитале, отправлялись в степь в качестве оспопрививателей, ветеринар и его помощник³. При председателе Пограничной комиссии был один чиновник особых поручений.

По «Положению» 1844 г. председатель Оренбургской Пограничной комиссии находился под непосредственным начальством оренбургского военного губернатора. Все вопросы, касающиеся управления казахами Оренбургского ведомства, председатель решал коллегиально в Пограничной комиссии⁴, которая представляла собой государственный орган, соединивший в себе власть и обязанности губернского правления, казенной палаты, палаты государственных имуществ, гражданского и уголовного судов.

Председатель Пограничной комиссии назначался и увольнялся императором по представлению МИД; МИД назначал товарища председателя, а оренбургский военный губернатор по согласованию с МИД — советников Пограничной комиссии; чиновник для особых поручений, заседатели из казахов, секретари канцелярии и врач, помощники султанов-правителей, надзиратель школы для казахских детей по представлению председателя Оренбургской Пограничной комиссии назначались военным губернатором⁵. Остальные чины общего и частного управления определялись Пограничной комиссией, и об их назначении сообщалось военному губернатору. Чиновники Пограничной комиссии носили мундир МИД.

Важность Пограничной комиссии определялась деятельностью ее председателей. Так, например, В.Ф. Тимковский, Г.Ф. Генс, М.В. Ладыженский, В.В. Григорьев смело отстаивали свое мнение во многих вопросах перед военными губернаторами, были более независимыми по сравнению с предыдущими руководителями. Но именно сложные отношения, сложившиеся с главными начальниками края, например, конфликт Тимковского с П.К. Эссенем, сенатская проверка ОПК и отставка Генса, несогласие В.А. Перовского с мнением Ладыженского о развитии земледелия среди казахов, разногласия

Григорьева с А.П. Безаком стали причинами их увольнения или перемещения в другой регион.

3 мая 1844 г. был назначен новый председатель Оренбургской пограничной комиссии. Им стал дворянин Смоленской губернии, исправлявший с 1840 г. должность тобольского гражданского губернатора Михаил Васильевич Ладыженский, который уже имел опыт работы в Казахской степи ⁶.

На него была возложена обязанность изучения положения в крае. Руководитель МИД К.В. Нессельроде в письме к Ладыженскому так определил цели необходимой реформы: «во-первых, привести в лучшее устройство самое управление в Орде, не делая, однако же, коренного преобразования, а оставляя тот же порядок, какой до сего был, в главных его основаниях; во-вторых, дать Оренбургской пограничной комиссии заведующей сими киргизами, большие средства для наблюдения за успешнейшим течением всех дел по Пограничному управлению» ⁷.

Одним из главных источников изучения региональной политики на окраине являются рапорты, донесения, докладные и служебные записки руководителей и чиновников Оренбургской Пограничной комиссии. Эти материалы позволяют увидеть причины и мотивы, которыми руководствовалась российская администрация в Степи, узнать личное мнение того или иного деятеля. К числу таких трудов относятся «Замечания» ⁸ Ладыженского, написанные в 1845 г., то есть год спустя после введения «Положения об управлении оренбургскими киргизами». Данный источник представляет собой отчет о деятельности его автора. На страницах документа имеются дополнения, уточнения, сделанные, скорее всего, чиновниками Пограничной комиссии. Хотя источник не подписан лично Ладыженским и в тексте иногда речь идет от третьего лица, но сопоставив суждения автора с другими источниками, можно сделать вывод, что данный труд принадлежит руководителю Пограничной комиссии.

Проработав более года в должности председателя Оренбургской Пограничной комиссии и участвуя в реализации «Положения», он высказал ряд замечаний. Одним из сложных вопросов оставался контроль над степным пространством и ее населением. Учитывая, что в соседнем Среднем жузе казахов продолжалось восстание под руководством К. Касымова, Ладыженский высказался о необходимости держать отряды, состоящие при султанах-правителях, в полной готовности. Кроме того, им следовало иметь все необходимое «для укрытия от непогоды и зноя палатками или джуламейками» ⁹. Ладыженский предлагал выделять этим отрядам на содержание определенную сумму, которая должна была покрываться за счет кибиточного налога с кочевников ¹⁰.

Особое внимание уделялось письмоводителям, так как в период введения реформы 1844 г. из трех султанов-правителей только один, Ахмет Джантюрин, хорошо говорил и писал по-русски, султан-правитель Средней части Арыслан Джантюрин вовсе не знал грамоты, правитель Западной части Баймухаммед Айшуаков читал по-татарски ¹¹. Как указывал председатель Пограничной комиссии, «как письмоводители, так и самые правители (имеются в виду султаны-правители трех частей. — *Г.И.*) весьма затруднены в производстве дел, не имея при канцеляриях своих переводчиков, хотя Комиссия важнейшие свои распоряжения отсылает на двух языках, но это мало их облегчает по невозможности передать своей мысли письмоводителю незнающему киргизского разговора. Это поставляет в необходимость прибегать для перевода своих слов к знающим кое-как татарскую и русскую грамоту или простым киргизам или казакам, которые часто искажают переводимое и разумеется толкуют по своему о том, что узнали из бумаги, которой содержание не должно бы быть известно посторонним» ¹². Для решения данного вопроса предлагалось назначить в канцелярии султанов-правителей по одному переводчику из числа детей казаков, выпускников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса.

Рассуждая о фельдшерах из казахов при султанах-правителях, Ладыженский сообщает, что при султানে-правителе Восточной части есть фельдшер, который был «одобрен» врачом Комиссии и получил «словесное и письменное наставление». В связи с необходимостью в Среднюю часть был отправлен фельдшер из казахов, а в Западной части таковой отсутствовал¹³. Оспопрививание не было проведено в 1845 г., и вопрос подготовки фельдшеров оставался актуальным.

Ладыженский обратил внимание на то, что большая часть начальников не соответствовала своему назначению, решительно уклоняясь от исполнения распоряжений султанов-правителей. Это объяснялось как географической отдаленностью начальников, так и тем, что они не имели никакого влияния на кочевников. Он сообщает, что в каждой части над степными казахами, не включенными в дистанции, существовали управляющие отделениями, родами и племенами. Так, например, в 1845 г. в Средней части таких управляющих было 3, в Восточной — 6, в Западной — 1. Из них важнейшими в Средней части он называет управляющего родом жагалбайлы, кочующего между Старой и Новой линиями, султана Мирхайдара Темирова. По его мнению, в Восточной части наиболее уважаемыми у казахов правителями являлись управляющий родом жогаары шекти, племени аргын бий Чигень Мусин; рода томенги шекти — бий Бигень Язов; управляющий родом жаппас Баялий Мухамедгалиев, а в Западной части — управляющий родом адай бий Ильджан Абызов¹⁴.

Ладыженский отмечал, что влияние на отдаленные казахские роды султанов-правителей и самой Пограничной комиссии ничтожно. Это объяснялось тем, что, во-первых, ставка правителей частей находилась почти у линии, а султаны-правители были неподвижны, не выезжали часто в степь. Во-вторых, во время восстания под руководством Касымова отдаленные казахские аулы попали под влияние Кенесары и его сардарбеков. В-третьих, хивинцы часто совершали опустошительные набеги, грабя аулы и захватывая в рабство население.

В 1845 г. были образованы новые дистанции в районе Уральского и Оренбургского укреплений¹⁵. По данным местных начальников, в зиму 1845—1846 гг. здесь кочевало до 7 тыс. кибиток. Ладыженский сообщал также, что пользуясь пребыванием летом в глубине степи султанов-правителей, имеет желание открыть в Западной и Средней частях еще несколько дистанций и местных начальств по рекам Хобда, Уил, Сагыз, Эмба, Орь, а также впадающим в них речкам и озерам, где преимущественно кочевало значительное число степных казахов¹⁶.

Ладыженский дает интересное определение термину «местные начальники». По его мнению: «местные начальники (название действительно уже укоренившиеся) наименованы аульными, но первое кажется, более выражает их обязанности, потому что они заведывают по всем делам киргиза, какого бы они рода и племени не были — прикочевывающим к границе, пространству земель лежащей около станицы, форпоста или крепости, невзирая на количество их. Под аулом же разумеется от 5 до 15 кибиток вместе кочующих»¹⁷.

В 1845 г. были определены попечители прилинейных оренбургских казахов: Т.П. Редькин¹⁸, Н.Н. Баталин¹⁹, Д. Долгов²⁰, Г.Ф. Костырко²¹, В. Жуковский. К сожалению, пока не удалось восстановить имена всех попечителей. Как сообщает Ладыженский, все попечители были определены, но один из них по семейным обстоятельствам (неуплата долга) отправился в Санкт-Петербург, подав прошение об увольнении со службы, а другой не прибыл с места жительства²².

В 1845 г. еще не была утверждена инструкция для попечителей. Проект был подготовлен и 8 мая 1845 г. отправлен оренбургскому военному губернатору для ознакомления и для дальнейшего утверждения в МИД²³. За отсутствием этого документа, попечители действовали на правах чиновников особых поручений. Их служба проверялась чиновниками Оренбургской Пограничной ко-

миссии через представленные ведомости, где они еженедельно записывали свои действия. Главной обязанностью попечителей прилинейных казахов было: защита и ограждение казахов по всяким делам, наблюдение, чтобы казахи со своей стороны не подавали повода к законным на них жалобам линейных жителей. Они же рассматривали личные обиды, имущественные претензии казахов на линейных жителей. Исследование обстоятельств должно было проходить в присутствии депутата от полковых командиров Оренбургского и дистанчных начальников Уральского войска. Затем дело отправлялось в Оренбургскую пограничную комиссию для рассмотрения и вынесения приговора. Документы о преступлениях, учиненных посторонними людьми против казахов, Пограничная комиссия посылала для вынесения приговора в те места, которым были подсудны обвиняемые, и требовала о последующем ее уведомлении.

По мнению Ладыженского, исполнить добросовестно все эти функции одному лицу, то есть попечителю, было невозможно. Это было связано с тем, что налагаемая «Положением» 1844 г. обязанность производить следствие всякого рода, по обширности попечительских дистанций, по многочисленности дел, возникающих по потравам, кражам, угонам, было выше сил одного человека. Председатель Пограничной комиссии предлагал назначить двух помощников каждому попечителю для проведения следствий. Эти же помощники могли быть депутатами по всем уголовным и исковым делам особой важности. Ладыженский выступал за то, чтобы попечителям дать право ревизии всех дел, производимых заседателями Оренбургского казачьего войска и дистанчными начальниками Уральского войска, к которым причастны казахи. Также, по его мнению, попечителям нужно было позволять назначать депутатов из своих помощников, местных казахских начальников или даже почетных ордынцев, а также «побуждать делопроизводителей освобождать из-под стражи, отдавать на поручительство киргиз» и устанавливать надзор за их действиями. Обязанность попечителей, по мнению Ладыженского, не должна была приковывать их к одному месту. Он предлагал рассматривать попечителей как агентов Пограничной комиссии, через которых она могла бы действовать на прилинейных казахов и частное управление ²⁴.

На попечителей возлагалось наблюдение за ходом меновой торговли казахов вне Оренбурга. Чиновники комиссии, казахские заседатели, переводчики, толмачи, находившиеся целое лето при меновом дворе, наблюдали за ходом торговли в Оренбурге ²⁵. Они также присматривали за сбором плакатных денег, которые при ревизии шнуровых книг у станичных начальников, при сопоставлении их данных с наличными билетами, открыли много злоупотреблений. Выяснилось, что выдавались билеты под одним номером нескольким казахам, обнаружилась утайки денег и т.д. Проверка кибиточного сбора с прилинейных казахов была поручена заседателям от казахского народа и другим благонадежным ордынцам, испытанным российской администрацией. Русские чиновники к этому не допускались ²⁶.

На должность попечителей в разные дистанции, в разные годы назначались: А.Г. Шершеневич (с 1848 г.) ²⁷, М.-Ш.Р. Аитов (с ноября 1849 г.) ²⁸, Г.Ф. Лукин (с августа 1851 г.) ²⁹, К.Ф. Груздзь (с 1855 г.) ³⁰, М.М. Лазаревский (с 1848 г.) и др.

Вопрос открытия школы для казахских детей при Оренбургской Пограничной комиссии оставался еще не решенным. Это было связано с тем, что не было материала для отделки дома, поскольку в Оренбурге лес свободно не продавался. К весне 1845 г. из штата школы был определен только надзиратель, на которого была возложена обязанность наблюдать за работами по отделке школьного здания. Он же составлял смету на заготовку всего необходимого к открытию и содержанию школы ³¹.

По вопросу наблюдения за законностью действий лиц, составлявших частное казахское управление, Ладыженский сообщал, что эта работа поручалась командируемым чиновникам для следствий, чиновникам особых поручений. Так, например, смотреть за действиями султанов-правителей Средней и Восточной частей было поручено Генсу, который лично встречался с султанами-правителями, старшинами и т.д. За действиями султана-правителя Западной части наблюдали поручик Аитов, попечитель Долгов, переводчик Первухин и хорунжий Китеченков. Для ревизии дел сѹлтана-правителя Средней части был командирован чиновник ОПК Пилинский³². Служба чиновников Пограничной комиссии была опасной. Так, например, чиновник особых поручений Лев д'Андре и Дмитрий Генс (сын Г.Ф. Генса) скончались, заболев холерой. Нередко чиновники попадали в плен к казахам. Так, например, в 1843 г. губернский секретарь В. Григорьев был пленен восставшими казахами под руководством Касымова.

Внимание председателя было также устремлено на выполнение § 43 и 44 «Положения», которые требовали надзора за содержанием арестантов и еженедельного посещения тюрем товарищем председателя, осмотра чиновниками Пограничной комиссии два раза в год тюрем или арестантских изб, в которых содержались казахи. За неимением товарища, Ладыженский поручил своему советнику Бикмаеву посещение тюремного замка, а ежедневный контроль был возложен на бывшего в остроге доктора Пограничной комиссии Майделя³³, который ежедневно сообщал председателю о заболевших арестантах и даже о том, какая пища им предоставлялась. Посещение тюрем и арестантских изб на линии возлагалось на чиновников комиссии, посылаемых по делам службы, на попечителей, советника комиссии Каминского и переводчика Первухина. О замеченных ими неполадках сообщалось наказным атаманам, а чтобы дела арестантов быстро решались, комиссия требовала от следователей предоставлять отчеты через две недели. Также Пограничная комиссия исходатайствовала у оренбургского военного губернатора разрешение попечителям брать арестантские дела для личного просмотра. Ладыженский предлагал пятерых чиновников, определенных по штату для производства следствий, переименовать в младших помощников с назначением к ним шестого, а также определить шесть старшин с приличным содержанием в помощь попечителям³⁴.

Параграф 64 «Положения» 1844 г. ставил в обязанность Оренбургской Пограничной комиссии приведение в порядок казахских обычаев, имеющих «в орде силу закона». Для этого председатель Пограничной комиссии распорядился с наступлением лета командировать чиновников особых поручений комиссии в степь. Пограничная комиссия предписывала пяти попечителям, чиновникам, находящимся в Уральском и Оренбургском укреплениях, чиновникам для производства следствий и переводчикам к 1 апреля собрать и представить Ладыженскому замечания на составленную ОПК программу по данному вопросу. Программа обращала внимание и на то, что собиратели казахских обычаев должны указать, чем отличается одни казахские роды и племена от других, а также кто из биев в тех родах более уважаем, более ответствен³⁵. Для реализации данной идеи в казахскую степь был отправлен чиновник Оренбургской Пограничной комиссии Л.И. д'Андре. С 13 июля по 21 сентября 1846 г. он собирал материалы по казахскому обычному праву в Западной и Средней частях Оренбургского ведомства³⁶. Султаны-правители Б. Айшуаков, А. Джантюрин как знатоки степных законов, известные интерпретаторы степных обычаев выступили информаторами чиновника, участвовали в сборе и систематизации обычного права казахов.

В связи со смертью д'Андре это дело перешло к чиновнику особых поручений Ф. Лазаревскому, а с 1849 г. с разрешения оренбургского военного губернатора в Восточную часть Орды был командирован переводчик Азиатского

департамента, знаток казахского языка, профессиональный востоковед И.Я. Осмоловский³⁷. Ему предлагалось проверить сведения, собранные д'Андре и дополнить их. Всем султанам-правителям было предписано сообщить в пограничную комиссию сведения о народных обычаях, то есть о казахском обычном праве. В июне 1848 г. это сделал только Ахмет Джантюрин³⁸.

«Положение» 1844 г. вменяло в неперемнную обязанность султанам-правителям строго следить за правильным взиманием кибиточного сбора. Ладыженский сообщает о времени и о самом процессе сбора кибиточного налога. Сбор с казахов денег за кочевание производился: с прилинейных казахов — в зимнее время, с декабря по март, а со степных — с июня по август. Первые приходили к линии и располагались у станиц и форпостов на зимовку, а последние, зимующие на дальнем расстоянии от линии, с началом весны начинали приближаться к линии и в июне подходили на расстояние 100 и даже 75 верст, располагаясь по речкам, притокам, и озерам.

В первом случае, в декабре через посланцев всем дистаночным и местным начальникам рассылались печатные циркулярные предписания на двух языках, излагающие обязанности, возлагаемые на них по кибиточному сбору с приложением нужного количества печатных (тоже на двух языках) квитанций и шнуровых книг для их записи. Султанам-правителям предписывалось через доверенных и испытанных кочевников наблюдать за правильностью этого сбора.

17 июня 1845 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Ладыженский представил оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву новую инструкцию для местных казахских начальников. Как объяснял председатель, «Положение» 1844 г. внесло изменения в управление казахами Оренбургского ведомства, дополнения и уточнения в судопроизводство в Орде, поэтому потребовалось внести изменения и в инструкцию для местных начальников³⁹. Автор отмечал три причины, повлиявшие на возникновение данного документа. «Во-первых, с 1831 года значительно изменились взаимные отношения линейных жителей и казахов, а с тем вместе и начальства их одного к другому. Во-вторых, после 1831 года был введен новый сбор за кочевание⁴⁰. В-третьих, в инструкции, утвержденной в 1831 году графом Сухтеленым, в разных пунктах повторяются одни и те же правила, которые бесполезно утомляют внимание и память того, кто обязан знать эту инструкцию», — писал председатель Оренбургской пограничной комиссии⁴¹.

Новая инструкция состояла из 23 пунктов вместо 36. Она была введена 26 февраля 1846 года.

Новшеством данной инструкции было то, что некоторые дела разрешалось разбирать биям по степным обычаям. Так, например, они могли разбирать дела в случае несогласия ссорящихся сторон на примирение, когда сумма претензии не превышает 50 руб. серебром. Если же претензии превышали такую сумму, то об этом следовало сообщить Пограничной комиссии и ожидать ее распоряжений. Маловажные преступления, к которым относились кража, мошенничество, обманы разного рода, где сумма была ниже 20 руб. серебром, легкие побои и оскорбления, причиненные во время драки, или ссоры, пьянство, своеволие могли разбираться также по казахским обычаям⁴².

Так как кибиточный налог был введен в 1837 г., новшеством данной инструкции были следующие положения: иметь точные сведения о числе людей, кибиток и скота на вверенном управлению пространстве; производить в удобное время положенный кибиточный сбор без утайки и представлять по заведенному порядку⁴³.

Пограничная комиссия оставалась главным органом управления оренбургскими казахами. Недовольные решением местного начальства и суда биев кочевники могли приносить в комиссию свои жалобы. Местный начальник дол-

жен был разбирать жалобы казахов и сообщать об этом начальству, а также устранять необходимость обиженным самим обращаться с жалобами к попечителю, дистанчному начальству, султану-правителю или в Пограничную комиссию⁴⁴.

Местное население на изменение жизненных устоев реагировало по-разному. Пол Верт призывал уделять больше внимания пассивной оппозиционности местных национальных сообществ по отношению к разнообразным инициативам имперского центра. По его мнению, «мирное сопротивление», формами которого могли быть подача прошений, распространение слухов, «непонимание» правительственных предписаний, давали возможность уклониться от их выполнения, что существенно затрудняло действия властей, заставляя их в некоторых случаях отказаться от той или иной акции⁴⁵.

Так, например, в мае 1845 г. председатель Пограничной комиссии Ладыженский сообщал в Азиатский департамент МИД о распространении слуха среди казахов Западной части, что «будто русское правительство намерено брать насильно киргизских детей для воспитания в школе, а взрослых киргиз, до 1000 человек — для сформирования отряда против черкесов, и что слухам этим многие поверили и кочуют вдаль от линии»⁴⁶. Ладыженский сделал распоряжение султанам-правителям лично принять меры по водворению спокойствия, разъяснению населению сущности дела, раскрытию виновных в распространении слухов. В то же время попечителям прилинейных казахов были даны установки «внушать киргизам недоверие нелепым толкам и стараться открыть распространяющих оные».

Таким образом, Оренбургская Пограничная комиссия выступала как особый орган управления казахским Младшим жузом. Она стала органом, который привлекал на службу представителей казахской элиты для решения проблем кочевого населения, и именно эта особенность позволила выстроить «гибкую» политику империи на окраине.

Председатель Пограничной комиссии Ладыженский, изучив положение в Казахской степи, предпринял конкретные меры по совершенствованию организации управления казахами Оренбургского ведомства.

Примечания

1. ГОРБУНОВА С.В. Оренбургская Пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе. Автореф. канд. ист. наук. М. 1998, с. 7.
2. Положение об управлении оренбургскими киргизами. СПб. 1844, с. 7.
3. Там же, с. 8.
4. Там же, с. 12.
5. Там же, с. 10—11.
6. Ладыженский Михаил Васильевич (род. 1802) — уроженец Московской губернии. В апреле 1838 г. был назначен офицером для особых поручений при командире Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанте князе П.Д. Горчакове. 23 июля 1838 г. назначен исправляющим должность пограничного начальника сибирских казахов. 18 июля 1840 г. из полковников переименован в статские советники. 3 мая 1844 г. произведен в генерал-майоры с назначением председателем ОПК. 26 декабря 1853 г. стал оренбургским комендантом. В апреле 1858 г. назначен для особых поручений к командиру Отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанту А.А. Катенину, в августе того же года произведен в генерал-лейтенанты. В 1862—1863 гг. исправлял должность оренбургского и самарского генерал-губернатора в связи с отсутствием генерал-адъютанта А.П. Безака. 1 мая 1863 г. назначен управляющим областью оренбургских казахов. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 4, оп. 1, д. 2813, л. 166—175об.

7. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 6, оп. 10, д. 5516а, л. 103об.; ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 373, л. 51об.
8. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 389.
9. Джуламейка (по-казахски жол уй) — казахская юрта в миниатюре. Широко использовалась российской армией в походных условиях в казахской степи.
10. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 389, л. 16—16об.
11. Там же, л. 16об.
12. Там же, л. 17—18.
13. Там же, л. 18об.—19.
14. Там же, л. 19об.—20об.
15. В 1845 г. были построены два укрепления — Уральское на р. Иргиз и Оренбургское на р. Тургай. В 1847 г. в низовьях Сырдарьи было организовано Раимское укрепление, а в 1848 г. — между Уральским укреплением и Орской крепостью форт Карабутак. Ново-Александровское было переименовано в Ново-Петровское и перенесено в 1846 г. на Мангышлак.
16. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 389, л. 21об.—22.
17. Там же, л. 22.
18. Редькин Тимофей Петрович (род. 1801/1804) — из дворян, православного вероисповедания. Службу начал в Кролевецком поветовом суде Малороссийско-Черниговской губернии в мае 1818 г. Произведен в коллежские регистраторы 31 декабря 1821 г. приказом генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича от 23 июля 1825 г. по прошению определен на службу в Омскую область. Указом Правительствующего Сената от 27 августа 1825 г. за поездку в Сибирь произведен в губернские секретари. В июле 1827 г. определен в канцелярию Омского областного правления. В декабре того же года произведен в коллежские секретари. В апреле 1829 г. назначен заседателем Омского земского суда. С декабря 1831 г. — титулярный советник. 16 июля 1836 г. переведен на должность заседателя Кокчетавского внешнего окружного приказа. В декабре 1845 г. по приглашению Ладыженского перевелся в Оренбургское ведомство, служил попечителем прилинейных оренбургских казахов. В сентябре 1849 г. произведен в коллежские асессоры, в сентябре 1850 г. — в надворные советники. История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков (ИКРИ). Т. 8. Алматы. 2006, ч. 2, с. 523.
19. Баталин Николай Николаевич (1800—29.09.1857) — из обер-офицерских детей, православного вероисповедания. Службу начал подканцеляристом в Березовском земском суде в декабре 1811 года. В декабре 1812 г. переведен в Деньшиковское коммиссионерство Тобольского округа. В декабре 1814 г. произведен в канцеляристы, с декабря 1819 г. — коллежский регистратор. В ноябре 1820 г. переведен в Тобольское губернское управление. В декабре 1822 г. произведен в губернские секретари. В апреле 1825 г. назначен секретарем Ишимского земского суда. В декабре 1825 г. произведен в коллежские секретари, с декабря 1828 г. — титулярный советник. В марте 1833 г. переведен в Тобольское губернское правление. В декабре 1838 г. произведен в коллежские асессоры. В августе 1842 г. назначен заседателем Баян-Аульского внешнего окружного приказа. В марте 1844 г. переведен на должность заседателя Каркаралинского внешнего окружного приказа. В январе 1845 г. уволился со службы в связи с болезнью. В марте 1845 г. перевелся в Оренбургское ведомство и назначен на должность попечителя прилинейных оренбургских казахов. В марте 1857 г. уволен в отставку с мундиром в чине коллежского советника. ИКРИ, т. 8, ч. 2, с. 529—530.
20. Долгов Д. назначен попечителем прилинейных оренбургских казахов в 1845 году. Известно, что в том же году, с 13 февраля по 24 мая, совершил поездку в ставку чингизида, руководителя восстания Кенесары Касымова. Его сопровождали письмоводитель султана-правителя Западной части А.-К.Ф. Субханкулов, старшина Таджик Башбаев, хорунжий султан Тлеукабыл Абултаев, участвовавший в переговорах с Кенесары. ИКРИ, т. 8, ч. 2, с. 62, 73, 569.
21. Костырок Григорий Фёдорович (род. в 1814 г.) — из дворян, православного вероисповедания. Получил домашнее воспитание. Службу начал в Кролевецком уездном суде в декабре 1828 года. В марте 1831 г. переведен в канцелярию черниговского гражданского губернатора, в июле 1832 г. произведен в коллежские регистра-

- торы, а в декабре 1835 г. — губернские секретари. В 1836 г. переведен на службу в Западную Сибирь и определен в штат Омского областного правления. В октябре 1838 г. назначен столоначальником Омского окружного суда. В декабре 1838 г. по прошению уволен со службы, а в феврале 1839 г. принят на службу помощником секретаря в канцелярию пограничного управления сибирскими казахами. В октябре 1839 г. назначен заседателем Акмолинского внешнего окружного приказа. В 1844 г. перевелся на службу в Оренбургское ведомство и в декабре того же года был назначен попечителем прилинейных казахов. В октябре 1848 г. произведен в коллежские асессоры. В сентябре 1852 г. назначен советником Тобольского губернского правления. ИКРИ, т. 8, ч. 2, с. 563—564.
22. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 389, л. 24.
 23. Там же, д. 2268, л. 94.
 24. Там же, л. 34—35.
 25. Там же, л. 28об.
 26. Там же, л. 28об.—29.
 27. Шершеневич Андрей Григорьевич (1814/1816—1854) — из дворян, римско-католического вероисповедания. В 1830—1834 гг. обучался в Одесском училище восточных языков. В ноябре 1834 г. произведен в чин 14 кл. и в январе 1835 г. назначен переводчиком к евпаторийскому земскому исправнику. В марте 1837 г. по прошению уволен от должности. В январе 1841 г. был принят исправляющим должность тобольского гражданского губернатора Ладыженским на должность переводчика в губернское правление. В 1842 г. произведен в губернские секретари. В июне 1844 г. назначен чиновником особых поручений Тобольского общего губернского управления. По заданию Ладыженского занимался составлением проекта закона «для кочевых и бродячих инородцев Тобольской губернии». В январе 1845 г. по прошению уволен со службы и в марте того же года назначен чиновником особых поручений при председателе ОПК Ладыженском. В мае 1847 г. переведен на должность столоначальника в канцелярию оренбургского военного губернатора. В октябре 1848 г. назначен попечителем прилинейных оренбургских казахов. ИКРИ, т. 8, ч. 2, с. 568—569.
 28. Аитов Мухаммед-Шариф Рахметуллинович (род. 1801/1802) — из дворян, магометанского вероисповедания. В учебных заведениях не обучался. С января 1818 г. — канцелярист. В ноябре 1820 г. переведен на должность толмача в Оренбургскую Пограничную комиссию. В декабре 1821 г. произведен в коллежские регистраторы. В феврале 1828 г. назначен чиновником для употребления по делам в Орде. В мае 1837 г. произведен в губернские секретари. В январе 1839 г. переименован в корнеты, в сентябре 1840 г. — в поручики, в июне 1848 г. — в штабс-капитаны. В ноябре 1849 г. назначен попечителем прилинейных казахов. ИКРИ, т. 8, ч. 2, с. 571.
 29. Лукин Григорий Флегонтович (род. 1823 г.) — из дворян, православного вероисповедания. В феврале 1844 г. после окончания Оренбургского Неплюевского военного училища был определен на службу в чине губернского секретаря в ОПК. В сентябре того же года назначен на должность младшего толмача. В октябре 1849 г. стал чиновником для производства следствия в степи. В сентябре 1850 г. произведен в коллежские секретари. В августе 1851 г. командирован в Гурьев для исправления должности попечителя прилинейных оренбургских казахов. В феврале 1854 г. по прошению уволен со службы. ИКРИ, т. 8, ч. 2, с. 567—568.
 30. Груздзь Константин Францевич (род. 1821/1823) — из дворян, римско-католического вероисповедания. По прошению принят старшим писцом в ОПК в январе 1840 года. В сентябре 1844 г. назначен исправляющим должность помощника столоначальника. В сентябре 1848 г. переведен на должность письмоводителя при султানে-правителе Средней части Арыслане Джантюрине. В октябре 1848 г. произведен в коллежские регистраторы, в сентябре 1849 г. — в губернские секретари, в сентябре 1850 г. — в коллежские секретари, в сентябре 1854 г. — в титулярные советники. В марте 1855 г. назначен чиновником для производства следствия в степи. В 1855—1857 гг. исправлял должность попечителя прилинейных оренбургских казахов Новолинейной и Уральской дистанций, а с марта 1858 г. утвержден в этой должности. В октябре 1857 г. произведен в коллежские асессоры. ИКРИ, т. 8, ч. 2, с. 570—571.

31. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 389, л. 25.
32. Там же, л. 26об.—27.
33. Майдель Петр-Фридрих Астафьевич (1819—1884) — доктор медицины, врач Оренбургской Пограничной комиссии, происходил из беспоместных дворян. В 1843 г. после окончания курса медицинских наук в Дерптском университете был определен младшим лекарем в войсковую врачебную управу Оренбургского казачьего войска. В том же году по его прошению переведен в штат Оренбургской Пограничной комиссии на вакантную должность врача. Изучил болезни, бытовавшие в степи, и нашел способы их лечения. В 1848 г. во время холеры в Оренбурге лечил и бедняков, и недостаточно обеспеченных людей за свой счет. В 1849 г. сдал в Дерптском университете экзамены на степень доктора медицины и был утвержден в этом звании. В том же году получил чин коллежского асессора. ГА ОО, ф. 6, оп. 6, д. 11 812; ф. 191, оп. 1, д. 1, л. 16—17; ф. 222, оп. 1, д. 30.
34. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 389, л. 27об., 31об.
35. Там же, л. 36.
36. Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата. 1948, с. 119—150.
37. Подробнее см.: САРТОРИ П., ШАБЛЕЙ П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в казахской степи. — *Ab imperio*. 2015, № 2, с. 63—105.
38. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1291, оп. 81, 1850 год, д. 215, л. 9об.
39. ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 5615, л. 1.
40. В 1837 г. был введен кибиточный налог.
41. ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 5615, л. 9—9об.
42. Там же, л. 5, 26—26об.
43. Там же, л. 4, 18.
44. Там же, л. 26об.
45. ВЕРТ П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость. В кн.: *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология*. М. 2005, с. 58.
46. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата. 1964, с. 309.

Детские дома в Горьковской области в послевоенный период (1946—1948 гг.)

Е.Д. Гордина

Аннотация. В работе рассматривается динамика организации детских домов в Горьковской области в 1946—1948 гг., изменение контингента детей, типов детдомов, источников их финансирования. Проводится сравнительный анализ этих показателей в период 1940—1945 гг. и в послевоенные годы. На основе документальных источников, хранящихся в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПА НО) выявляется комплекс стоящих перед детдомами в послевоенный период проблем, основных направлений их работы, приводятся отдельные примеры их успешного или напротив, неэффективного решения.

Ключевые слова: детский дом, дети, сироты, беспризорность, безнадзорность, государство, школа, воспитательная работа.

Abstract. The work examines the quantitative dynamics of children's homes in the Gorky region in 1946—1948, the change in the contingent of children, the types of orphanages, sources of their financing. A comparative analysis of these indicators in the period 1940—1945 and post-war years. Based on documentary sources stored in the State Social and Political Archive of the Nizhny Novgorod Region (GOPA NO), the work identifies a complex of problems faced by orphanages in the post-war period, the main directions of their work, gives examples of their successful or otherwise ineffective solutions.

Key words: children's home, children, orphans, homelessness, neglect, state, school, educational work.

После окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Советском Союзе крайне остро стояла проблема борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Различные аспекты этой темы затрагивались в работах ряда отечественных ученых¹. Ее научная и общественная актуальность подчеркивается современными реалиями российского общества, в котором проблема детской беспризорности (в меньшей степени) и безнадзорности (в большей степени), к сожалению, не преодолена. Несмотря на несомненно лучшую, чем в послевоенные годы, материальную обеспеченность населения, даже, казалось бы, социально благополучные дети зачастую предоставлены сами себе. Воспитательный потенциал образовательных учреждений в последние десятилетия в

Гордина Елена Дмитриевна — доктор исторических наук, зав. кафедрой Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. E-mail: gordinelen@yandex.ru.

Gordina Elena D. — doctor of historical sciences, head of the chair at the N. Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev. E-mail: gordinelen@yandex.ru

связи с реформированием системы образования на всех уровнях реализуется недостаточно, эта тенденция, к сожалению, усугубляется и с сокращением объема общеобразовательных и гуманитарных дисциплин в учебных программах. По-прежнему актуальны и вопросы материального обеспечения детских домов, трудоустройства и продолжения обучения их выпускников, предоставления им жилья и многие другие.

Задачей данной публикации является обзорная реконструкция численности детских домов в Горьковской области в 1946—1948 гг., изменения их контингента, типов, источников финансирования, выявление основных проблем в направлении организации их работы. Основными источниками послужили документы Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПА НО).

В соответствии с Постановлениями СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» 1942—1943 гг. Горьковским горкомом партии 12 марта 1946 г. было принято Постановление «Об усилении воспитательной работы с детьми и мерах борьбы с беспризорностью и безнадзорностью». Исследователь Н.В. Сёмина отмечает в качестве причин «наплыва» беспризорников в 1940-е гг. гибель или смерть родителей в результате Великой Отечественной войны, разрушение или эвакуацию детских учреждений, репрессии, голод 1946 г., тяжелое материальное положение². Согласно сведениям из отчета Горьковского детского приемника-распределителя, в 1943—1946 гг. туда поступали в основном дети-сироты, а в 1947 г. картина изменилась: на улицах задерживалось множество детей, имевших родителей, но сбежавших из дома и вынужденных нищенствовать вследствие материальной необеспеченности семьи. Из 2132 детей, поступивших за первую половину 1947 г., 1039 имели родителей и были отправлены домой³. 933 ребенка, задержанных за беспризорность, имели, согласно отчету, одного из родителей, 224 — обоих родителей⁴. Таким образом, число детей, сбежавших из дома, было ненамного меньше количества детей-сирот.

Одним из важнейших мероприятий в направлении решения проблемы детской беспризорности и безнадзорности было обеспечение функционирования детских домов различного типа (интернаты, дневного пребывания, санаторного типа, бюджетные, ведомственные и др.). В Горьковской области этой проблеме также уделялось пристальное внимание. Согласно справке о развитии сети дошкольных учреждений г. Горького, за период 1940—1948 гг. ситуация изменилась следующим образом. В 1940 г. в области было 13 детских домов, в 1941 г. это количество сохранялось. Эти учреждения охватывали 919 детей. Все детдома были бюджетными. В 1942 г. детдомов стало 10 (5 интернатов и 5 детдомов дневного пребывания), но число детей увеличилось до 935. В 1943 г. стало 13 детдомов (6 и 7 соответственно) и 1214 воспитанников. Заметный скачок обеих цифр приходится на 1944 г.: детдомов — 18 (7 и 11 соответственно), детей — 1929. На наш взгляд, это связано с постановкой в 1943 г. на государственном уровне задачи борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. В последующие три года эта цифра по детдомам и их типам корректировалась незначительно, но в это время появились ведомственные детдома. В 1945 г. детдомов оставалось 18, все бюджетные (1985 воспитанников), в 1946 г. стало 20 детдомов и 1729 воспитанников (17 бюджетных и 3 ведомственных с охватом 200 детей — при крупных промышленных предприятиях), в 1947 г. — 19 детдомов и 1901 воспитанник (из них 6 — ведомственных с охватом 400 человек). В 1948 г. опять наблюдается количественный скачок — 25 детских домов, из которых 19 бюджетных и 6 ведомственных (по ним ситуация не изменилась), охватывали 2437 ребят⁵.

Несмотря на острую нехватку в первую очередь интернатов (о чем свидетельствуют архивные документы), на протяжении рассматриваемого периода возросло количество детских домов дневного пребывания (за исключением 1942 г., когда число интернатов и детдомов дневного пребывания было одинаковым). Точных данных по 1940, 1941 и 1948 гг., к сожалению, не обнаружено.

Таким образом, число детдомов в Горьковской области возросло с 13 в 1940 г. до 25 — в 1948 году. Их контингент за обозначенный период вырос с 900 до 2,5 тыс. человек. В военные годы резко выросло среднее количество детей в детдомах: если в 1941 г. 919 чел. приходилось на 13 детдомов, то в 1945 г. — 1985 ребят находилось в 18 детдомах. То есть, средняя цифра воспитанников, приходящихся на один детдом, увеличилась более чем в 1,5 раза: в 1941 г. — 71 чел., в 1945 г. — 110 человек. Это обстоятельство не могло не сказаться на общем, в том числе и материальном, положении детских домов и их воспитанников и вызвало увеличение количества побегов детей, мотивированных ими почти всегда тяжелой материальной ситуацией в данных учреждениях. В 1948 г. в связи с существенным увеличением числа детдомов этот показатель снова несколько опустился (до 97 чел.).

Отразить данные, раскрывающие количество побегов воспитанников из детских домов в разные периоды, к сожалению затруднительно — точной статистики по годам архивные документы, доступные для исследования, не содержат. Однако есть справки, отчеты сотрудников МВД, раскрывающие отдельные грани проблемы. В частности, один из рассекреченных в последние годы документов констатирует: «Вопросы побегов воспитанников из детдомов Горьковской области отделом УМВД Горьковской области детально изучались..., вскрывались их причины... Факты побегов из детдомов носят частый характер»⁶. Например, из Лукояновского детдома в 1946 г. сбежали шестеро детей, задержанных МВД Владимирской области, по их словам, в силу плохих материально-бытовых условий. Один мальчик сбежал с целью поездки к отцу в г. Ленинград.

Горьковским детприемником в 1946 г. было задержано 48 детей. Из них 40 — в возрасте 10—13 лет, 6 — 14—16 лет, не указан возраст двух человек⁷. «Анализ причин побегов указывает на слабую постановку учебно-воспитательной работы в ряде детдомов и неудовлетворительные условия. Профилактика побегов ведется недостаточно, в летние месяцы число побегов растет, а оперативные меры не принимались»⁸ — констатирует автор документа — начальник ОБДББЦ МВД Горьковской области майор Мосунов (6.09.46). В этой связи для профилактики побегов и улучшения условий проживания, обучения и воспитания ребят в детдомах в 1946—1948 гг. проводились частые и достаточно тщательные проверки инспекторами отдела школ обкома ВКП(б). По их итогам принимались меры для решения выявленных проблем. Кроме того, проводились совещания и обсуждения вопросов организации работы детдома с участием заведующих детдомами области, где неоднократно ставился вопрос о шефской помощи со стороны крупных предприятий и учреждений, общественных организаций. При всех детдомах во второй половине 1940-х гг. были созданы, но работали в большинстве своем недостаточно эффективно, попечительские советы⁹. В частности, Краткая справка о работе попечительских советов в 1947 г. представляет следующие данные: из 19 попечительских советов только работа семи была охарактеризована администрацией детдомов безоговорочно положительно («активно помогают»), еще пять советов помогли своим подшефным детдомам эпизодически, задействованы в этой работе были только отдельные члены совета), остальные семь — бездействовали¹⁰.

Говоря о проблемах и трудностях, следует выделить, в первую очередь, материальные. В частности, в Отчете о работе сектора детских домов Горького ОБЛОНО за 1946 г. сообщается, что «большинство детских домов размещены в приспособленных помещениях. Специальное здание имеет только один Чкаловский детдом. В 1946 г. из 102 детдомов требовалось отремонтировать 78... Своевременно освоили средства и закончили ремонт 44 детских дома, в других ремонт затянулся»¹¹. Документ комментирует и другие материальные надобности детдомов: «Особенно остро нуждались детские дома в матрацах, подушках и теплых одеялах. По ходатайству ОБЛОНО через исполком был сдан заказ в октябре 1946 года на 2000 ватных одеял и 1500 матрацев, но это количество удовлетворило только третью часть потребности. Значительно улучшилось в 1946 году снабжение детских домов промтоварами: пальто, швейными изделиями, кожаной обувью, галошами, мануфактурой, но плохо снабжаются вален-

ками, теплым бельем и теплыми головными уборами... Недостаточно снабжены еще детдома кухонной и столовой посудой»¹².

Питание детей характеризуется в отчете как «вполне удовлетворительное». В детдомах дневного пребывания (школьного типа) питание трехразовое, в дошкольных и санаторных — четырехразовое. «Фондовые продукты питания выдавались детдомам полностью и доброкачественные, за исключением некоторых районов (Варнавинский, Краснобаковский, Бутурлинский, Павловский) где задерживали выдачу продуктов и допускали заменители»¹³. Большую роль в улучшении питания детей играли подсобные хозяйства детдомов, но не везде организовать их позволяла территория. Общее санитарное состояние детдомов и детей также оценивалось как удовлетворительное, хотя, как видно из конкретных отчетов по итогам проверок каждого конкретного детского дома, ситуация была очень разной — как хорошей, так и крайне запущенной — и зависело это не столько от материальных причин, сколько от позиции и усилий руководства детдома. В ряде детдомов отмечено «антисанитарное состояние как помещений, одежды, так и самих детей (Выездновский Арзамасского района, Горбатовский Павловского района, Яковлевский Княгининского района, Кр. Горский Петряскинского района, Шутиловский Первомайского района, Ждановский Пильненского района). Значительно улучшили работу Дивеевский, Ардатовский, Балахнинский и Извальский детдома, где ранее отмечалось антисанитарное состояние»¹⁴. Поскольку практика показала, что прикрепленные к детдомам врачи посещают их не систематически, редко проводят углубленный осмотр детей, ОБЛОНО был поставлен вопрос перед Облздравотделом о выделении специальных врачей для всех детдомов области.

В летний период проводились оздоровительные мероприятия с детьми, почти во всех детдомах было установлено четырехразовое питание за счет отпущенных оздоровительных пайков. Воспитанники Выксунского, Богородского, Починковского и Дзержинского детдомов вывозились на дачи, на 1050 детей были организованы санаторные группы при детдомах, 350 воспитанников направлялись в пионерлагеря. Дети, больные туберкулезом, помещались до выздоровления в Алексеевский санаторный детдом, оборудованный в полном объеме мебелью, имеющий запасы одежды, белья, обуви¹⁵.

Большое внимание уделялось вопросу трудоустройства воспитанников, не обучавшихся в школе, и выпускников детских домов. По плану на 1946 г. нужно было трудоустроить 800 человек. В итоге трудоустроено было 819, из них в железнодорожные и ремесленные училища и школы ФЗО — 112, на промышленные предприятия — 83, в учебные заведения — 35, оставлено в детдомах для продолжения образования — 57¹⁶. Выпускники зачастую поддерживали с детским домом самые добрые отношения. Например, в «Справке о связи с трудоустроенными воспитанниками по детскому дому им. X годовщины Октября» отмечается: «Бывшие воспитанники детского дома, ушедшие в ремесленные училища, техникумы поддерживают постоянную связь с детским домом. Часто посещают детский дом, присутствуют на всех праздниках в детском доме, во время каникул и отпуска приезжают на дачу детского дома, делятся своими успехами и нуждами... Все воспитанники и многие не окончившие еще ремесленные училища, поддерживают тесную связь с детским домом. Детский дом помогает им советом и материальной помощью»¹⁷. Конечно, модель этих взаимоотношений различалась в зависимости от конкретного учреждения. В документах присутствует и описание противоположных ситуаций. Так, воспитанница Дивеевского детского дома Баландина, окончив педагогическое училище, уходила из детского дома со слезами горечи и словами: «Боже, боже! Неужели я вырвалась из этого омута!»¹⁸

Несомненно, особое значение для эффективной организации жизни и деятельности ребят в детских домах имела грамотная и продуманная система учебной и воспитательной работы. Лучшими по итогам 1945—1946 уч. года были названы Владимирский, Б. Череваторский, Воыновский, Роговский, Мотовиловский детские дома, худшими — Ардатовский, Лысковский, Лукояновский, Зеленогородский¹⁹. Следует отметить, что организация условий для

учебного процесса и контроль за ним, помощь детям в выполнении домашних заданий, посещение школы и беседа с педагогами входила в обязанности администрации и сотрудников детдомов. Именно они несли ответственность за итоги учебного года, отчитывались по показателям успеваемости и причинам неуспеваемости воспитанников. В их же задачи входила и организация воспитательной и культурно-просветительской деятельности как действенной профилактики низкой успеваемости и побегов ребят из детдомов. Согласно указанному отчету, в 1946 г. уже все детдома приобрели небольшие библиотеки (от 50 до 300 экземпляров книг) и географические карты. Например, у Алексеевского детского дома насчитывалось 500 книг. Художественную литературу получали через ОБЛОНО. Многие воспитанники использовали книги школьной и районной библиотек, книги из передвижки райцентра. Произведения читались и обсуждались коллективно.

На каникулах весной и летом часто проводились походы, экскурсии на большие расстояния (до 30 км). Так, были экскурсии в МТС, на колхозную электростанцию, колхозный конный двор, картонную фабрику, железнодорожную станцию, на р. Пьяну, Ветлугу, в лес, на ветряную мельницу, в типографию, на канифольный завод, электростанцию, валяную фабрику, в артель по раскраске деревянной посуды²⁰. Воспитанники детдомов из области также приезжали на экскурсию в г. Горький. Весной дети высаживали кустарник, молодые деревья, разбивали цветочные клумбы вокруг дома, делали скворечники. В ряде детдомов детям выделялись небольшие участки под индивидуальные грядки. Практически повсеместно в детдомах и работали кружки под руководством воспитателей и пионервожатых. Самыми распространенными являлись драматический, хоровой, физкультурный, рукоделия. В целях укрепления дисциплины создавались детские советы, пионерские дружины и комсомольские организации²¹. На территории некоторых детдомов имелись спортивные площадки с оборудованием. Повсеместно медработники проводили беседы с воспитанниками²². Постановка учебной и воспитательной работы в разных детдомах порой радикально различалась, и это было напрямую обусловлено личностным фактором — при одинаковых и даже меньших ресурсах неравнодушные администраторы и воспитатели-энтузиасты умудрялись обустроить детский быт, организовать учебную и внеучебную деятельность.

Вместе с тем, нередко наблюдалась и неэффективная работа администрации учреждений. Например, в 1946 г. в результате 32 бухгалтерских ревизий в 4 детдомах директора были сняты с работы, привлечены к судебной ответственности, из них двое — осуждены. Материалы инспекций и ревизий достаточно подробно воссоздают условия жизни и быта в детских домах. В справке за 1947 г. о работе Семёновской детской трудовой колонии констатируется крайняя запущенность воспитательной работы²³. Колония была организована в 1945 г., к 1947 г. в ней находилось 300 воспитанников. Постоянное применение мер наказания вместо системы воспитания привело к коллективному возмущению всех воспитанников колонии.

Составитель справки — инструктор отдела школ обкома ВКП (б) Забегалов, в частности, констатирует: «Учителя школы редко бывают в общежитии колонии и не знакомят ребят с хорошими книгами... В колонии имеется клуб, киноустановка, но они не работают. Руководителя художественной самодеятельности нет, и его не ищут. Среди воспитанников есть ребята, которые хорошо рисуют, поют и пляшут, но их никто не организует. Воспитатели не повышают свой профессиональный уровень, литературу (даже художественную) не читают...»²⁴ В документе ситуация в учреждении характеризуется как крайне неблагоприятная и нуждающаяся в немедленной корректировке. В ряде детдомов города и области инспекторами отмечалось аналогичное состояние дел, в связи с чем предпринимались меры, в основном, административного характера.

Подводя итоги, отметим, что в послевоенные годы руководством Горьковской области уделялось большое внимание решению проблемы беспризорности и безнадзорности детей. Результат этой работы был достаточно заметным: к концу 1940-х гг. большинство беспризорных детей были устроены. Если в

1945—1946 гг. большую часть архивной документации по данной проблеме занимают справки и отчеты о работе комнат привода беспризорников по районам города Горького и области, то к концу 1940-х гг. их вытесняют отчеты и результаты инспектирования детских домов, стенограммы совещаний, посвященных различным сторонам их работы. Это, конечно, не означает отсутствия проблем, но свидетельствует об их достаточно эффективном решении на региональном уровне. Можно согласиться с выводом Сёминой, изучавшей проблему борьбы с беспризорностью на материалах Пензенского региона и пришедшей к выводу, что «в результате предпринятых шагов детская беспризорность как массовое явление была ликвидирована к 1950 году»²⁵.

Примечания

1. ЖИРОМСКАЯ В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. (1946—1960). М. 2009; Население России в XX веке: исторические очерки. 1940—1959. Т. 2. М. 2001; ЗУБКОВА Е.Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность (1945—1953). М. 1999; АРАЛОВЕЦ Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. М. 2015; ЗИМА В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М. 1996; ЗЕЗИНА М.Р. Без семьи. Сироты послевоенной поры. — Родина. 2001, № 9, с. 80—83; СМЕРНОВА Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. М.-СПб. 2015; СЁМИНА Н.В. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е — 1940-е годы в России (на примере Пензенского региона). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2007.
2. Там же, с. 17.
3. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПА НО), ф. 30, оп. 1, д. 3328, л. 39.
4. Там же, л. 54об.
5. Там же, д. 3550, л. 9.
6. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 5598, 72 л. (Начальнику отдела школ обкома ВКП(б) справка о побегах воспитанников из детдомов Горьковской области за 1946 г.), л. 21.
7. Там же.
8. Там же, л. 21—22.
9. См., например: ГОПА НО, ф. 30, оп. 1, д. 3550, л. 4—6об.; д. 3554, л. 36.
10. Там же, д. 3550, л. 4—6об.
11. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 5598, 72 л., л. 58об.
12. Там же, л. 59.
13. Там же, л. 59.
14. Там же, л. 60.
15. Там же.
16. Там же, л. 60об.
17. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 3550, л. 23.
18. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 5598, л. 48.
19. Там же, 72 л., л. 61.
20. Там же, л. 61об.—62.
21. Там же, л. 62об.
22. Там же, л. 63.
23. Там же, д. 6201, л. 103.
24. Там же, л. 103—104.
25. СЁМИНА Н.В. Борьба с детской беспризорностью в 1920-е — 1940-е годы в России (на примере Пензенского региона). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2007, с. 4.

Попытка создания в России большого ковочного завода в 1915—1917 гг.

С.Е. Виноградов

Аннотация. С началом первой мировой войны обострился вопрос комплектования строящихся больших кораблей Российского Императорского флота крупными поковками для изготовления многих их важнейших составляющих. Морским министерством в начале 1915 г. было принято запоздалое решение о постройке в России крупного специализированного литейно-ковочного завода для производства недостающих заготовок. Постройка завода в связи с затруднениями, вызванными продолжавшейся войной, до ее окончания не была полностью завершена, что не позволило своевременно ввести в строй ряд больших кораблей в 1912—1914 гг.

Ключевые слова: «дредноуты», литейно-ковочное производство, Николаев, И.К. Григорович.

Abstract. With the outbreak of the First World War, the issue of manning of large warships of the Russian Imperial Navy, then under construction, with large forgings for the manufacture of many of their most important components. The Naval Ministry in early 1915 adopted a belated decision on the construction of a large specialized casting and forging plant in Russia to produce the missing blanks. Construction of the plant in connection with the difficulties caused by the ongoing war, until its end was not fully completed, what did not allow the timely commissioning of a number of large ships in 1912—1914.

Key words: “dreadnoughts”, foundry-forging production, Nikolaev, I.K. Grigorovich.

Широкие планы модернизации военно-морских вооружений России в десятилетие, предшествовавшее первой мировой войне, не раз привлекали внимание историков. Грандиозность этих замыслов и вовлеченность в них множества политико-экономических, финансовых аспектов, равно как проблем научно-технического и инженерного характера, требуют еще немалого объема исследований для установления возможно более полной картины того, как именно в Российской империи последних лет царской власти решался вопрос создания первоклассного боевого флота.

Сохраняя курс на поддержание места в ряду ведущих морских держав, не поколебленный даже катастрофическими для русских эскадр результатами войны 1904—1905 гг., российская государственная власть с конца 1900-х гг. присту-

Виноградов Сергей Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального Музея Вооруженных Сил МО РФ. E-mail: sergei101000@mail.ru.

Vinogradov Sergei E. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Central Museum of the Armed Forces of the Ministry of Defense of Russian Federation. E-mail: sergei101000@mail.ru.

пила к созданию нового флота. Надежду на быстрое поправление положения вселяла ситуация, развивавшаяся в военном кораблестроении начиная с рубежа 1906—1907 гг., когда в Англии прошел испытания «Дредноут» — линкор принципиально нового типа. В руководящих кругах всех ведущих флотов очень быстро возобладал взгляд на необходимость дальнейшего развития линейных сил на основе «дредноутов» — кораблей с кратно усиленным составом тяжелой артиллерии, которые к тому же практически сразу обнаружили устойчивую тенденцию к быстрому росту их линейных размеров, характеристик нападения и защиты, а также энерговооруженности.

В России, потерявшей в войне с Японией практически весь свой линейный флот (14 единиц из состава 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр), приход «дредноутов» рассматривался в благоприятном свете. Складывалась заманчивая ситуация, при которой, не тратясь на содержание морально устаревших кораблей прежнего типа, можно было перейти к постройке новых крупных линкоров, которыми отныне определялась ценность боевых флотов, и начать пополнение флота с одной точки отсчета с другими морскими державами. Однако поскольку создание подобных кораблей — средоточия наукоемких технологий — было под силу только передовой индустрии, возникал вопрос о том, какими средствами будет создаваться в России новая морская сила.

Уже в 1906 г. для обсуждения этих проблем несколько раз собиралось особое межведомственное совещание¹. Оно констатировало, что имевшиеся на 1907 г. производственные мощности страны к созданию «дредноутов» в целом готовы не были. Большие боевые корабли — эскадренные броненосцы (с октября 1907 г. переклассифицированные в линкоры) и броненосные крейсера до сих пор строились только силами предприятий Морского ведомства. Были относительно неплохо налажены сборка корпусов (Адмиралтейский и Балтийский заводы), производство корабельной брони (Ижорский завод), морских орудий всех калибров (Обуховский сталелитейный завод — ОСЗ). Однако производственные возможности всех упомянутых предприятий существенно отставали от потребностей постройки «дредноутов», организация производства оставалась рутинной. В стране практически отсутствовали крупные частные судостроительные, машиностроительные, орудийные и бронепрокатные заводы, способные быстро и эффективно прийти на помощь неповоротливому казенному сегменту военного кораблестроения.

Тем не менее, в 1908 г. государственной властью было принято решение о начале реформирования флота постройкой сразу целой серии из 4 линкоров-«дредноутов» (тип «Севастополь»). При этом дооборудование предприятий Морского ведомства под потребности их постройки было решено вести параллельно со строительством кораблей. Недостающие компоненты — крупные поковки турбинных механизмов, сменивших на линкорах нового типа прежние паровые поршневые машины, было решено, при отсутствии необходимых литейно-ковочных мощностей, заказать в Англии у компании «Джон Браун» («J. Brown Ltd.»)².

Начало постройки первых четырех «дредноутов» в 1909 г. и принятие в 1911—1914 гг. еще более крупных программ пополнения флота крупными кораблями самых современных типов означало необходимость многократной интенсификации всего отечественного военного судостроения на основе новейших технологий. Многие из них, такие как создание наиболее мощных судовых турбин для линкоров и крейсеров, протяженных гребных валов, а также тяжелой корабельной артиллерии самых крупных калибров (до 16 дм) для «дредноутов», основывались на применении крупногабаритных стальных заготовок, представлявших собой отливки значительных размеров и веса, что требовало для их производства развитых металлургических мощностей со сталеплавильными печами значительной производительности (до 50—60 т в одной плавке).

Помимо этого, технологиями производства подобных заготовок подразумевалась их последующая обработка посредствомковки. На рубеже 1900—1910 гг. ковочные прессы начали уступать место гидравлическим с усилием в 5000—8000 т, которые, вместо уплотнения литого массива стали ударом, производили данную операцию обжимом. Это позволяло уйти от нежелательных сотрясений и повысить значение прилагаемого усилия на саму заготовку, что положительно сказывалось на ее качествах.

Примечательно также, что при модернизации производств под потребности нового судостроения петербургские заводы, которым была поручена постройка «дредноутов», столкнулись с острой проблемой нехватки территории для постройки новых цехов. Это также наложило весомый отпечаток на их планы обзаведения современными литейно-ковочными мощностями. Так, в 1911 г. начальник Балтийского завода П.Ф. Вешкурцов прямо отвечал на упреки прессы³, что «... поковки частей роторов паровых турбин, т.е. барабаны и патроны... Балтийский завод никогда не собирался делать сам, ибо эта работа не представляет специальности завода; другие же русские заводы заявили совершенно неприемлемые сроки, тем более что производство этой работы требует специальных приспособлений, имеющихся только на таком заводе, который уже неоднократно занимался постройкой паровых турбин. Отделка же и пригонка этих частей будет исполнена Балтийским заводом, т.к. некоторые из них уже получены от “Джона Брауна”...»⁴

С переходом в 1912 г. к постройке «сверхдредноутов» серии «Измаил», которые в боевом отношении превосходили линкоры типа «Севастополь» в два раза, положение с поковками для них только усугубилось. Согласно расчетам Главного управления кораблестроения (ГУК), полный вес поковок для механизмов и артиллерии всего корабля оценивался в 3538 тонн. Для их отливок требовалось вдвое большее, то есть до 7100 т, количество стали. С учетом других крупных отливок, а также брака, принималось «с большой достоверностью», что крупных стальных отливок «в жидком металле» на один линейный крейсер требовалось до 8200 тонн⁵.

Возможности отливки иковки стальных слитков столь огромного веса были весьма ограниченными. Мартеновский отдел оружейного Обуховского завода, обладающего наиболее производительными металлургическими средствами, даже на весну 1914 г. располагал лишь тремя мощными печами — двумя производительностью по 30 т и одной в 15 т, что «позволяет отливать болванку для внутренней трубы из двух печей для 14-дм орудия»⁶. Ижорский отдел имел печи по 30 т, из которых отливались наиболее крупные заготовки в 50 т для броневых плит, однако они были круглые сутки задействованы на производстве брони, и даже этих мощностей заводу хватало с трудом⁷. Ковочные средства этих предприятий также были всецело задействованы⁸.

Пока не разразилась мировая война, ситуация в целом не выпадала из-под контроля: многие отечественные заводы размещали изготовление крупных поковок в Англии (у компаний «Бирдмор», «Виккерс», «Джон Браун»), Австрии (у компании «Шкода») и Германии (у компании «Крупп», «Обервиль-Дартмундского о-ва»), и заграничные контрагенты в срок и качественно исполняли российские заказы. В условиях предвоенного бума в линкоростроении это было выгоднее, а правительство закрывало глаза на столь явную брешь в декларированном лозунге «строить корабли в России, из русских материалов, руками русских рабочих»⁹.

Однако после начала войны в августе 1914 г. российские производители сразу столкнулись с проблемой поставки заказов из Австрии и Германии. По-прежнему самым сложным вопросом оставались поковки, вес некоторых из которых доходил до 80 тонн¹⁰. Весьма информированный современник, А.Г. Дукельский (главный конструктор артиллерийских установок «дредноутов» на

Петроградском Металлическом заводе), оставил интересное свидетельство по этому поводу. Он отмечал: «Те условия, кои предъявлялись к такого рода установкам (то есть 14-дм башням линейных крейсеров серии “Измаил”. — С.В.) требовали больших и ответственных поковок, но решительно ничего в свое время не предпринималось, чтобы добиться изготовления их в России. Как Морское ведомство, так и заводы этого ведомства, инициативы в этом деле не проявляли, а частные заводы стремились заказать за границей все то, что там обходится дешевле. Мы видели, что Металлический завод, не имея своей стальной отливки, уже с начала развития у себя башенного дела, получал все крупные отливки из-за границы. Когда с течением времени и с увеличением калибра перешли на такие же крупные поковки, он стал получать из-за границы и поковки. С одной стороны, он делал это потому, что цены за границей на отливки и поковки в грубо обработанном виде, включая и пошлину, были значительно ниже цен, по коим такие отливки в черном виде могли доставляться русскими заводами, а с другой — русские заводы не могли [их] давать в те короткие сроки, в кои такие отливки и поковки получались из-за границы. Условия участия частных заводов в подобной работе, при наличии конкуренции и отсутствии фактического ограничения за границей и привели к тем последствиям, которые выявились в период последней войны»¹¹. В одной из своих записок Дукельский впоследствии также отмечал, что «поковки для этих станков в то время всеми заводами заказывались за границей и заводы к началу войны не успели получить все требующиеся поковки»¹².

Схожее свидетельство о зашедшем в тупик вопросе с поковками находим в официальном отчете Госконтроля за 1914 г.: «... наибольшие и во многих отношениях неустранимые затруднения в деле судостроения возникли вследствие того, что значительная часть судостроительных работ была передана для исполнения заводам враждебных держав, что нарушило предположения о сооружении многих важнейших боевых судов»¹³.

Пока начавшаяся война носила маневренный характер и сохранялась надежда на ее успешный исход в недалеком будущем, осуществление довоенных программ военного кораблестроения продолжалось по мере оставшейся возможности отечественной индустрии. Однако к весне 1915 г. эти надежды во многом растаяли. Уже в марте в ГУК был составлен список судостроительных заказов Морского министерства не первой срочности, в который, во многом из-за нерешенности вопроса заграничных поставок по «измаилам», пришлось включить 3 «сверхдредноута» из 4 («Бородино», «Наварин» и «Кинбурн») ¹⁴. Однако вопрос, видимо, в какой-то степени уже привлек внимание заинтересованных руководителей флота, что следует из мемуаров морского министра И.К. Григоровича. Он вспоминает, что «уже говорил с Николаем Ивановичем Дмитриевым (директор Русского Судостроительного общества. — С.В.) о необходимости устроить на юге, может быть, в том же Николаеве, большой ковочный завод, который будет производить роторы турбин и большие стальные отливки для других частей современных кораблей (штевни, рулевые рамы и р.)»¹⁵.

В начале апреля 1915 г. проблема получила, наконец, официальное признание. Вопросом занялись руководящие инстанции Морского министерства — Морской Генеральный штаб (МГШ) и ГУК. В докладе морскому министру адмиралу Григоровичу по МГШ от 3 апреля 1915 г., в частности, говорилось: «С начала военных действий вопрос обострился до крайности; полная зависимость от заграничных фирм поставила большинство судостроительных заводов наших в весьма затруднительное положение. Между тем война приобрела затяжной характер... Таким образом, резко обозначилась необходимость в беззамедлительном освобождении нашего судостроения, как отрасли промышленности, наиболее заинтересованной в данном вопросе, от иностранной зависимос-

ти. Для этого необходимо срочное открытие большого завода для отливок и поковок»¹⁶.

Для решения данного вопроса адмирал Григорович распорядился создать комиссию под председательством товарища министра вице-адмирала П.П. Муравьева. 8 апреля 1915 г. вопрос обсуждался на совещании Технического совета ГУК при участии представителя МГШ контр-адмирала А.П. Угрюмова. Было решено объявить конкурс на постройку подобного завода, пригласив к участию в нем «некоторые промышленные группы». Требовалось «построить завод в Волжском или Южно-Русском районах, в местах, обеспеченных удобными железнодорожными и водными путями и по возможности ближе к добыче сырых материалов, необходимых для действия завода»¹⁷.

В конце апреля 1915 г. приглашения к участию в конкурсе получили: Общество Путиловских заводов (ОПЗ), Русское общество артиллерийских заводов в Царицыне (РАОАЗ), Общество Николаевских заводов и верфей (ОНЗиВ), Общество Коломенских заводов, Союз горнопромышленников Юга, Союз Уральских горнопромышленников, Русско-Балтийский завод в Ревеле. Вопрос «о форме и размерах воспособлений со стороны Морского министерства» не оговаривался, но «оказание содействия» по части финансов обещалось. На разработку и представление детального проекта завода отводился месяц¹⁸.

Однако, надо полагать, идея постройки нового крупного предприятия не вызвала энтузиазма у большинства промышленников — на фоне проблем весны 1915 г. новое затратное начинание выглядело не слишком привлекательным. Общество Путиловских заводов не устраивало условие расположения будущего завода вне Северо-Западного региона, Русско-Балтийское общество было готово взяться за дело только по получении ссуды в 15 млн руб., РАОАЗ было всецело поглощено проблемами сооружения собственного грандиозного артиллерийского завода на Волге, скепсис прочих объяснялся схожими причинами. Отозвались на предложение ГУК лишь двое — ОНЗиВ и анонимный участник, представивший проект под девизом «Бета».

Предположительно, участие «Беты» было организовано с целью придания видимости конкурса состязанию при его фактическом игнорировании большинством приглашенных. На фоне представленного ОНЗиВ детального проекта завода, состоящего из 15 листов чертежей, подробной объяснительной записки и сводной сметы, проект «Бета» выглядел весьма бледно: лишь 2 листа чертежей и краткая пояснительная записка.

Инициатива ОНЗиВ, крупнейшего индустриального гиганта юга России, не первый десяток лет деятельно развивавшего многопрофильный кластер военного кораблестроения, в котором были представлены почти все его циклы (за исключением производства орудий и брони), вполне объяснима. Как следует из современных работ британских исследователей, при фабрикации поковок по механической части тогдашних крейсеров и «дредноутов» их доля в общей стоимости главных механизмов достигала 60%. Поэтому предприятие с крупным сегментом военного кораблестроения (такое как ОНЗиВ), существенно сэкономило на подобных изделиях, изготавливая их самостоятельно¹⁹.

Смета на постройку и оборудование литейно-ковочного завода в Николаеве, представленная ОНЗиВ, исчислялась в 21 765 582 рубля. Общество «Бета» собиралось разворачивать производство в Петрограде, нарушая этим одно из основных условий конкурса. При выносе же производства в регионы оно оценивало суммарные затраты на начинание в 27 957 550 рублей. На это ГУК ответил, что «вызываемый этим производством расход почти в 28 миллионов чрезвычайно велик и не вызывается действительной потребностью»²⁰.

В итоге, выбор был сделан в пользу ОНЗиВ. К имевшимся прессам в 3000 и 1000 т николаевским проектом предусматривалась установка парогидравли-

ческих прессов в 10 000 и 3000 т, а также, во вторую очередь, — двух по 6000 тонн²¹. Литейные мощности проекта были представлены двумя печами по 60 т, двумя по 40 т, одной в 20 т и одной в 10 т («мартеповская печь... нового типа специально для фасонного литья очень высокого качества»). К мартеповскому цеху примыкал сталелитейный для отливки болванок до 100 т весом. Общая его суточная производительность составляла 490 т стали в сутки (300 т болванок и 190 т фасонного литья) с возможностью перегрузки до 575 т (345 и 230 т).

ГУК сделал ряд замечаний к проекту. Они заключались в требовании увеличения мощности 3-тысячетонного прессы первой очереди до 4000 т, замене паровых молотов вчетверо более экономичными воздушными, усилении кранов в ковочном цехе на 25% («т.к. встречаются болванки до 80 т, что с противовесом даст до 120 т»). Необходимость в трубопрокатном цехе, по мнению ГУК, отсутствовала. Все это было должно сократить смету на постройку и оборудование завода до 9740 тыс. рублей²².

Имели место два заседания Совещания по судостроению (12 и 24 ноября 1915 г.), созванные начальником кораблестроительного отделения ГУК генерал-лейтенантом П.Ф. Вешкурцовым. На первом из них представителю ОНЗиВ Н.И. Дмитриеву было предложено представить переработанный проект с учетом отзыва на уже представленные предложения завода со стороны ГУК и Совещания по судостроению. На втором заседании представитель сооружаемого РАОАЗ артиллерийского завода сообщил, что ежегодная производительность всех трех устанавливаемых в Царицыне прессов (мощностью 6000, 2200 и 1700 т) составит около 16 400 т. Поскольку расчетная годовая производительность завода, определенная контрактом на его постройку, составляла 12 16-дм и 50 6-дм морских орудий в год, для чего требовалось около 7400 т поковок, его прессы оставались недогруженными и могли использоваться для работ «на сторону». Единственное условие РАОАЗ состояло в выделении дополнительных 3 млн руб. для необходимого дооборудования. Такое предложение не устроило ГУК, желавшего иметь все производство в одном месте²³.

Вопрос об организации «крупного металлургического ковочно-прокатного завода» в 1915 г. был отнесен к разряду главнейших (в числе 19-ти), подлежащих рассмотрению Совещанием по судостроению²⁴. В мае 1915 г. Морское министерство заключило с ОНЗиВ договор на сооружение в Николаеве литейно-ковочного завода и выдало ему ссуду в 10 500 тыс. рублей²⁵. Основное сырье для производства предполагалось использовать местное — донецкий антрацит и криворожскую железную руду.

Комплектование будущего предприятия оборудованием проходило непросто. В январе 1916 г. ОНЗиВ «вошло в сношение» с ОПЗ относительно приобретения у Путиловского завода крупнейшего в России прокатного стана. Этот стан был закуплен последним в 1912 г. для постройки «дредноутов», но после отказа в заказе на них так и не был пущен²⁶.

Поскольку уточненными заданиями на постройку нового литейно-ковочного завода при ОНЗиВ было решено создать в составе нового производства и мощный сталепрокатный отдел (листовой и фасонный прокат для потребностей кораблестроения), этот стан очень пригодился бы на новом месте. Быстро, однако, дело со станом не двинулось. Потребовалось личное вмешательство морского министра адмирала Григоровича. Поскольку Путиловский завод с марта 1916 г. находился под секвестром и состоял, главным образом, в ведении Военного министерства, Григорович 6 июля 1916 г. обратился с письмом к военному министру генералу Д.С. Шуваеву с просьбой поспособствовать передаче стана «в интересах полной обеспеченности нового завода прокатными средствами» и «ввиду того, что Советом Министров создание этого завода признано важным и срочным в интересах государства и обороны»²⁷.

В преддверии открытия собственного производства роторов турбин на ОНЗиВ был введен в действие второй цех обработки роторов турбин («новотурбинный цех»), в котором к 5 большим станкам для расточки роторов были установлены еще 7 аналогичных²⁸.

Часть оборудования на общую сумму около 300 тыс. руб. планировалось заказать в Англии, для чего туда отбыл член совета директоров ОНЗиВ Дж.Ф. Крукстон. В июне 1916 г. он представил смету на сумму около 30 тыс. фунтов стерлингов, которая покрывалась кредитом по очередному союзническому займу²⁹.

В 1916 г. вопрос о сооружении литейно-ковочного завода, по представлению адмирала Григоровича, трижды (5 и 11 февраля, 11 марта) слушался на совещаниях Совета министров — под грифом «об удовлетворении потребностей Морского министерства в крупных поковках»³⁰.

Однако запланированный срок ввода завода в действие (1 января 1917 г.) выдержан не был. Согласно отчетам о постройке при ОНЗиВ литейно-ковочного завода, на начало 1917 г. готовность производств оценивалась примерно в 50%³¹. В этом смысле не вполне соответствует действительному положению вещей высказывание Григоровича (в его воспоминаниях датированное 1916—1917 гг.) о том, что «на Николаевском судостроительном и механическом заводе заканчивают создание нового ковочного завода, способного отливать громадные отливки»³².

Следует также отметить, что пока развивалась история с постройкой при ОНЗиВ литейно-ковочного завода, заказы на крупные поковки для линкоров и крейсеров были принудительно перераспределены ГУК по казенным предприятиям, имевшим сопоставимые литейные и кузнечнопрессовые мощности. Таких было два: ОСЗ и Ижорский завод. Однако перегруженные срочными заказами армии и флота, оба предприятия были практически неспособны повлиять на ситуацию с дополнительными нарядами, сроки выполнения которых постоянно переносились. Поэтому даже при начавшемся с 1917 г. сворачивании части заказов флота, «Промышленная подкомиссия» ГУК под председательством контр-адмирала А.А. Нехаева, констатируя, что «главная задержка в достройке крейсера “Измаил” — опоздание в изготовлении башенных установок», на совещании 31 мая 1917 г. все же постановила, «что если бы даже на самом крейсере все работы были приостановлены, то большие поковки для башен необходимо во всяком случае продолжать, т.к. вообще работы с громоздкими поковками идут очень медленно»³³.

Достигнутый в вопросе создания нового литейно-ковочного завода неполный успех свидетельствует об определенной способности к развитию тогдашней отечественной тяжелой индустрии даже в обстановке беспросветной войны и вызванных ею трудностях. Еще более история замысла постройки подобного крупного предприятия и ход реализации этого замысла в 1915—1917 гг. свидетельствует о крайней степени сложности создания в связанной всеобщей войной стране передового индустриального производства, граничащей с предопределенной невыполнимостью подобной задачи. Опыт данного начинания учит тому, что в вопросе обретения передовых технологий, определяющих успех создания стратегических видов вооружений, своевременная подготовка соответствующей производственной базы должна вестись опережающими темпами и в объемах, всецело закрывающих проблему реализации программы вооружений при втягивании державы в конфликт, которого она не в состоянии избежать.

Примечания

1. Журнал Совета государственной обороны по вопросу о постройке 2-х броненосцев большого тоннажа, 26.10 и 10.11.1906 г. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), ф. 315, оп. 1, д. 1240, л. 22—40об.
2. Там же, ф. 421, оп. 1, д. 1758, л. 406.
3. БРУТ. Ожидание. — Новое Время. 28.III.1911.
4. Котлин. 5.IV.1911.
5. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 1, д. 660, л. 58об.—59.
6. Там же, д. 617, л. 70.
7. Там же, ф. 315, оп. 2, д. 292, л. 6.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7297, оп. 41, д. 124, л. 178.
9. Государственный контролер П.А. Харитонов отмечал, что «... отдельные попытки [оборудования новых заводов в расчете на полный цикл кораблестроения в России] еще не дают уверенности в том, что последующее судостроение могло быть выполнено по преимуществу средствами отечественной промышленности. Между тем необходимость в этом становится все более и более очевидной и настоятельной. Почти в каждом заседании Совещания по судостроению обсуждаются многочисленные ходатайства заводоуправлений о разрешении заграничных заказов на различные судовые устройства, а в последнее время, даже по приказам судостроительной стали ...». Отчет Государственного контролера за 1913 г. СПб. 1914, с. 61.
10. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 1, д. 660, л. 58об.—59.
11. ДУКЕЛЬСКИЙ А.Г. Исторический очерк развития проектирования и изготовления башенных установок в России, 1886—1917 гг. М. 1931, с. 254—255.
12. РГА ВМФ, ф. Р-891, оп. 2, д. 4, л. 1.
13. Отчет Государственного контролера за 1914 г. СПб. 1915, с. 50.
14. РГА ВМФ, ф. Р-1529, оп. 2, д. 317, л. 2.
15. ГРИГОРОВИЧ И.К. Воспоминания бывшего Морского министра. СПб. 1993, с. 135. Эта запись относится к 1914 г., однако, поскольку мемуары писались после описываемых событий, допустима коррекция датировки.
16. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 1, д. 660, л. 6.
17. Там же, л. 13.
18. Там же, л. 21.
19. JOHNSTON I., BAXTON I. The Battleship Builders. Constructing and Arming British Capital Ships. Annapolis. 2013, p. 160.
20. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 1, д. 660, л. 193.
21. Там же, д. 867, л. 14.
22. Там же, д. 660, л. 59—61об.
23. Там же, л. 172, 193.
24. Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за 1915 г. Пг. 1916, с. 107.
25. РГА ВМФ, ф. 441, оп. 1, д. 32, л. 25об.
26. Там же, ф. 401, оп. 1, д. 868, л. 94.
27. Там же, л. 74.
28. Доклад и отчет Обыкновенному Общему собранию Акционеров Акционерного общества Николаевских Заводов и Верфей за второй операционный 1914—1915 г. 28 ноября 1915 г. Пг. 1915, с. 5.
29. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 1, д. 868, л. 92.
30. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 г. М. 2008, с. 647.
31. Отчет по Морскому министерству за 1916 г. Пг. 1917, с. 203.
32. ГРИГОРОВИЧ И.К. Ук. соч., с. 184.
33. РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2254, л. 3.

Польские и кавказские ссылные в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в.

Е.Б. Касаткина, А.А. Машковцев

Аннотация. В работе рассмотрены взаимоотношения ссылных участников национально-освободительного движения в Польше и на Кавказе с жительницами Вятской губернии. Показано отношение к браку с вятчанками различных категорий польских и кавказских ссылных, проанализированы основные причины вступления в брак, а также отношение к подобным бракам административно-полицейских органов, осуществлявших надзор за ссылными.

Ключевые слова: Вятская губерния, Польша, Кавказ, политическая ссылка, полицейский надзор, гендерные отношения.

Abstract. The work considers the relationship between the exiled members of the national liberation movement in Poland and the Caucasus and female residents of the Vyatka Province. The authors reveal the attitudes of various categories of Polish and Caucasian exiles toward marriage with women of the Vyatka Province, and analyze the main reasons for marriage, as well as the attitudes of the administrative and police bodies that supervised the exiles towards such marriages.

Key words: Vyatka Province, Poland, The Caucasus, political exile, police supervision, gender relations.

В XIX — начале XX в. Вятская губерния являлась одним из крупнейших центров размещения политических ссылных в Европейской части Российской империи. Помимо русских революционеров сюда высылали участников национально-освободительного движения из различных регионов страны. В количественном отношении здесь преобладали уроженцы польских и кавказских губерний.

Первая крупная группа поляков оказалась в Вятской губернии в конце 1812 года. Это были польские военнопленные, отправленные сюда после разгрома армии Наполеона Бонапарта. Однако их пребывание в крае оказалось довольно непродолжительным, и уже к 1814 г. основная масса пленных поляков вернулась на родину.

Касаткина Евгения Борисовна — аспирант Вятского государственного университета. Киров. E-mail: rosabianca@lenta.ru; *Машковцев Андрей Анатольевич* — доктор исторических наук, профессор Вятского государственного университета. Киров. E-mail: wikma116@rambler.ru.

Kasatkina Evgenia B. — postgraduate student at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: rosabianca@lenta.ru; *Mashkovtcev Andrey A.* — doctor of historical sciences, professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: wikma116@rambler.ru.

Следующая массовая высылка поляков в регион относится к началу 30-х гг. XIX века. В ноябре 1830 г. в Польше вспыхнуло мощное восстание, целью которого было восстановление польской независимости. Первоначально повстанцы добились серьезных успехов, заняв Варшаву и еще несколько крупных польских городов. Однако это были лишь временные успехи. После переброски в Польшу дополнительных сил русской армии во главе с бывшим командующим Кавказским корпусом генералом И.Ф. Паскевичем восстание было подавлено. Тысячи его участников подверглись репрессиям, в том числе и административной высылке. Среди регионов, предназначенных для размещения ссыльных, была и Вятская губерния. Сюда выслали свыше 300 повстанцев и сочувствовавших им лиц ¹. Впрочем, их пребывание здесь оказалось столь же скоротечным, что и у пленных участников наполеоновского похода в Россию: уже в марте 1833 г. основная масса польских ссыльных вернулась на родину ². Лишь наиболее активные деятели национально-освободительного движения еще на несколько лет остались на территории Вятской губернии. А.И. Герцен, отбывавший ссылку в Вятке в 1835—1837 гг., писал, что в губернском центре находилось не менее 40 поляков и еще по несколько человек в каждом уездном городе ³.

Наибольшее количество ссыльных поляков оказалось в Вятской губернии после подавления Январского восстания 1863 года. В 1863—1876 гг. в край депортировали около 500 участников восстания ⁴. Часть из них была выслана административным порядком, другие были осуждены судом и отбывали наказание в Вятской арестантской роте.

Ссылка поляков в регион продолжилась и в последней четверти XIX в., однако уже не имела такого размаха. Как правило, высылке подвергались наиболее активные участники польского национально-освободительного движения и отдельные представители римско-католического духовенства, обвиняемые в прозелитизме. К примеру, в край были высланы ксендзы Виктор Шабловский ⁵ и Иероним Виллянович ⁶, проводившие тайные богослужения у бывших униатов Седлецкой и Люблинской губерний.

Что же касается административной ссылки горцев в Вятскую губернию, то в ней можно условно выделить три основных этапа. Первый связан, прежде всего, с окончанием Кавказской войны 1817—1864 годов. Несмотря на разгром имамата, в регионе сохранялись различные формы сопротивления российской имперской политике. Так, в 1867 г. в наказание за антиправительственное выступление в Вятскую губернию были высланы 38 семейств из аула Шиляги Кайтаго-Табасаранского округа Дагестанской области ⁷.

Второй этап ссылки уроженцев Кавказа относится к событиям русско-турецкой войны 1877—1878 гг., обострившей отношения между имперской властью и мусульманским населением Российской империи, особенно на Кавказе. Сотрудничество с турецкой агентурой, укрывательство абреков, участие в мощном антирусском восстании в Чечне и Дагестане, дезертирство из воинских частей — все это служило причинами высылки горцев с территории Кавказа. Например, за контакты с турецкими эмиссарами в Вятскую губернию были водворены 7 жителей Закатальского округа ⁸.

Третий этап административной высылки уроженцев Кавказа связан с подавлением российским правительством революции 1905—1907 годов. Наказание могло применяться за экспроприаторскую деятельность, антиправительственную агитацию, принадлежность к революционным и националистическим организациям («Дашнакцутюн», «Гнчак» и пр.).

Естественно, что среди ссыльных доминировали мужчины. В 1865 г. в Вятке проживал 321 поляк и всего 14 полячек ⁹, причем последние практически все относились не к числу ссыльных, а к членам семей тех немногочисленных поляков, которые прибыли в край добровольно (чиновники, инженеры и

пр.). В целом же, в 1865 г. в Вятской губернии насчитывалось 554 поляка-католика, среди которых было 493 мужчины (89%) и 61 женщина (11%).

Сходная ситуация сложилась и у ссыльных горцев, среди которых доминировали мужчины. Исключение составили лишь жители аула Шилияги (Южный Дагестан), высланные в 1867 г. в Глазовский уезд Вятской губернии за участие в крупном восстании против российской администрации¹⁰. Точных данных по составу этой партии ссыльных (около 120 чел.) нет, однако, учитывая то обстоятельство, что высылка из аула была всеобщей, и наряду с мужчинами в Вятскую губернию отправились также члены их семей, можно предположить, что доля женщин могла доходить до 50%.

В связи с абсолютным доминированием среди ссыльных поляков и горцев мужчин, большой интерес представляет гендерный аспект проблемы политической ссылки в Вятской губернии, который практически не рассматривался другими авторами. Данная проблема включает в себя не только брачно-семейные отношения ссыльных, но и их бытовое взаимодействие с местными женщинами.

Отношение ссыльных из национальных регионов России к вятчанкам зависело от многих факторов. В первую очередь, определяющим было воспитание человека и наличие (или отсутствие) у него националистических предубеждений. В этой связи гендерное поведение многих поляков, зачастую, было заметно хуже, чем у горцев.

Ряд исследователей, занимающихся изучением взаимоотношений ссыльных участников польского национально-освободительного движения с женщинами православного вероисповедания в Сибири, отмечает, что значительная часть поляков не только крайне негативно относилась к браку с местными жительницами, но даже к контактам с ними. «Польские тайные организации возражали даже против внебрачных связей ссыльных земляков с русскими женщинами». «... Если доследят, кто имеет девку, сейчас предадут его общественному суду», — жаловался В. Подвиньский на нравы ялуторовского общества. За сексуальные пристрастия из организации часто выгоняли. «Исключили и самого В. Подвиньского, поскольку тот взял себе содержанку», — отмечает С.А. Мулина¹¹.

Негативное отношение к бракам с православными женщинами связано не только с националистическими предрассудками и религиозным фанатизмом некоторых поляков, но и с боязнью ассимиляции в русской среде, которую они считали чужой, а, зачастую, и враждебной. Российское законодательство допускало браки православных и католиков (без смены вероисповедания супругов), однако дети, рожденные в таком браке, унаследовали вероисповедание православного родителя. Это в немалой степени способствовало ассимиляции детей, рожденных в смешанных русско-польских семьях, а иногда и отрыву от польской общины самого ссыльного, женившегося на православной.

На это обращали внимание многие участники польского национально-освободительного движения, сосланные в отдаленные районы России. Примером могут служить воспоминания В. Станишевского, правда, также не лишённые националистических предрассудков: «Женатый на москвевке, втянутый в соответствующие имущественные и семейные отношения, привязывал себя к месту изгнания, забывал о возвращении на родную землю, практически отрекался и от своей прежней семьи, и от родного языка. До свадьбы невеста-москвевка обычно играла в польскую дудку: училась щебетать по-польски, ходила в наш костел, мечтала о Варшаве и т. п. После свадьбы все шло иначе. В доме такого отступника ты уже не услышишь польской речи. Муж должен был сопровождать жену в церковь, а в свой костел ходил украдкой. А дети? Сыновья польской крови обращались в москалей, ненавидящих племя отца своего»¹².

Нельзя сказать, что рассуждения подобного рода полностью лишены каких бы то ни было оснований. Женитьба на русских женщинах приводила не

только к тому, что в православном духе воспитывались дети отца-католика, но, иногда, и к смене вероисповедания самого ссыльного. Примером является отец знаменитого писателя Александра Грина — виленский шляхтич Степан (Стефан) Евсеевич Гриневский, сосланный в Сибирь, а затем (1868 г.) переведенный в город Слободской Вятской губернии. Здесь он женился на матери писателя Анне Степановне Лепковой и принял православие. Впрочем, смена вероисповедания являлась личным выбором ссыльных поляков и происходила исключительно добровольно.

Несмотря на национализм, подогреваемый наиболее радикальной частью осужденных польских повстанцев, большинство ссыльных поляков, оказавшихся в вятской ссылке, вовсе не отказывались от взаимоотношений с местными женщинами. Многие из них заводили романы с вятчанками, которые зачастую приводили к заключению браков. В Вятской губернии в последней четверти XIX в. число смешанных браков было достаточно высоким. В 1890 г. в Вятке проживало чуть более 50 взрослых мужчин католического вероисповедания, из которых 15 были женаты на русских. Среди них были крупный вятский предприниматель С.О. Якубовский, надворный советник И.О. Баневич, губернский секретарь В.Ф. Василевский и многие другие ¹³.

Впрочем, не только поляки-католики женились на русских, но и католики выходили замуж за местных жителей православного исповедания. К их числу относились Михалина Осиповна Кассина, вышедшая замуж за крестьянина с. Костинино Вятского уезда Григория Кассина, солдатская жена Мария Андреевна Храбрых и супруга вятского чиновника Констанция Карловна Шляпникова ¹⁴. В отдельных случаях брак с русским мужчиной приводил к смене веры. Так, под влиянием протоиерея Преображенского собора г. Слободского Александра Кедрова и своего мужа штабс-капитана Андрея Ушакова приняла православие полячка Юлия Ивановна Ушакова ¹⁵.

Интимные отношения с вятчанками имели даже отдельные представители римско-католического духовенства, обязанные соблюдать celibат. В течение 60—80-х гг. XIX в. в Вятскую губернию было выслано около 20 ксендзов, а также римско-католический епископ Адам Красинский и униатский епископ Ян Калинский. Далеко не все из них отличались высокой религиозностью и стремлением сохранить приверженность выбранному духовному пути вне зависимости от жизненных обстоятельств. Некоторые ксендзы проявляли религиозную индифферентность, а были такие, кто и вовсе пошел на полный разрыв с Церковью, добровольно отказавшись от духовного сана. Так, сосланный в Вятскую губернию ксендз Пётр Прусский вел совершенно светский образ жизни: сожительствовал с одной из местных женщин, занимался предпринимательской деятельностью и ростовщичеством, а один раз даже пытался силой заставить одного из своих должников вернуть деньги ¹⁶. После освобождения от полицейского надзора П. Прусский в феврале 1876 г. покинул Орлов и перебрался в Харьков ¹⁷. Отсюда он 15 июня 1876 г. написал письмо министру внутренних дел А.Е. Тимашеву, в котором заявил о желании снять с себя сан католического священника и перейти в мещанское сословие ¹⁸.

В любовной связи с местными девушками были замечены не только отдельные ссыльные ксендзы, но и некоторые представители приходского католического духовенства. В рассматриваемый хронологический период вятские католики относились к приходу казанского костела, одним из викарных священников в котором был ксендз Владислав Стефановский. У него сложились крайне сложные отношения с настоятелем костела Францем Шетниковичем, который постоянно критиковал молодого священника за неподобающее поведение. Так, в донесении губернатору Н.Я. Скарятину он обвинил викария в любовной связи с некой Акулиной Спиридоновой, якобы родившей ему ребен-

ка. В доказательство своих слов он представил 5 интимных писем, написанных любовницей ксендза¹⁹.

Как видим, для определенной части ссыльных поляков были характерны националистические и религиозные предубеждения, которые они демонстрировали и в сфере гендерных отношений. Однако большинство репрессированных участников Январского восстания отнюдь не разделяли призывы к полному бойкоту русских женщин. Документы Государственного архива Кировской области свидетельствуют о том, что около трети поляков, оставшихся в Вятке после окончания срока ссылки, были женаты на русских женщинах.

Что касается кавказских ссыльных, то они открыто не демонстрировали негативного отношения к местным жительницам, основанного на националистических предубеждениях или религиозном фанатизме. Коран не препятствовал заключению браков с женщинами иной веры, видя в этом один из способов поощрения к принятию ислама. Кроме того, горцы-мусульмане, высланные в край в 60—70-х гг. XIX в., расселялись в основном в селах Слободского и Глазовского уездов, в которых преобладали чепецкие (нукратские) татары-мусульмане. В то же время, некоторые горцы прямо заявляли о том, что их намерение вступить в брак с местными жительницами было вызвано не высокими чувствами, а желанием решить возникшие бытовые проблемы. Так, в августе 1873 г. ссыльный Сулейман-бек-Абдурахман-бек-оглы просил у местных властей разрешения жениться на татарской девушке из села Карино Слободского уезда. «Я решил жениться, так как испытываю в своем домашнем быту сложности, связанные с приготовлением пищи, стирки белья и пр. Несмотря на наличие на родине жены и четырех детей, я действую по магометанскому закону, который не препятствует мне иметь и другую жену», — писал горец слободскому уездному исправнику²⁰. В этом браке у ссыльного и жительницы Вятской губернии родилось четверо детей. Его племянник Рагим-бек-Масум-бек-оглы также сочетался браком с крестьянкой села Карино в 1878 году. Интересно, что татарки, вышедшие замуж за горцев, вовсе не стремились ехать со своими супругами на Кавказ после окончания срока их административной ссылки. К примеру, Рагим-бек-Масум-бек-оглы 20 июня 1880 г. писал вятскому губернатору Н.А. Тройницкому: «... жена моя не изъявила желания следовать со мной на мою родину, и я, жалея ее и малолетнего своего сына, осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство оставить меня временно на жительстве в г. Слободском. В случае изменения желания жены обязуюсь следовать до места своего жительства на свой счет, не требуя никакого от казны содержания»²¹.

Естественно, нельзя говорить о том, что взаимоотношения ссыльных горцев с местными жительницами были лишены всякого романтизма, а случаи заключения браков мотивировались исключительно желанием решить различные бытовые проблемы и реализовать физиологические потребности. Иногда между ними возникали сильные чувства, которым не могли воспрепятствовать ни разный социальный статус возлюбленных, ни национальные предрассудки, ни различия в вероисповедании. В начале XX в. было зафиксировано даже два случая романтических отношений выходцев из Закавказья с дочерьми местных православных священников.

Один из подобных любовных романов произошел между дочерью священника села Чистое поле Немской волости Нолинского уезда Антониной Спаской и ссыльным Османом-Гаджи-Иса-оглы. Последний был признан Закавказским словесным судом «виновным в убийстве с заранее обдуманном намерением односельчанина своего Курбана-Али-Рамазан-оглы» и в июле 1906 г., по распоряжению кавказского начальства, выслан в Самарскую губернию сроком на 10 лет²². Однако в месте водворения Осман-Гаджи-Иса-оглы был

замечен в укрывательстве участников грабежа. В качестве меры наказания последовал его перевод в Вятскую губернию — регион с более суровыми природными условиями. В Нолинский уезд уроженец Закатальского округа прибыл 16 июля 1907 года ²³.

Антонина Спасская до знакомства с горцем-мусульманином также не отличалась примерным поведением. Так, будучи в 1906 г. воспитанницей Вятского епархиального женского училища, дочь священника покинула образовательное учреждение и провела ночь в городе, вернувшись обратно лишь на утро. Свой поступок она объяснила тем, что ее расстроило полученное из дома известие, и она хотела побыть с людьми, расположенными к ней ²⁴.

Уроженец Кавказа и девятнадцатилетняя жительница Нолинского уезда Вятской губернии, вероятно, познакомились летом 1910 г., а уже в сентябре последняя стала просить согласия родителей на вступление с ним в брак. При этом она утверждала, что «Осман согласен перейти в православие» ²⁵. Однако Спасская не получила согласия родителей на брачный союз, после чего отказалась от должности помощницы учителя земского начального училища в уездном центре и стала жить на квартире у ссыльного горца в селе Нема.

Роман дочери с ссыльным горцем-мусульманином вызвал крайне болезненную реакцию отца девушки — священника села Чистое поле Евгения Спасского, который потребовал перевести ссыльного в другое место водворения. «Я числюсь немским священником и там нередко бываю по делам службы. Как-то неудобно: дочь местного священника и вдруг живет незаконной связью с каким-то ссыльным, да еще магометанином!» — писал он 12 октября 1910 г. нолинскому уездному исправнику ²⁶. Просьба Евгения Спасского была удовлетворена: горца перевели в село Лудяны Буйской волости. Однако эта мера оказалась неэффективной, поскольку Антонина Спасская не соглашалась расстаться со своим возлюбленным. В итоге в ноябре 1910 г. поднадзорного отправили этапным порядком в небольшой уездный город Орлов, находившийся на севере губернии. Вероятно, влюбчивый горец интересовался не только дочерью православного священника, поскольку вскоре его поместили в земскую больницу для лечения венерического заболевания.

Еще один случай любовной связи ссыльного горца с дочерью представителя православного клира произошел в Нолинском уезде. Дочь местного дьякона Мария Константиновна Шутихина, работавшая помощницей учительницы Богородской двухклассной школы, влюбилась в ссыльного грузина Георгия Ивановича Назгоидзе. В отличие от описанного выше случая, начавшийся роман закончился заключением брака, однако последующая судьба новобрачных была непростой. Женщина, после вступления в брак с ссыльным революционером, была уволена с работы. По всей видимости, власти опасались, что под влиянием мужа она начнет распространять среди учеников антиправительственные идеи. После увольнения молодая семья оказалась в крайне тяжелом положении. 23 июня 1908 г. Георгий Назгоидзе обратился с ходатайством о выдаче его жене пособия на содержание и наем квартиры, в котором, однако, было отказано ²⁷. Это было связано с тем, что жены ссыльных, вступившие в брак в месте водворения последних, не имели права на получение пособия от казны ²⁸.

Между тем вскоре выяснилось, что ссыльный является вовсе не Георгием Ивановичем Назгоидзе, а Василием Ивановичем Мишелашвили. Чужую фамилию он взял после дезертирства с военной службы и уже под ней был выслан в Вятскую губернию. Для бракосочетания было необходимо метрическое свидетельство о рождении грузина и удостоверение в том, что он холост, однако по понятной причине подобные документы с Кавказа не высылались. Ссыльный горец не раскрыл будущей жене истинное положение дел, и для совершения бракосочетания (свадьба состоялась 6 июня 1908 г.) документы были поддела-

ны. О настоящем имени своего мужа дочь дьякона узнала из его письма, отправленного с родины в начале 1909 г., и присланного ей паспорта на фамилию Мишелашвили. Она обратилась в полицию с просьбой выяснить личность ее супруга с целью получения настоящего паспорта для устройства на работу, однако сама попала в неловкую ситуацию. Следствие предположило, что подлог был осуществлен именно ею в связи с беременностью и необходимостью оформления отношений церковным браком. В ходе расследования дела была проведена специальная графологическая экспертиза по сличению почерка двух свидетельств и прошения Марии Шутихиной, что выявило ее непосредственную причастность к подлогу. Более того, судебный следователь назвал главной виновницей подделки документов именно ее, а не Василия Мишелашвили, который «играл пассивную роль и, согласившись на брак, совершил приписываемое ему преступление из великодушия и сожаления к жене»²⁹. Последний был наказан за побег с военной службы, отслужил оставшийся срок и 23 апреля 1912 г. возвратился в с. Богородское Нолинского уезда, где вскоре был арестован. В результате состоявшегося судебного процесса, 2 сентября 1913 г. 12 присяжных заседателей оправдали супругов.

В начале XX в. нередким явлением был побег уроженцев Кавказа из мест отбывания наказания. При этом помощь беглецам нередко оказывали местные жители, в том числе и русские подруги горцев. Вятчанки не только помогали ссыльным, давая им деньги и теплую одежду, но иногда бежали вместе со своими возлюбленными. Так, водворенный в с. Вагино Слободского уезда Филимон Барамидзе скрылся из-под надзора полиции и бежал на родину вместе с Афанасией Дувакиной, работавшей учительницей Анохинского земского училища. Беглецы преодолели все полицейские заслоны и спустя несколько недель добрались до Кутаисской губернии. В Грузии Филимон и Афанасия поженились и стали жить вместе в местечке Чохатаури³⁰, где и были обнаружены местной полицией.

Впрочем, не стоит излишне драматизировать взаимоотношения региональных властей с ссыльными горцами и их русскими женами. В том случае, если они не совершали никаких противоправных поступков, местная администрация не вмешивалась в их дела. К примеру, ссыльный грузин Гавриил Цискарашвили, размещенный в с. Сернур Уржумского уезда, беспрепятственно женился на местной девушке. Поскольку некоторые горцы пытались скрыть факт наличия жены у себя на родине, местные власти сделали запрос о семейном положении горца. Сигнахский уездный начальник оповестил уржумского уездного исправника о холостом положении ссыльного грузина, после чего местные власти дали санкцию на заключение брака. Свадьба состоялась 30 января 1909 года. По словам Цискарашвили, «он женился для того, чтобы успокоить себя семейной жизнью»³¹. Кроме того, он, так же, как и Василий Мишелашвили, писал прошения о выдаче пособия жене, которая «не имеет образования и способностей к работе и о недостаточности на двоих выдаваемых ему как ссыльному кормовых денег»³².

К сожалению, не всегда отношения между ссыльными из национальных регионов Российской империи и жительницами Вятского края складывались благополучно. Среди ссыльных были и лица, подозреваемые в совершении уголовных преступлений. В местах отбывания наказания они также совершали различные противоправные деяния, в основном имущественного характера. Иногда жертвами преступных посягательств становились и местные жительницы. К счастью, за весь обозначенный хронологический период нами не удалось выявить ни одного случая изнасилования, совершенного уроженцами Кавказа или Польши. Впрочем, надо учитывать, что преступления подобного рода зачастую носили латентный характер, и жертвы насилия далеко не всегда обращались за помощью в правоохранительные органы. В то же время были зафиксиро-

рованы другие тяжкие преступления, совершенные в отношении местных женщин, в том числе и одно умышленное убийство. В ночь на 12 июля 1881 г. в селе Карино Слободского уезда была убита местная крестьянка Сабрекова. Убийцей оказался ссыльный житель Закатальского округа Ибрагим-Рамазаноглы, высланный в Вятскую губернию за убийство своей жены. После совершения преступления горец бежал, однако был пойман и посажен в слободскую тюрьму. В октябре 1882 г., по приговору Вятского окружного суда, Ибрагим-Рамазаноглы был осужден на 8 лет каторжных работ³³.

Таким образом, в Вятскую губернию во второй половине XIX — начале XX в. было выслано несколько сотен уроженцев Польши и Кавказа, абсолютное большинство которых составляли мужчины. Небольшая часть ссыльных (преимущественно, польских) в силу националистических и религиозных предрассудков старалась минимизировать свои контакты с местным населением. Однако многие поляки и выходцы с Кавказа заводили романы с местными жительницами, которые иногда заканчивались заключением браков. Подобные отношения зачастую основывались лишь на физиологическом влечении или желании обустроить жизнь в бытовом отношении, но иногда в их основе были вполне искренние чувства. Именно такие браки оказывались наиболее устойчивыми, даже несмотря на тяжелое материальное положение ссыльных и настроенное (а, зачастую, и негативное) отношение к ним окружающих.

Примечания

1. ЛУППОВ П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М. 1933, с. 10.
2. ФОМЕНКОВА В.М. Участники польского освободительного движения в вятской ссылке. Ученые записки Кировского государственного педагогического института. Вып. 19. Киров. 1965, с. 121.
3. ГЕРЦЕН А.И. Былое и думы. Собрание сочинений. Т. 8. М. 1956, с. 248.
4. ДВОРЕЦКАЯ Т.А. Участники польского восстания 1863—1864 годов в вятской ссылке. Киров. 2002, с. 3.
5. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 721, оп. 1, д. 108, л. 2.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 3, д. 644, л. 1об.
7. ГА КО, ф. 582, оп. 130а, д. 40, л. 1.
8. Там же, оп. 58, д. 507, л. 1.
9. Там же, ф. 574, оп. 1, д. 185, л. 140.
10. Там же, ф. 582, оп. 130а, д. 40, л. 132.
11. МУЛИНА С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 г. в Западной Сибири. СПб. 2012, с. 135—136.
12. Цит. по: ГОРИЗОНТОВ Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М. 1999, с. 91.
13. ГА КО, ф. 582, оп. 75, д. 95, л. 8—9.
14. Там же, л. 8об.
15. Там же, ф. 237, оп. 172, д. 16, л. 237.
16. Там же, ф. 582, оп. 139, д. 64, л. 21—21об.
17. Там же, оп. 130, д. 503, л. 129.
18. РГИА, ф. 821, оп. 3, д. 335, л. 33об.
19. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. 1, оп. 3, д. 3741, л. 17об.
20. ГА КО, ф. 582, оп. 60, д. 306, л. 98.
21. Там же, л. 201—201об.
22. Там же, оп. 176, д. 24, л. 70об.
23. Там же, оп. 169, д. 700, л. 1—1об.
24. Там же, ф. 221, оп. 1, д. 125, л. 20.
25. Там же, ф. 582, оп. 169, д. 700, л. 8.
26. Там же, л. 10.
27. Там же, оп. 170, д. 955, л. 56—56об.
28. Там же, ф. 716, оп. 4, д. 225, л. 5.
29. Там же, ф. 24, оп. 8, д. 21 872, л. 218.
30. Там же, ф. 582, оп. 170, д. 1045, л. 233—233об.
31. Там же, д. 994, л. 21об.
32. Там же.
33. Там же, д. 1045, л. 233—233об.

Документ Центрального государственного архива Республики Дагестан о рабстве в Дагестане в начале 1860-х гг.

Аннотация. С падением крепостного права в России власти стали предпринимать более решительные меры по ликвидации рабства на Кавказе и, в частности, в Дагестане, где к этому времени рабы находились в личной зависимости владельцев, распоряжавшихся их жизнью. Архивный документ, важный в освещении рассматриваемой темы, актуальность которой несомненна в деле изучения эпохи реформ 1860-х гг. в Дагестане, свидетельствует о непростой ситуации и нескрываемой озабоченности властей положением в области.

Ключевые слова: Дагестан, рабство, обычай, собственность, суд, беки, освобождение, Л.И. Меликов, власть.

Abstract. With the decline of serfdom in Russia, the authorities have taken more drastic measures to eliminate slavery in the Caucasus, and in particular in Dagestan, where by this time, the slaves were in the personal dependence of the owners, disposed of their life. Archive document, important in coverage of the topic, the relevance of which is to study the reform era 1860-s in Dagestan, testifies to the difficult situation and express the concerns of the authorities of the situation.

Key words: Dagestan, slavery, custom, property, court, beks, liberation, L.I. Melikov, power.

Согласно проекту Положения об управлении Дагестанской областью и Закавказским округом, утвержденному 5 апреля 1860 г. главнокомандующим Кавказской армией А.И. Барятинским ¹, указом Александра II 18 июля 1860 г. была создана Дагестанская область ². Во главе области был поставлен князь Л.И. Меликов, в руках которого сосредотачивалась вся власть.

К 1860 г. в Дагестане продолжалась открытая работорговля. Рабы были в абсолютной и безусловной личной зависимости владельцев, являясь предметом собственности и источником богатства. В «Записке о зависимых сословиях в Дагестанской области», составленной представителем власти говорилось: «Рабы признаются как имущество своего господина, живут в доме владельца, который располагает неограниченным трудом их: за убийство получают вознаграждение владетели, как за вред, нанесенный его имуществу» ³.

Военная администрация не поощряла работорговлю, но и не запрещала ее. С падением крепостного права в России власти перешли к более решительным действиям по ликвидации рабства на Кавказе. Политику правительства в этой сфере можно разделить на два этапа. Первый охватывает 1860—1865 гг., когда рабство было ограничено. Вторым этапом — 1866—1868 гг., когда оно было лик-

видировано. Для первого периода характерна начавшаяся активность самих рабов, выступавших за свое освобождение. В официальном документе говорилось, что «рабы, подстрекаемые доходившей до них вестью о даровании крестьянам свободы, глухо волновались, протестуя против существующего положения вещей учащенными случаями неповиновения владельцам... Нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения»⁴.

Историк С. Эсадзе отмечал, что «с покорением Дагестана, уже при русском управлении, жалобы рабов стали повторяться чаще, и местная администрация не могла помочь обиженным, т.к. подобное заступничество влекло за собой нарушение прав, предоставленных обычаями страны владельцам»⁵.

В 1861 г. начальник Дагестанской области князь Меликов предложил запретить при продаже рабов разлучать рабынь, вышедших замуж за представителей других сословий, с мужьями, а также детей с родителями. В том же году главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский утвердил эти предложения и приказал распространить их еще на Терскую и Кубанскую области. В 1865 г. кавказская администрация запретила продавать рабов за пределы областей «в общества с иным языком, обычаями»⁶. При продаже внутри области сделку необходимо было зарегистрировать в судах и окружных управлениях.

В Дагестанской области благодаря «удачно и вовремя принятым мерам со стороны местного начальства, владельцы рабов проявили полную готовность содействовать исполнению правительственной меры»⁷. Например, в 1860 г. в Дагестане было 4830 рабов обоего пола. Ко времени окончательного освобождения (1866—1868 гг.) их осталось 1542⁸. Резкое сокращение количества рабов объяснялось тем, что еще до реформы царским правительством был взят курс на ограничение рабства, а владельцы, убедившись в скором освобождении рабов на условиях, разработанных официальными властями, решили провести освобождение «по обычаю», то есть наиболее выгодно для себя⁹. Все рабы, освобожденные в 1866—1868 гг. как за выкуп, так и бесплатно, были снабжены свидетельствами, приписаны к сельским обществам и в течение восьми лет освобождались от налогов.

Документ (канцелярия Начальника Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура) из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан¹⁰ свидетельствует о непростой ситуации и нескрываемой озабоченности властей положением в области. Он представляет интерес не только для специалистов, изучающих социальную обстановку в Стране гор рассматриваемого периода, но и для широкого круга читателей, освещающая важную страницу в истории Дагестана.

Вступление, подготовка текста к публикации и комментарии **Гусейнова Г.М.** и **Доного Х.М.**

**Докладная записка Начальника Дагестанской области
от 30 марта 1861 года № 332. Главнокомандующему Кавказскою Армиею
Г[осподину] Генерал-Фельдмаршалу Князю Барятинскому.**

В Дагестане, как и во всех горских обществах Кавказа, существует до сих пор класс рабов в обширном смысле этого слова. Он образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах, и находится в самом унижительном состоянии, какое только можно создать для человека.

Гусейнов Гаджи Магомедкамилович — кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета. Махачкала. E-mail: gadgi_botlih@mail.ru; *Доного Хаджи Мурад* — доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета. Махачкала. E-mail: donogo@yandex.ru.

Guseynov Gadzy M. — candidate of historical sciences, associate professor at the Daghestan State University. Makhachkala. E-mail: gadgi_botlih@mail.ru; *Donogo Khadzy M.* — doctor of historical sciences, professor at the Daghestan State University. Makhachkala. E-mail: donogo@yandex.ru.

Рабы и рабыни считаются принадлежностью владельцев своих, как всякое другое домашнее животное, с которыми хозяин вправе поступить, как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев, и они берегут невольников своих, не потому чтобы могли ответить за их обиды, увечье, или даже смерть, а потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб. Несмотря на такие отношения владельцев к рабам своим, эти последние выносили свое положение довольно терпеливо. По долговременному существованию между горцами невольничества, поколения рабов росли в таких понятиях, которые уничтожали в них всякое сознание человеческого достоинства и они только изредка решались выражать тягость своего уничтожения жалобами на владельцев и побегам от них.

В последнее время жалобы рабов и рабынь стали повторяться чаще и некоторые из них бывают столь возмутительны, что местное начальство не может не вступить за обиженных и как каждое подобное заступничество влечет за собою нарушение прав владельцев, установленных обычаями страны, то начальствующие лица поставлены бывают в затруднения, по не изданию до сих пор правил о том, в каких случаях и в какой степени они могут ограждать рабов от произвола владельцев.

Одним из весьма замечательных примеров подобного затруднения может служить следующее: Вдова одного из беков, жительствовавших в сел[ении] Кумтер-Кале, владения Тарковского, Меседи-Бике, при выделении ей вдовьей части получила от племянников мужа своего между прочим 9 душ невольников. Невольники эти состояли: из старика Амир-Хана, 70 лет, родившегося в сел[ении] Кумтер-Кале и всю жизнь служившего в доме мужа Меседи-Бике. Из дочери его Манна, 35 лет, рожденной от невольницы и семи человек детей ее, рожденных от брака с свободным человеком, Кумтер-Калинским жителем Янгиурчи. По дагестанскому обычаю дети невольницы, рожденные от брака с свободным человеком, обращаются в рабство того же владельца, кому принадлежала мать и потому дети рабыни, Манна, составляли собственность того дома, которому принадлежала она сама, и на этом основании переданы вдове своего бека. Такой переход их в собственность вдовы не подал бы по всей вероятности, никакого повода к жалобам, если бы она вскоре после того не вознамерилась переехать на жительство из сел[ения] Кумтер-Кале на Кумыкскую плоскость, в дер. Андреевскую Эндирей и не потребовала, чтобы доставшиеся ей люди следовали за нею.

Затрудняясь оставить свое родное селение, в котором он имел давнишнюю оседлость и хозяйство и, не желая расстаться с женой и детьми, муж Манны, Янгиурчи стал сопротивляться в выдаче своего семейства и требовал, чтобы оно оставлено было в услужении беков в сел[ении] Кумтер-Кале; но беки не обратили внимания на это естественное требование, и насильственно взяв жену и детей его, отправили связанных на Кумыкскую плоскость. Причем владелица их высказала еще угрозу, что распродаст всех их в разные руки.

Теряя в один раз и навсегда жену и семь человек детей, Янгиурчи и престарелый тесть его прибегли к заступничеству предместника моего Генерал-Адъютанта Барона Врангеля. Понятно, что он не мог отказать просителям в своем участии и немедленно отнесся к местному Начальству Кумыкского округа о возвращении семейства Янгиурчи на прежнее жительство с тем, чтобы оно оставалось в тех же отношениях к Кумтер-Калинским бекам, родственникам мужа Меседи-Бике, в каких находилось до вывоза его в Кумыкский Округ, а Меседи-Бике определено было соответственное денежное вознаграждение.

Но посредничество это не было уважено, и согласно домогательству владелицы семейства Янгиурчи жалоба сего последнего передана была на разбирательство Дагестанского Народного суда. Народный Суд, рассмотрев жалобу Янгиурчи и сообразив оную с существующим в Дагестане обычаями, решил это дело, как и следовало ожидать, в пользу Меседи-Бике.

Таким образом, Янгиурчи потерял всякую надежду возвратиться к себе, при содействии Русской власти, свое семейство; и теперь остается у него одно последнее средство выкуп, но и этим средством, по крайней своей бедности, он не может воспользоваться.

Само собою разумеется, что правильности этого решения Суда нельзя подвергать никакому сомнению, так как оно опирается на народные обычаи, которые заранее указывали на такой исход дела, но тем не менее у человека, у которого взяли жену и семерых детей, нельзя отнять права оплакивать и до сих пор свое положение и не возможно не сочувствовать его несчастью.

Положение это есть неизбежное последствие права, поддерживаемого народными обычаями Дагестанских племен и еще не отмененного нашим Правительством; потому что справедливые жалобы здешних жителей, поставленных в одинаковые с Янгиурчи условия, и обращаются на эти обычаи, установившие такие естественные и возмутительные отношения между людьми. Но в то же время они, имея перед глазами столько фактов силы и могущества Русской власти, не могут не быть поражены самым странным образом, что эта же самая власть, сознавая всю правоту их дела, не может или не желает оказывать им никакой защиты к охранению естественных прав. Им трудно или почти невозможно понять, что, не отменив или не ограничив предварительно существующее в Дагестане Крепостное право, невозможно избежать тех последствий его, которыми нарушаются основные права человека, и некоторые они так справедливо жалуются. Поэтому некоторая доля жалоб массы народа будет отнесена и на Правительство.

Факты подобные вышеописанному могут повторяться до тех пор, пока действующее здесь крепостное право не будет ограничено в некоторых своих последствиях. И всякий раз, при подобном случае, представителю Русской власти в этом крае придется выслушивать те же жалобы и нарекания, а народу недоумевать о значении и силе Правительства. А между тем поддержание в народе без всякого колебания, уважения к силе и значению нашей власти и внушение горцам веры в справедливость нашего суда во всех возможных случаях, конечно должны быть, как и везде, главною заботою Правительства. Ограничение же это, по мнению моему, может состоять, на первое время в том: 1-е, чтобы владельцы крепостных людей или рабов в Дагестанской Области, не иначе могли продавать, дарить или иным способом отчуждать своих крестьян как целыми семействами, а не порознь отдельными членами и 2-е, чтобы крепостная женщина, вышедшая замуж за человека свободного состояния, не могла быть разлучаема с мужем без согласия сего последнего, а дети, рожденные от их брака без обоюдного их согласия. Ограничения эти, будучи достаточны для начала присвоения классу рабов в Дагестане общечеловеческих прав, могут быть объявлены теперь же, без всякого затруднения и потому, представляя Вашему Сиятельству о вышеизложенном, имею честь испрашивать разрешения.

*(Арх[ив]. Канц[елярии]. Намест[ника].
Е. И. В. на Кавказе 1861 г., св[ерепо]. № 8710, д. 17-1-18).
ЦГА РД, ф. 126, оп. 2, д. 71а, л. 1—6.*

Примечания

1. Акты Кавказской Археографической Комиссии (АКАК). Т. 12. Тифлис. 1904, с. 434.
2. Полный свод законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. XXXV. СПб. 1860, отд. 1, ст. 3602, с. 916.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 258/908, д. 34, л. 40.
4. Там же, д. 45, л. 5.
5. ЭСАДЗЕ С. Историческая справка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис. 1907, с. 468.
6. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ), ф. 416, оп. 3, д. 1223, л. 1.
7. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. СПб. 1870, с. 58.
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т. I. М. 2004, с. 548.
9. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I. М. 2004, с. 548.
10. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 126, оп. 2, д. 71а, л. 1—6.

Административная система управления Ленкоранского уезда в XIX — начале XX в.

Б.Б. Керимов

Аннотация. В публикации затрагиваются вопросы функционирования административной системы управления в юго-восточном регионе Северного Азербайджана (Ленкоранском уезде). Впервые предпринята попытка комплексного анализа различных аспектов менявшейся законодательной системы управления краем, рассматривается государственный аппарат, его основные функции и обязанности.

Ключевые слова: царская Россия, Северный Азербайджан, Ленкоранский уезд, система административного управления.

Abstract. The activity of administrative management system in the Southeastern regions of Northern Azerbaijan (Lankaran district) is surveyed in the work. The various aspects of legislation of changeable administrative system, government machinery, its main functions and obligingness of district are analysed in complex form for the first time in the article.

Key words: Tsardom of Russia, Northern Azerbaijan, Lankaran district, administrative management system.

После оккупации Талышского ханства царской Россией административная система, существовавшая во времена правления хана, была сохранена. Талышское ханство и сам правитель находились в зависимости от Российской империи. На территории ханства размещались русские войска. С 1814 г. ханство фактически было лишено внутренней самостоятельности, попав в полную зависимость от русского коменданта.

В 1826 г. была создана Талышская провинция в составе так называемого «Мусульманского военного управления» с центром в г. Шуше. Майор Ильинский, фактически управлявший Талышским ханством с 1824 г., открыто использовал свои полномочия для личного обогащения. Русско-иранская война 1826—1828 гг. окончательно развязала ему руки. Так, например, по его приказу 14 жителей ханства без суда и следствия были утоплены в Каспийском море.

После окончания русско-иранской войны комендант, рассматривавший Талыш как свою собственность, приказал вдвое увеличить налоги. По словам

Керимов Бахман — кандидат исторических наук, ведущий научного сотрудник Национального музея истории Азербайджана Национальной Академии Наук Азербайджана. Баку. E-mail: behmen_76@mail.ru.

Kerimov Behman — candidate of historical sciences, leading researcher at the National Museum of Azerbaijan History. ANAS. Baku. E-mail: behmen_76@mail.ru.

крестьян, «тех, кто не платил налоги, не только мужчин, но и женщин избивали до полусмерти... все, что попадало под руку, даже женские одежды, насильно отбиралось, в результате, наступило полное обнищание, и население покидало свои дома...»¹

Кроме коменданта в систему управления входили: помощник коменданта, полицмейстер, начальник хозяйства провинции, магальные наибы и т.д. В первую очередь царское правительство сохранило существовавшую при ханском правлении систему деления на магалы. Во главе управления магалов стояли наибы, которые были отобраны лично комендантом из числа наиболее преданных властям представителей местной аристократии. В обязанности наивов входило: распределение среди населения налогов и повинностей, своевременный сбор налогов, пресечение недовольства и беспорядков, выполнение судебных решений и т.д.²

На следующей ступени управления стояли сельские старосты (кентхуды) и сотники (юзбаши). Эти должности были «выборными», но во многих случаях сельские общества лишались возможности выбора в качестве наказания, и в деревни назначались старосты, выбранные властями. В отличие от государственных старост выборные старосты не получали жалованье, однако им передавалась часть собранных с крестьян налогов.

Сельский староста управлял деревней и считался начальником над десятниками (онбашами). В обязанности сельских старост входили следующие обязанности: доведение до сведения сельской общины правительственных распоряжений, выполнение судебных предписаний, решение мелких жалоб местного населения, наблюдение за соблюдением законности среди крестьян и их лояльным отношением к официальным властям, поимка и передача судебным органам подозреваемых в совершении преступлений, выборы есаулов и сержантов (чавушей).

Деревенский старшина поддерживал связь деревенского сообщества с администрацией, заведовал судебными делами. В сравнении с полномочиями сельского старосты полномочия старшины были незначительны. При этом старшина имел право контроля над действиями сельского старосты. В случае незаконных действий с его стороны старшина сообщал об этом членам сельского общества и, не дожидаясь выборов, заменял старосту более подходящей кандидатурой.

Сержанты находились на самой низкой ступени по уровню полномочий. Они собирали сход сельского общества, привлекали членов джамаата (сельского общества) к выполнению обязательств перед земельными собственниками. Есаулы находились в непосредственном подчинении сельских старост и выполняли их поручения³.

Выстроенная царизмом система колониального управления во многом являлась непосредственной причиной многих бед и несчастий народа. Местные жители, прежде всего крестьяне, подвергались безудержной эксплуатации со стороны чиновников — от коменданта до сельских старост. Так, одной из причин Талышского восстания 1831 г. являлось самоуправство со стороны коменданта Талышской провинции — полковника Корниенкова.

Таким образом, с 20-х гг. XIX в. начался новый этап колониальной политики царской России на Южном Кавказе. В первую очередь, с военно-стратегической точки зрения, она была направлена на предотвращение возможной экспансии Османской империи и Ирана в регионе, а также на защиту интересов царского правительства и тех социальных слоев, на которые оно опиралось. В ходе проверок, которые осуществляли сенаторы Кутайсов и Мечников на Южном Кавказе в 1829—1830-х гг., было выявлено много нарушений законности со стороны чиновников. В Талыше, как и во многих других местностях Азербайджана, произошли вооруженные выступления против официальных властей, что вынудило правительство приступить к решению этой проблемы.

После долгих обсуждений составленный главнокомандующим на Кавказе М.Ф. Паскевичем проект, получивший название «Положения об управлении Закавказским краем», был утвержден императором Николаем I 10 апреля 1840 года ⁴.

В ходе административно-территориальной реформы вместо Талышской провинции был образован Ленкоранский уезд.

В 1835 г. провинция состояла из 8 магалов — Аркиван, Ленкорань, Астара, Зуванд, Дрыг, Алар, Сабиджан и Муранкух с территорией в 10 тыс. кв. верст и общей численность населения в 30 тыс. человек ⁵. К 1879 г. Ленкоранский уезд включал в себя уже десять магалов — к восьми существовавшим добавились Аднабазар и Ханбили ⁶.

В 1841—1846-х гг. Ленкоранский уезд вошел в состав Каспийской провинции. По указу от 14 декабря 1846 г., уезд был присоединен к Шемахинской губернии, а после перенесения губернского центра в Баку, вызванного землетрясением в Шемахе 1859 г., стал частью новой губернии — Бакинской. Город Ленкорань стал центром состоявшего из 10 магалов и 4 участков уезда. Во главе уезда стоял уездный начальник, в подчинении у которого находились помощники, участковые надзиратели и городская полиция, а также казна уезда. По уставу «Положения» ответственность за выполнение распоряжений и приказов возлагалась на пристава. В его обязанности входил также надзор за своевременной выплатой всех налогов и податей.

Закон 1840 г. внес большие изменения и в судебную систему. Суды стали подразделяться на уездные и провинциальные. В их функции входил разбор дел гражданского и уголовного порядка.

Для усиления надзора над местным населением с 1 января 1840 г. в г. Ленкорань было образовано полицейское управление. Штат сотрудников состоял из начальника, его заместителей, двух представителей местного населения, секретаря и писаря. Основные функции управления состояли в соблюдении общественного порядка и законности, надзоре за состоянием городского хозяйства, своевременной выплатой налогов и податей и т.д. ⁷. В составе городской полиции также состояли особые приставы, квартальные контролеры и отряды охраны. В деятельности полиции принимали участие два представителя местного населения — так называемые «представители общественности». Они вместе с квартальными приставами подсчитывали количество жителей и их имущества — домов, лавок, магазинов, караван-сараев, мастерских, мельниц, бань и т.д. с целью точного определения налоговых поступлений в государственную казну. Они участвовали также в выделении жилых помещений для постоя войсковых частей, находившихся в пределах уезда, а также необходимых сумм для содержания городского хозяйства, в том числе, и полиции.

Если в труде русского исследователя В. Легкобитова сообщается о территории Талышской провинции в 8 тыс. кв. верст с населением в 22 750 чел. и плотности населения 3 чел. мужского пола на одну квадратную версту, где на каждого человека мужского пола приходилось по 5 дес. земли ⁸, то уже по данным на 1868 г. общая территория составляла 11 274 кв. верст, а численность населения — 111 136 человек ⁹. В 1897 г. Ленкоранский уезд занимал 4760 кв. верст, и в нем проживало 130 987 человек ¹⁰.

После указов императора Александра II от 9 декабря 1867 г. ¹¹ «О преобразования управления Кавказского и Закавказского края» и «О введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Закавказском крае» положение крестьян региона Южного Кавказа ухудшилось, что привело к росту недовольства населения. В этих условиях официальные власти пошли на усиление административного и полицейского контроля. Были ликвидированы 4 участка, а их полномочия сконцентрированы в руках начальника уезда. Также в штат в центрах уездных участков были введены городские приставы и их помощники.

И хотя царские власти вынуждены были восстановить полномочия участков в соответствии с Указом Александра III от 10 мая 1888 г. «О преобразовании уездной полиции в губерниях Закавказья»¹², в конце XIX в. серьезных изменений в административно-территориальном устройстве уезда не произошло.

На нижней ступени административного аппарата полиции находились участковые приставы, которые должны были хорошо знать жителей вверенных им участков и следить за их благонадежностью, проводить предварительное расследование совершенных правонарушений, следить за своевременной уплатой налогов и податей и т.д. В ряде случаев назначавшиеся участковые приставы не знали языка местного населения и часто допускали грубое и своевольное обращение с жителями. Одним из таких полицейских был пристав из Зуванда Саченко-Сакун. Он использовал служебное положение в корыстных интересах и за материальное вознаграждение закрывал глаза на нарушения закона.

Это вызвало серьезное недовольство со стороны местного населения. Но, несмотря на большое количество обращений и жалоб, меры в отношении пристава не принимались. Бездействие властей привело к вооруженному выступлению в начале XX в., в ходе которого один из лидеров восстания — Гаджи Ага Джаббар оглы убил Саченко-Сакуна¹³.

Чтобы разрядить обстановку, царские чиновники решили впредь назначать приставов исключительно из числа местного населения. 15 февраля 1908 г. распоряжением начальника Ленкоранского уезда, находившийся на должности заместителя пристава Зуванда с 1906 г. Шахбаз-бек Назаров был назначен приставом Зуванда¹⁴.

В тот период для занятия должности сельского старосты (кентхуды), размещавшейся на самой низшей ступени административной системы, необходимо было соответствовать следующим требованиям: не находиться под судом и следствием, быть примерного и благонадежного поведения, соответствовать возрастным критериям и т.п. Сельский староста избирался на сходе сельского общества сроком на 3 года. Голосование проходило на тайной основе. После избрания староста принимал присягу и целовал Коран.

Важное место в административной системе занимали мирабы (выборная должность, заключающаяся в контроле за подачей воды на поля и т.д.), ставшие частью административного аппарата в деревне. Мираб избирался общим сходом сельской общины, в присутствии чиновника из полицейского управления, тайным голосованием. Процедура голосования происходила следующим образом — в ящики с фамилиями кандидатов опускались листы, потом в присутствии юриста или представителей местных земельных собственников шел их подсчет¹⁵. На листах было написано: «Мы, нижеподписавшиеся или поставившие подпись отпечатками пальцев, выбирая джувара, поручаем ему справедливо распределять воду между нами, следить за системой подачи воды на территории нашего села, за это сельское общество будет платить ему каждый год оговоренную сумму»¹⁶. После того, как начальник уезда подтверждал результаты выборов, мираб считался официально избранным.

Говоря о городском управлении в начале XX в., следует отметить, что особых изменений в этой сфере не происходило. В 1897 г. не имевший достаточных собственных средств город Ленкорань вошел в систему самоуправления. Во главе городского управления стоял староста (ковха), а большинство в нем составляли азербайджанцы.

В последней четверти XIX — начале XX в. функционировала городская Дума Ленкорани. Выборы в Думу полностью соответствовали интересам царского правительства, к тому же этот аппарат находился под неусыпным контролем царских административных органов. Так как развитие капиталистических отношений привело к появлению городской буржуазии, представители этого

социального слоя были заинтересованы в экономическом развитии города. Периодически представители зажиточных слоев поднимали вопросы о развитии системы образования, здравоохранения и т.д.¹⁷.

Тем не менее, основные изменения в системе управления проводились в интересах верхов и служили целям еще большей эксплуатации низших социальных слоев, предупреждения и устранения малейшего недовольства с их стороны.

26 февраля 1905 г. на Кавказе официально был восстановлен институт наместничества. Кроме того, ограничения по выбору членов Думы среди азербайджанцев были отменены.

В ряде историографических источников можно встретить утверждение, что Ленкоранский уезд состоял из Сабиджанского, Ленкоранского, Аркиванского участков и Муганского приставства. На самом деле, центр Сабиджанского участка — Пришиб — охватывал часть Мугани. Но, несмотря на это, утверждение о Муганском приставстве встречается довольно часто. Однако Муганское приставство не входило в административную систему уезда, а играло роль органа правопорядка на территории Сабиджанского участка. При этом следует отметить, что часто приставами называли ответственных за полицейские и судебные функции официальных лиц, функции которых были разными.

Из статистических данных 1911 г. следует, что пристав Ленкоранского участка находился в Ленкорани, а его помощники — в Астаре¹⁸.

Данные на 1 января 1904 г. свидетельствовали о том, что в Сабиджанском участке насчитывалось 21 сельское общество, 169 деревень и 4899 домов с населением 36 215 чел.; на территории Аркиванского участка было 20 сельских обществ, 89 деревень, 4016 домов с населением 38 409 чел.; на территории Зуvandского участка — 17 сельских обществ, 200 деревень, 3670 домов с населением 27 631 чел.; на территории Ленкоранского участка — 20 сельских обществ, 74 деревень, 3243 домов с населением 35 435 человек. Таким образом, всего в уезде проживало 145 196 чел. (79 909 мужчин и 65 287 женщин)¹⁹.

По данным на 1911 г., Аркиванский участок с центром в селе Николаевское подразделялся на 20 сельских обществ и 79 деревень; Зуvandский, с центром в Лерике, — на 17 сельских обществ и 158 деревень, Ленкоранский с центром в Ленкорани — на 21 сельское общество и 100 деревень, Сабиджанский с центром в селе Православное (раньше центром был Пришиб) — на 21 сельское общество и 102 деревни²⁰. На государственных землях проживало 124 372 чел. (15 369 домов), а на частновладельческих — 28 062 чел. (3244 домов). В уезде насчитывалось 1686 чел., проживавших в 215 домах, которые принадлежали земельным собственникам и бекам, и 50 домов (323 чел.) принадлежали духовенству²¹.

Всего в Ленкоранском уезде насчитывалось 81 сельское общество, 526 деревень с общей численностью населения 154 443 чел. в 19 087 домах (81 226 мужчин и 73 217 женщин). Плотность населения в уезде составляла 32,7 чел. на 1 кв. версту²².

По состоянию на 1917 г., по данным кавказской администрации, территория уезда занимала 4726,88 квадратных верст. Из общего числа жителей (185 518 чел.) постоянное население составляло 183 583 чел., временно проживавшее — 1935 чел.; мужчин было 96 904, женщин — 88 614²³.

Мусульманское население составляло 170 тыс. человек. Вследствие проведения царизмом переселенческой политики выросло число русских жителей уезда: было зарегистрировано 16 206 русских, из которых 6974 чел. относились к православным, а 9332 чел. — к старообрядцам. В самом городе Ленкорань численность населения составляла 17 801 человек²⁴.

По данным 1917 г., к 1911 г. в Ленкоранском уезде находился также Астаринский полицейский участок. Таким образом, количество полицейских участков в уезде достигло 5. На территории Аркиванского участка располага-

лось 11 сельских обществ и 75 деревень, в Зувандском — 11 сельских обществ и 182 деревни, в Ленкоранском — 9 обществ и 55 деревень, в Сабиджанском — 21 сельское общество и 192 деревни, а в Астаринском участке — 3 сельских общества и 74 деревни²⁵.

Как видно из вышеизложенных фактов, при проведении колониальной политики на Южном Кавказе, как и в других национальных окраинах, царское правительство игнорировало национальные, экономические и бытовые особенности края. Лишь незначительное число лиц из числа местного азербайджанского населения смогло устроиться на работу в административный аппарат и полицию. Также, несмотря на самоуправство чиновников, жалобы на них не давали результатов.

И официальные государственные институты, и образованные на местах органы самоуправления и другие структуры, в первую очередь, служили интересам царизма, исполняя роль проводников колониальной политики. В конечном итоге, недовольство этой политикой привело к росту крестьянских выступлений в начале XX века.

Примечания

1. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в. М.-Л. 1936, ч. 1, с. 242—243.
2. История Азербайджана. Баку. 1964, ч. II, с. 23.
3. ИСАЕВ А. Территориальное управление в Азербайджане (XIX — начало XX вв.). Баку. 2015, с. 31.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание II, т. XV, с. 13 369.
5. Статистическое описание Закавказского края. С присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение онога с нынешним. СПб. 1835, с. 210—211.
6. Сборник сведений о Кавказе. Т. 5. Ч. 1. Тифлис. 1879.
7. ГАСАНОВ Б.Г., ТАЛЫШЛЫ М.М. Ленкорань. Баку. 1990, с. 36.
8. ЛЕГКОБЫТОВ В. Талышинское ханство. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб. 1836, ч. III, с. 176, 198.
9. Кавказский календарь на 1868 г., с. 432.
10. ДЖАВАДОВ Г. Талыши (историко-этнографический очерк). Баку. 2004, с. 20.
11. ПСЗ РИ, собр. II, ч. XII, с. 45 259—45 260.
12. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в., ч. I, с. 118.
13. АСАДОВ Ф. Экскурс в прошлое Талыша. Баку. 1993, с. 16.
14. Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики (ГИА АР), ф. 167, оп. 1, д. 1524, л.1—5.
15. ТАЛЫБЗАДЕ И.А. Ирригация и водопользование в Азербайджане в XIX — начале XX в. Баку. 1980, с. 31—32.
16. Там же, с. 34—35.
17. ГАСАНОВ Б.Г., ТАЛЫШЛЫ М.М. Ук. соч., с. 36.
18. Сборник сведений по Бакинской губернии. Баку. 1911, с. 102—141.
19. Обзор Бакинской губернии за 1903 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету. Баку. 1904, с. 5—6.
20. Сборник сведений по Бакинской губернии, с. 102—141.
21. Там же, с. 102—141.
22. Там же, с. 14—15.
23. Кавказский календарь на 1917 г., с. 12—19, 178—190.
24. Там же.
25. Там же, с. 12—19.

К вопросу об искусственном орошении в Азербайджане в конце XIX в.

В.Р. Вейсалова

Аннотация. Одной из актуальных тем в изучении истории Азербайджана является вопрос об источниках искусственного орошения и народных способах использования воды. В исследовании данной проблемы большое значение имеет научный труд Н.А. Абелова, содержащий богатый этнографический материал, ярко отражающий хозяйственный быт населения Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии конца XIX — начала XX века.

Ключевые слова: Елисаветполь, государственные крестьяне, экономический быт, искусственное орошение, использование воды.

Abstract. One of the actual themes in the history of Azerbaijan is the native ways of using water and artificial irrigation. This problem was said in the work of investigator N.A. Abelov's "Elizavetpol district of Elizavetpol province's state peasants economical way of life".

Key words: Elizavetpol, State peasants, economical way of life, Artificial irrigation, usage of water.

В первой половине XIX в. экономика Азербайджана носила колониальный характер, представляя собой сырьевую базу и рынок сбыта для России. Это, в свою очередь, требовало подробного и систематического изучения хозяйственного быта как всего Закавказья, так и Азербайджана. Стали печататься многочисленные статистические сборники, результаты камеральных изысканий, различные обзоры, научные труды, статьи, очерки, путевые записки. Важное место среди всех этих исследований занял опубликованный в 1885—1887 гг. научный труд «Материалы по изучению экономического быта государственных крестьян стран Закавказья», состоящий из семи томов¹.

Историк-этнограф Э. Керимов, анализируя сведения, содержащиеся в этом изыскании, отмечал, что проведенные 19 февраля 1861 г. в России крестьянские реформы привели к ликвидации крепостного права, после чего Российская империя, желая укрепить колониальную систему, еще больше расширила тер-

Вейсалова Вусала Рагиф гызы — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Государственного Университета г. Гянджи. Республика Азербайджан. E-mail: Vusala.Veysalova@mail.ru.

Veysalova Vusala R. — PhD, associate professor, head of the department at the State University of Ganja. Republic Azerbaijan. E-mail: Vusala.Veysalova@mail.ru.

риториальные исследования, проводимые в Закавказье. Следует отметить, что все публикации в «Материалах» были написаны компетентными специалистами, досконально изучившими на местах быт крестьян.

В «Материалы» были включены результаты личных наблюдений исследователей, данные источников по метрическому измерению и распределению земельных участков и воды, списки состава семей, заметки о ведении домовых книг, годовые отчеты духовенства и уездных управленческих структур, а также официальные статистические данные.

Седьмой том «Материалов» включал научный труд исследователя Н.А. Абелова «Экономический быт государственных крестьян Елисаветпольской губернии Елисаветпольского уезда». Работа представляет собой результаты анализа этнографических сведений об источниках искусственного орошения и народных способах использования воды в этой местности, что свидетельствуют о том, какое важное место занимало искусственное орошение в быту населения Гянджабасарского региона того периода. Этнографические материалы, вошедшие в научный труд, представляют ценность еще и тем, что автор, непосредственно основываясь на своих личных наблюдениях, подробно описал достоверные факты, сведя их в стройную систему². Следует отметить, что переход государственных земель в распоряжение Министерства государственного имущества открыл широкие возможности для изучения экономического быта государственных крестьян окраинных территорий на совершенно новой основе. В 1883 г. в министерстве были организованы специальные исследовательские группы, в составе каждой из которых было 10 человек. В 1884 г. эти группы при участии местных представителей приступили к изучению 578 деревень Южного Кавказа. Исследование проводилось в течение шести месяцев. Взяв за основу «Положения», исследователи отдавали предпочтение этнографическим исследованиям. Результаты отображались в виде авторских очерков.

В научном труде подробно описаны: формы развития земледелия, орудия труда, применяемые крестьянами; способы искусственного орошения, распределения земельных участков, использования летних и зимних горных пастбищ; рассматривалось кочевое животноводство и указывались места кочевания. Были отмечены все хозяйственные участки, описаны разнообразные домашние ремесла, шелководство, пчеловодство и т.д. Весь материал ярко отражал сельское хозяйство и народный быт государственных крестьян.

В Азербайджане начало искусственного орошения в земледелии можно проследить еще с периода неолита. Имеющиеся сведения об орошении правобережных земледельческих территорий р. Куры свидетельствуют о том, что земледелие в Азербайджане существовало еще в I тыс. до нашей эры.

По сведениям Абелова, государственные крестьяне, проживавшие в 102 деревнях, объединились в 96 общин. Из них 72 азербайджанские деревни сформировали 66 общин, 22 армянские — 22 общины, а 8 русских — 8 общин. Автор отмечает, что в Елисаветпольском уезде основными источниками искусственного орошения были речные каналы и природные подземные водостоки. На Елисаветпольской равнине и в ближних предгорных регионах, где выпадало малое количество атмосферных осадков, несомненно требовалось искусственное орошение. В северной части лесной полосы искусственное орошение было необходимо для возделывания садов и выращивания бахчевых культур. Участки, расположенные близ речных притоков, не нуждались в проведении специальных каналов. Здесь использовались водяные мельницы. Для проведения каналов к участкам выращивания садовых и бахчевых культур люди разрушали скалы, очищали землю от кустарников и выравнивали верхний почвенный покров.

В деревнях, расположенных вблизи лесной полосы, выбирались специальные контролеры, которые следили за порядком орошения садов и посевных площадей сельчанами. Орошаемые участки, находившиеся в лесной полосе, принадлежали общинам Аблаха и Чайкенда. Здесь каналы брали свое начало из реки Кюрекчай. Водный канал для общины Зурнабада, проведенный из реки Гянджачай, не действовал из-за отсутствия разрешения со стороны властей уезда. На низменных территориях Гянджабасара наравне с речной использовалась непригодная для питья вода и природные подземные водостоки, протекавшие через болото или тростниковые заросли. Эту воду получали из притоков Куры, расположенной в северной части орошаемой равнинной полосы.

Запасы технической воды в равнинной полосе между реками Гянджачай и Геранчай Абелов называет «подземными водными галереями». Он указывает их длину, а также глубину в зависимости от наклона местности, отмечая, что уровень воды в них иногда достигал 1,5 аршин (один аршин равнялся 45—50 см)³. Здесь выкапывали колодцы на расстоянии 8—10 саженей (одна сажень равнялась 2,13 м), что облегчало работу при проведении водопровода и играло важную роль при очищении засоренных участков. Верхняя часть колодцев имела выпуклую форму. Зачастую их оставляли открытыми или прикрывали соломой, ветками деревьев. Как правило они имели приблизительно одинаковую вместимость.

Рабочих, копавших колодцы (кегризы), называли «канканами». Несмотря на то, что самыми лучшими мастерами считались персы, местные рабочие ни в чем им не уступали. В основном колодцы являлись частной собственностью, однако, наравне с этим были кегризы, рытье которых проводилось за счет отдельных общин и артелей. Они находились на подаренной родовой общине земле, считались общественными и использовались всей общиной. На основе закона о пользовании общинными землями, устанавливались правила пользования водой кегризов. В основном все зависело от решения главы общины. Следует отметить, что, начиная с конца XIX в. и до 20—30-х гг. XX в., искусственное орошение посевных площадей государственными крестьянами с помощью кегризов в Азербайджане сыграло важную роль в развитии земледелия многих регионов. Так, например, в XX в. насчитывалось около 1000 кегризов, использовавшихся в целях орошения⁴.

Однако самыми крупными источниками искусственного орошения в Гянджабарском регионе считались речные каналы, проводимые из малых и больших рек. Население, обосновавшееся на территории Елисаветпольской равнины и в окрестностях Куры, использовало воду местных рек. Следует отметить, что в начале XX в. в Азербайджане насчитывалось около 1200 каналов.

Ввиду того, что на территории Елисаветпольской губернии было расположено глубокое ущелье, поселившиеся здесь местные сельские общины не могли проводить оросительные каналы. Однако во время весеннего половодья река Кура, как и некоторые другие (Гарасапал, Альпойт, Тагламадж, Элленгюдж, Аликенд, Адабаши, Мансырлы, Гараговаг) выходили из берегов, затопляя посевные площади, которые, таким образом, орошались естественным способом. Исключение составляло село Гарасаггал, чьи сады и посеы в основном орошались водами Гянджачая.

За распределением воды, протекавшей по каналам, следили избранные в каждом районе мирабы. Как правило это относилось к рекам Кюрекчай, Гянджачай и Шамхорчай. На каждом канале устанавливалось специальное нехитрое оборудование с печатью мираба, которое называлось «бенды» и предназначалось для точного распределения подачи воды. Однако сельчане использовали различные уловки для того, чтобы увеличить приток воды на собственные

земельные участки. Абелов в своем научном труде отмечает, что во всей губернии была принята единая единица измерения объема воды, которая называлась «баш», но иногда можно было встретить и другие единицы измерения.

В зависимости от выпадения сезонных осадков, наводнений или засух объем воды в реках и каналах менялся. Так, к примеру, во время половодья он достигал 10 башей, а летом эта цифра уменьшалась в 3—5 раз.

В Елисаветпольской губернии вода объемом в 1 баш, по подсчетам инженера Габбина, была равна объему воды в 60 куб. саженей, протекавшей за 1 секунду. Порой, в зависимости от скорости воды, эта величина достигала 80 куб. саженей.

Описывая Елисаветопольскую губернию, Абелов отмечал большое значение притоков, впадающих в Куру, с помощью которых орошались посевные площади. Например, воду реки Зеимчай в основном использовало население Газахской губернии. Одновременно правыми притоками рек Зеим и Бада пользовались общины Бадакенда и Татарлы, которые обосновались в нагорной и лесной частях Елисаветпольской губернии. Проведенные с правобережья Зеимчая каналы Алибейли и Сарун, пролегая по территории губернии, использовались одними и теми же общинами.

Притоком Факер, отходившим от канала Сарун, орошались участки землевладельцев деревни Юхары Айыблы, а водами канала Сарун — земли, принадлежавшие общине Дюйерли. Над этой рекой отсутствовал контроль мираба. Было проведено всего 6 каналов, общий объем воды в реке колебался от 43 до 165 башей. Воду реки Джебирчай жители деревни Морул использовали только для орошения. Там, где воды реки Куры выходили на равнину, они становились солеными и непригодными для питья.

Водой реки Шамхорчай орошались садовые и бахчевые участки деревень Зейлика, Борсума и Барума, расположенных в лесной полосе губернии. Там, где река вытекала из горного ущелья, она разделялась на многочисленные каналы. Из пояснений автора становится ясно, что каналы Илмезли и Надир-шах протекали через немецкую колонию Анненфельт⁵. Население же деревень Кечили и Гурулуг использовали воду каналов только во время наводнений и половодья. Некоторые государственные деревни (Терс-Деллер и Кечили), расположенные в нижнем течении Шамхорчая, использовали соленую воду. В деревне Морул имелось два кегриза, принадлежавших частному владельцу. В общине Чулюкю, расположенной в бассейне Шамхорчая, подачу воды контролировали два мираба. Объем воды в реке колебался между 8 и 232 башами.

Водой реки Гошгарчай пользовалось население деревень Баяна, Гушчу и Дашкесана, находившихся в лесной полосе. В горную деревню Балчылы был проведен канал. В деревню Сарыгамыш, расположенную близ нижнего течения реки, вода доходила уже соленой. Объем воды, протекавшей через Гошгарчай, был равен приблизительно 8 башам. Воды этой реки распределялись между немецкой колонией Элендорф, городом Елисаветполь и рядом деревень, принадлежавших государству, а также отдельными владельцами. Ввиду того, что немецкая колония и город Елисаветполь были расположены в верхнем течении реки, они присваивали себе $\frac{2}{7}$ всего объема воды, подаваемой в деревни.

Деревни Агасбейли, Ахмедбейли, Хаджалы, Зиялды, Гарабаглар, Гарасаггал, Лек, Набиагалы, Серкар и Сюнюлер использовали $\frac{2}{7}$ объема воды р. Гянджачай. В распоряжении деревень, находившихся в бассейне этой реки, имелись следующие кегризы: в Агасбейли — 5 общественных, в Ахмедбейли — 6 общественных и 7 совместных, в Хажаллы — 5 совместных, в Зиялды — 9 совместных и частных, а в Гарабагларе — 6 совместных; в Ляке — 13 совместных и один

частный, в Набиагале — 8 совместных и один частный, в Сяркяре — 3 общих. В распоряжении общин Зиялды, Гарабаглар, Гарасаггал, Сяркяр и Суннилер была только соленая вода, а в общине Лек были известны два бассейна Гарасу. Объем воды в реке Гянджечай составлял около 105—165 башей.

Вода Кюрекчая была распределена между двумя каналами. Основная ее часть использовалась государственными крестьянами Азер-Ахмедли, Горанлы, Далимамедли, Гарабаглы, Газанбулага, Гаргучага, Моллаисмаиллы, Кюрекчая, Софикюрда, Фахралы, Ханкенда и Шадылы, а порой и общиной Мингячевира. В общине Сафикюрда находился кягрис, который использовался совместно.

Вода Кюрекчая распределялась между каналами районными мирабами. Каждый мираб получал жалование в размере 20 манатов. За работой мирабов следили два контролера, которые за это пользовались водой бесплатно.

Объем воды в Кюрекчае достигал 167—207 башей. Водой реки Керрчай пользовались крестьяне общин Товлалы, Гырмызы-Газахлар, Агасбейли и Мингячевир. Население Агасбейли этой водой орошало только пашни. Жители деревень Гарасаггал и Алпойд пользовались водой реки Керрчай для орошения посевных площадей, находившихся на территории деревни Товлалы. Община Мингячевир для орошения своих посевов пользовалась дамбой, установленной на реке. Однако беки Адыгезаловы часто сносили дамбу, меняя направление реки в сторону своей деревни. Общины Халалгун, Келек, Газахлар-Егярчи, Товлалы и Гырмызы-Газахлар, расположенные в бассейне реки Керчай, пользовались соленой водой. Река Карачай, вытекая из горного ущелья на равнину, разделялась на два потока — Карачай и Геран. Водой из Герана пользовались общины Аджикенда, Чайкенда и Михайловка, вода из Карачая подавалась на посевы, принадлежавшие общинам Карачай, Сафикюрд и Кызылгяджылы. Иногда община Кызылгяджылы покупала воду у беков Кямаллы, которые владели каналами реки Тяртяр. Объем воды в реках Карачай и Геранчай, по подсчетам автора, составлял около 143 башей. Большая часть воды этих рек принадлежала бекам. Ага и беки Елисаветпольской губернии, на основе законодательного права на землю, забирали $\frac{1}{10}$ часть урожая.

Ценность земли и размер приносимой ею прибыли зависели от полноценного орошения. Это вызывало желание присвоить себе большую часть воды. На этой почве часто возникали столкновения между семьями. В результате страдали крестьяне общин.

В своем труде Абе́лов описал правила использования воды, принятые мусульманскими общинами ⁶. Он пришел к выводу, что объемы потраченной крестьянами воды определялись не размерами посевных площадей, а количеством животных в упряжке, используемых во время вспашки. Вода кягрисов совместного пользования распределялась между их владельцами в зависимости от затрат, потраченных на их сохранение.

В распределении и использовании воды прослеживались многочисленные случаи нарушений правил пользования: незаконное присвоение воды соседними хозяйствами, неправильное ее распределение и т.д. Все это становилось причиной споров, конфликтов, а в некоторых случаях приводило к серьезным стычкам, нанесению материального ущерба, а порой и к смертельным исходам. Описанные исследователем Никифоровым случаи, произошедшие в Нахичеванской губернии, были характерны и для всего Азербайджана того периода. Борьба за воду приравнивалась к борьбе за жизнь ⁷. По мнению Абе́лова, правильное распределение воды было характерно для крестьян, поселившихся в бассейне реки Кюрекчай. В общественных каналах вода равномерно разделялась по так называемым «глазкам». Каждый «глазок» закупался владельцами хозяйств. В верхнем течении реки одного «глазка» хватало для 20 хозяйств, в

среднем течении — для 16, а в нижнем — для 10. Владельцы посевов по очереди пользовались водой в установленное время. Распределение воды по «глазкам» и налоги за нее распределялись равномерно.

Таким образом, изучение и анализ этнографического материала, содержащегося в научном труде Абелова об источниках искусственного орошения и народных способах использования воды в Елисаветпольской губернии Елисаветпольского уезда еще раз свидетельствует о том, что искусственное орошение занимало исключительное место в хозяйствах Гянджабасарского региона того периода.

Примечания

1. АБЕЛОВ Н.А. Экономический быт государственных крестьян Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. VII. Тифлис. 1887.
2. КЕРИМОВ Г.А. Очерки истории этнографии Азербайджана и русско-азербайджанских этнографических связей. Баку. 2013.
3. ГУЛИЕВ Г.А. Система народной метрологии в земледельческой культуре Азербайджана в XIX — начале XX века. Баку. 1997.
4. ГУЛИЕВ Ш.А. Орошения. В кн.: Этнография Азербайджана. Т. I. Баку. 2007.
5. РЕДЖЕБЛИ Г. Водные источники Азербайджана и народные способы ее использование. Баку. 2007.
6. СОБОЛЕВ В.П. Водное хозяйство Азербайджана. Баку. 1925.
7. ВЕЛИЕВ М.Н. (БАХАРЛЫ). Азербайджан (физико-географический, этнографический и экономический очерки). Баку. 1993.

Споры о евхаристии и «религиозное собеседование» в Марбурге 1529 г.

В.В. Иванов

Аннотация. В публикации рассматривается спор о сущности таинства евхаристии (причастия) на начальном этапе Реформации между представителями лютеровского и швейцарско-верхненемецкого лагерей. Кульминацией этой дискуссии стала встреча сторон в Марбурге в 1529 г., которая была формальной попыткой примирения, но завершилась провалом. Ее результат доказывает, что в тот момент даже чисто экзегетические противоречия часто могли быть важнее, чем прагматические выгоды от их преодоления.

Ключевые слова: Реформация, евхаристия, Швейцария, Верхняя Германия, М. Лютер, У. Цвингли.

Abstract. The work deals with the controversies on the essence of Lord's Supper at the beginning of the Reformation between the Lutherans and the reformators from Switzerland and Upper Germany. The top point of this discussion was the actual meeting of both sides in Marburg in 1529, which was a formal attempt of coincidence, but failed. Its result proves that at the moment even the exegetic misunderstanding could often be more important, than the pragmatic beneficiaries of its overcoming.

Key words: Reformation, Lord's Supper, Switzerland, Upper Germany, M. Luther, U. Zwingli.

В год 500-летнего юбилея начала Реформации уместно обратиться к тем связанным с ней проблемам, которые никогда не были предметом специального рассмотрения в отечественной историографии. К их числу относится принципиальный для реформаторов спор о сущности таинства евхаристии. Трактовка евхаристии (причастия), как одного из основополагающих христианских таинств занимала отцов церкви¹, но тогда она была еще несопоставима по значимости с вопросом о Богочеловечестве или Святой Троице. Однако данная тема вновь актуализировалась в эпоху Реформации, особенно на ее начальном этапе и в ее «колыбелях» — Германии и Швейцарии. Это было обусловлено необходимостью переосмысления базовых христианских идеологем, формированием религиозного индивидуализма раннего Нового времени и противоборством ха-

Иванов Василий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Удмуртского государственного университета. Ижевск. E-mail: religioved08@mail.ru.

Ivanov Vasily V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Udmurt State University. Izhevsk. E-mail: religioved08@mail.ru.

ризматических амбиций ведущих реформаторов, большинство из которых претендовали на свое «первородство» или, как минимум, на собственный оригинальный вклад в понимание этого таинства.

Развернувшаяся дискуссия завершилась формированием двух соперничающих группировок — лютеровской (М. Лютер, Ф. Меланхтон, И. Бугенхаген, И. Бренц, А. Осиандер, Ю. Йонас) и швейцарско-верхненемецкой (У. Цвингли, И. Эколампадий, М. Буцер, В. Капито, Вадиан, К. Хедио, Г. Буллингер, впоследствии — Ж. Кальвин, Т. Беза). Кульминацией конфликта стал диспут в Марбурге в начале октября 1529 г., получивший в немецкоязычной традиции название «религиозное собеседование» (Religionsgespräch). Но и после этого полемика продолжалась еще многие годы. В западной историографии она нашла широкое отражение, начиная с классических работ В. Кёлера первой половины XX в. до современных исследований профессора Гёттингенского университета Т. Кауфманна, в том числе, и в многочисленных публикациях других авторов². Однако большинство исследований принадлежит перу теологов, которые, чаще всего, обходили конкретно-исторический, особенно политический, аспект данного столкновения и наивно пытались свести его к сугубо догматическим разногласиям. Марксистские авторы по понятным идеологическим причинам игнорировали его вообще. Однако и в постсоветский период этот спор не привлек внимания отечественных историков, скорее всего потому, что воспринимался современным секуляризованным сознанием как теологическая казуистика. Не вызвало интереса даже то обстоятельство, что взаимное ожесточение и непримиримость в этой, казалось бы, чисто экзегетической дискуссии, не смогли поколебать никакие прагматические соображения.

Между тем, прагматический, в том числе политический, компонент в этом конфликте, безусловно, присутствовал. Достижение согласия относительно евхаристии рассматривалось сторонниками Реформации (принявшими ее немецкими князьями, магистратами вольных имперских городов Германии и швейцарских кантонов) как основа для создания общепротестантской коалиции и отражения угрозы со стороны императора Карла V и католиков, последовательно возраставшей в течение 1520-х годов. Решающим стимулом для обострения спора стали решения второго Шпейерского рейхстага весной 1529 г., который возобновил действие Вормского эдикта 1521 г., осудившего Лютера, и вызвал знаменитую ответную «протестацию» реформационных сил. Не случайно, инициатором Марбургского диспута стал ландграф Филипп Гессенский, главный протагонист Реформации среди немецких территориальных правителей, который лично обратился с посланиями к ряду известных реформаторов (что было довольно необычно для имперского князя, поскольку его адресаты имели более низкий сословный статус), приглашая их прибыть в его замок, причем Лютер и Меланхтон приехали в Марбург лишь под нажимом своего земельного господина, саксонского курфюрста Иоганна Постоянного. Протестантские князья (оба вышеупомянутых подписали шпейерскую «протестацию») стремились создать антигабсбургский «вал» от Балтики до Швейцарии и консолидировать своих сторонников. В письме к Осиандеру и Бренцу от 1 июля 1529 г. Филипп утверждал, что «этот раздор может привести к кровопролитию, гибели страны и людей и множеству иного вреда, и к повреждению нашей веры»³. С позиций современного секуляризованного мышления не совсем понятно, почему подобные судьбоносные решения зависели от исхода богословского спора, тем более что вероятный выигрыш от достижения согласия так и не перевесил нежелание обеих сторон идти на уступки в догматическом вопросе, что привело Марбургское собеседование к провалу.

Причину, очевидно, стоит искать в самой сущности евхаристии, онтологический смысл которой состоит в периодически возобновляющемся общении

верующего с Христом, что отчасти даже важнее, чем однократный акт мировоззренческой идентификации и социализации индивида, воплощенный в таинстве крещения (разумеется, речь в данном случае идет не о какой-то канонической трактовке, что всегда было предметом богословских дискуссий, а о смысле и значении этих таинств для христианского сознания и христианского социума с рациональной, светской точки зрения). Уступка в таком вопросе означала бы для любого реформатора и его сторонников сомнения в собственной харизме и правильности своего восприятия Божественной истины, поскольку в евхаристии сфокусированы взаимоотношения Бога и человека, а разные ее толкования в конечном счете сводились к различному пониманию роли каждого из контрагентов в этом взаимодействии.

В ходе дискуссии (в печатной полемике до диспута и непосредственно в Марбурге) были высказаны две основные точки зрения. Зачинщиком спора стал А. Карлштадт, который осенью 1524 г. заявил, что формула причастия («Tuto est corpus meum»; по-немецки «Das ist mein Leib»; в русском синодальном переводе — «Сие есть тело мое») особенно греческое слово «Tuto» («Сие»), вместо латинского «Нос» («Здесь») относится лишь к символу хлеба (гостии), а не к собственному телу Христа, поэтому «есть» (лат. est; нем. ist) следует понимать как «означает» (лат. significat; нем. bedeutet). Эту трактовку сразу же поддержали Цвингли, Буцер, Капито, Эколампаций. Первоначально она нашла отклик и у некоторых радикальных мыслителей, в частности, видного идеолога анабаптизма Б. Губмайера. Правда, Карлштадт вскоре отступил на задний план. Очевидно, ему не хватило твердости, и позднее он пытался оправдаться перед Лютером, что породило надежды на примирение даже у принципиальных оппонентов лютеровской позиции. Капито откликнулся на это событие своеобразным панегириком: «Ликование христианского брата по поводу единения Мартина Лютера и Андреаса Карлштадта»⁴. Однако запущенный маховик конфронтации уже трудно было остановить. Самого Карлштадта это тоже не избавило от подозрительного отношения со стороны Лютера, который продолжал причислять его к «фантазерам» (Schwärmer) и носителям «порхающего (то есть легковесного, несерьезного. — В.И.) духа» (fliegender Geist).

Основным адептом и пропагандистом аналогичных воззрений вскоре стал Цвингли, который пришел к ним во многом самостоятельно, под влиянием нидерландских мистиков и гуманистов Весселя Гансфорта, Хине Роде и, особенно, Корнелиуса Хуна (ученика Эразма)⁵. Известно письмо Хуна к Цвингли, написанное в 1523 или 1524 гг., и опубликованное последним в 1525 г., где излагалось символическое понимание причастия⁶. Сам Цвингли впервые солидаризировался с этой позицией в послании своему учителю, базельскому гуманисту Томасу Виттенбаху от 15 июня 1523 г., то есть еще до выступления Карлштадта⁷. Позднее он повторил похожие аргументы в обращении к В. Краутвальду, К. Швенкфельду и «братьям в Силезии»⁸ от 17 апреля 1526 г., где сформулировал основополагающий тезис: «очевидно, что хлеб не может быть плотью [Христа]»⁹. Соответственно, евхаристия — это простое воспоминание о Тайной Вечере, предполагающее лишь незримое духовное присутствие Спасителя. Такая интерпретация вызвала резкие возражения лютеран, отстаивавших тезис о «соприсутствии» или «реальном присутствии» (лат. consubstantio; нем. Realpräsenz) плоти и крови Христа в хлебе и вине. Обычно здесь усматривают только различие между символическим и магическим подходом, то есть разную степень разрыва со средневековой католической концепцией буквального «пре-существования» (trans-substantiatio) хлеба и вина, утвержденной решением Латеранского собора в 1215 году. Однако видный исследователь цвинглианства У. Гэблер высказал интересное предположение, что Цвингли к подобному пониманию подтолкнул также старинный обычай — ежегодное

празднование патриархальной общиной победы швейцарцев над Габсбургами в XIII в., положившей начало Швейцарской конфедерации, то есть коллективное воспоминание об освобождении от угнетателей. По аналогии, евхаристию следует воспринимать как совместное воспоминание об освобождении от власти греха, акт корпоративного сплочения, когда община благодарит Христа за его искупительную жертву и демонстрирует ему свою верность¹⁰. Таким образом, центр тяжести переносился на социум, человеческое сообщество, принимающее дарованную Божественную благодать. Напротив, Лютер, исходя из своей «теологии креста», считал, что Бог познается прежде всего через вочеловечение Христа, и чудо инкарнации совершается в том числе в евхаристии, а благодаря вере можно понять, что гостия — тело Христово; в ней зримо обнаруживается его присутствие.

Таким образом, Цвингли отстаивал более корпоративное понимание евхаристии, а Лютер — более индивидуалистическое. В конечном счете, это было обусловлено также различием между общинно-корпоративным устройством швейцарских кантонов и верхненемецких вольных имперских городов, где светская и духовная сферы не были четко разделены, и политической структурой германских территориальных княжеств, которая, в соответствии с лютеровскими идеями, была основана на разграничении «Божественного» и «Человеческого» Царств (при внутренней автономии каждого).

Это различие усилило раскол среди реформаторов. На протяжении нескольких лет обе стороны обменивались многочисленными полемическими произведениями, а внутри каждого лагеря велась интенсивная переписка. Особенно усердствовали сторонники Лютера. Сам он в 1528 г. написал объемное сочинение «Исповедание о Христовой вечере»¹¹. Активное участие в публицистических баталиях приняли Осиандер и Бренц. Первый написал «Наставление о вечере [Христовой]», «Рекомендации к вопросу о диспуте с Цвингли»; второй — «Краткое сообщение о том, каково истинное осуществление Таинства хлеба и вина» и «Соблюдение вечери Христовой»¹². Особое значение имела работа Бренца «Сочинение швабов», подписанная 14 швабскими проповедниками и опубликованная в 1526 г., предисловие к которой написал Лютер¹³. Ее публикация во многом предопределила победу лютеровского учения о евхаристии в Северной Швабии и Франконии. В свою очередь, Цвингли ответил несколькими памфлетами: «Ясное наставление о вечере Христовой» и особенно принципиальным для него сочинением «О том, что эти слова Иисуса Христа: “Сие есть тело мое, за вас отдаваемое”, вечно будут иметь прежний единый смысл»¹⁴. Эколампдий написал «Справедливый ответ на сообщение доктора Мартина Лютера относительно Таинства [причастия]»¹⁵. Буцер отреагировал на лютеровский опус работой «Сравнение доктора Лютера и его противников относительно вечери Христовой», написанной в форме диалога между гипотетическими апологетами двух противоположных точек зрения и имевшей примечательный подзаголовок: «Это дружеский разговор»¹⁶. Вообще, в историографии широко распространено восходящее к Кёлеру мнение о некоей посреднической роли в евхаристическом споре Буцера и его ближайшего соратника Капито, якобы пытавшихся примирить враждующие группировки¹⁷. Оно имеет под собой известные основания, однако нуждается в корректировке. Речь, скорее, может идти о лавировании, если не метаниях между двумя лагерями. Первоначально оба страсбургских реформатора недвусмысленно разделяли взгляды швейцарцев, издавали и распространяли сочинения Цвингли и Эколампдия. Кстати, Капито и в упомянутом панегирике, декларативно призывая к согласию, одновременно полностью поддержал цвинглианскую трактовку. Позднее их позиция изменилась, что было обусловлено не столько мировоззренческой эволюцией, сколько конъюнктурными причинами.

Именно на подобном идеологическом фоне и в яростных публицистических баталиях проходила подготовка Марбургского диспута. В то же время наблюдалось сильное давление со стороны протестантских князей, которые, будучи людьми светскими, очевидно, так и не смогли понять, почему догматический вопрос приобрел такую остроту, и не теряли надежд на его благополучное разрешение. В первых числах октября 1529 г. в замке Филиппа Гессенского обе партии, наконец, встретились лицом к лицу. Там же произошла и единственная личная встреча Лютера и Цвингли. Дебаты проходили бурно, все основные участники оставили о них очень субъективные воспоминания. Объективным же итогом стало принятие 3 октября 1529 г. двух документов: «Объединительной формулы» и 15 статей. Первый, составленный от имени Лютера, с одной стороны, и Эколампация — с другой, содержал совершенно невнятные и ни к чему не обязывающие формулировки, которые вряд ли свидетельствовали об «объединении». Оппоненты сошлись на том, что тело и кровь Христа присутствуют в хлебе и вине «субстанциально и сущностно, однако же ни количественно, ни качественно, ни локально» (*substantive et essentialiter, non autem quantitatively vel qualitative vel localiter*)¹⁸. 15 статей стали еще более показательными. Первые четыре пункта просто повторяли Никейский символ веры, следующие десять подтверждали общереформационные идеи, о которых никто и не собирался спорить (оправдание личной верой, отказ от мессы, «добрых дел», celibата, осуждение анабаптистов и т.п.). Лишь последняя пятнадцатая статья посвящалась вопросу, ради которого, собственно, все и затевалось, а конечный вывод был таков: «хотя мы сейчас и не сошлись в том, присутствует ли плотски в хлебе и вине настоящая плоть и кровь Христова, однако каждая сторона должна засвидетельствовать другой христианскую любовь в той мере, в какой это приемлемо для совести каждого»¹⁹. Таким образом, Марбургское собеседование завершилось полным крахом. Кстати, подписи под статьями были представлены в два отдельных столбца, в соответствии с взглядами каждого подписанта, причем Буцер отметил в цвинглианской колонке (Капито в Марбурге не присутствовал), что в той ситуации явилось важнейшей маркировкой его позиции и дополнительным опровержением мнения о его «посреднической» роли. Не случайно, именно Буцеру Лютер адресовал знаменитую фразу: «У вас другой дух, чем у нас» (*Ihr habt anderen Geist, als wir*).

После Марбургского диспута была предпринята уже почти формальная попытка примирения на Аугсбургском рейхстаге 1530 года. Каждая сторона предъявила свои программы, которые не удалось согласовать именно в пункте о евхаристии. Лютер и Меланхтон составили знаменитое «Аугсбургское исповедание» (*Confessio Augustana*)²⁰, а Буцер и Капито в последний раз попытались предложить альтернативный проект — «Исповедание четырех городов» (*Confessio Tetrapolitana*) Южной Германии (Страсбург, Констанц, Мемминген, Линдау), которое в целом было солидарно со швейцарской трактовкой причастия²¹. Цвингли повторил свою аргументацию в особом послании к «славнейшим князьям Германии»²². Однако и на этот раз не удалось достичь консенсуса, тем более что диспутантов он уже не очень интересовал, они лишь стремились окончательно продемонстрировать незыблемость своих взглядов. Одновременно определилась новая политическая диспозиция. Стало очевидным, что элита швейцарских кантонов и верхненемецких городов не в состоянии эффективно конкурировать с формирующимся княжеским абсолютизмом, на который уповали их оппоненты. Возможно, лучшей иллюстрацией этого обстоятельства может служить сопоставление двух статей, посвященных евхаристии — довольно объемной восемнадцатой в «Исповедании четырех городов», с многочисленными ссылками на апостольские послания и знаменитых церковных авторитетов (Августина, Иоанна Златоуста, Аквината)²³ и десятой в «Аугсбургском

исповедании», где Лютер и Меланхтон с торжеством победителей ограничились всего парой фраз: «истинная плоть и кровь Христа действительно присутствует в вечере под видом хлеба и вина.... Следовательно, учения, противоречащие этому, отвергаются»²⁴.

Аугсбургский рейхстаг привел к окончательному размежеванию среди реформаторов. Буцер и Капито, убедившись в бесполезности противостояния Лютеру, смирились с его трактовкой причастия, тем более что вскоре почти одновременно ушли из жизни два виднейших апологета швейцарско-верхненемецкой концепции. В октябре 1531 г. в битве при Каппеле погиб Цвингли, а через месяц в Базеле умер Эколампадий. Очевидно, что у Буцера и Капито не хватило ни решимости, ни уверенности в своих силах для самостоятельного продолжения борьбы. Позднее их фактическая капитуляция была зафиксирована в «Виттенбергском согласии» (Wittenberger Konkordie, 1536)²⁵ с лютеранами, которое завершило распад швейцарско-верхненемецкого лагеря, так как швейцарцы во главе с Буллингером (преемником Цвингли в Цюрихе) остались верны собственному пониманию евхаристии, выдвинув в противовес «Первое гельветическое исповедание (Confessio helvetica prior, 1536)²⁶. В первом упомянутом документе (всего под ним стоят шестнадцать подписей, в том числе Лютера, Меланхтона, Бугенхагена и др., — с одной стороны, Буцера и Капито — с другой) признавалось, что «посредством хлеба и вина истинно и сущностно (wahhaftig und wesentlich) присутствуют, подаются и принимаются тело и кровь Христа»²⁷. Возражая, швейцарцы продолжали настаивать, что плоть и кровь Господа не наличествуют материально в хлебе и вине, но являются «чрезвычайно значимыми (hoch bedütende) святыми символами (waarzeychenn)», через которые верующим дается «истинная общность (gemeinschaft)» с телом и кровью Христа для «духовной и вечной жизни»²⁸. Впоследствии на этой основе, через взаимные уступки, консолидировались и реформированные швейцарские церкви, что отразилось в «Цюрихском консенсусе» (Consensus Tigurinus, 1549) цвинглианского Цюриха и кальвиновской Женевы. Размежевание между немецкими и швейцарскими реформаторами завершилось принятием «Второго гельветического исповедания» (Confessio helvetica posterior, 1566), ставшего символом веры швейцарского протестантизма наряду со знаменитым «Наставлением в христианской вере» (Institutio christianae religionis) Кальвина.

Интересно выяснить также, как реагировали на эту догматическую дискуссию некоторые видные представители неконфессиональной и радикальной реформации, чья позиция во многом зависела от того, какую нишу они занимали в весьма широком спектре радикальных течений, и от конкретного хода событий. Уже упоминалось, что один из немногочисленных интеллектуалов среди перекрещенцев, доктор теологии Бальтазар Губмайер, начав свою деятельность в качестве убежденного цвинглианца, первоначально разделял и цвинглианское понимание причастия. В сочинении «Сумма всей христианской жизни» (1525) он утверждал: «хлеб — это хлеб и вино — это вино, как и иные хлеб и вино, но установленные Христом для призвания и воспоминания.... Следовательно, неопровержимо, что хлеб является не плотью Христа, а лишь воспоминанием о ней. Равным образом, вино — не кровь Христа, но тоже память»²⁹. Однако буквально через год, когда он окончательно примкнул к анабаптизму и повторно крестился, что привело к резкой критике со стороны Цвингли, в работе «Простое наставление о словах: Сие есть тело мое в вечере Христовой», Губмайер заявил, что существует полтора десятка толкований этого евангельского фрагмента и неизвестно, чем руководствуются те, кто отстаивает его символический смысл — «Писанием или собственным [разумением]»³⁰. Очевидно, что столь явная ревизия прежней позиции была вызвана не внезапной мировоззренческой эволюцией, а расхождениями с Цвингли в вопросе о крещении

взрослых, повлекшими за собой и демонстративное отторжение всего, что было связано с бывшим единомышленником. Таким образом, эта перемена имела ситуативный и личностный характер. Взгляды на причастие другого выдающегося анабаптиста-интеллектуала и мистика Ганса Денка были гораздо более принципиальными. Он всегда отстаивал первостепенность «внутреннего слова Божьего», считая, что подлинная плоть и кровь Христа передаются через «невидимые» (unsichtige) хлеб и вино, в результате чего человек будет «укреплен» в праведной жизни и через любовь Божью «полностью обожествлен» (ganz vergottet), а Бог «вочеловечится» (vermensch) в нем³¹. Бесспорно, здесь проявилось воздействие неоплатонической идеи «обужения» и гуманистической этики.

Представители «низового» анабаптизма, не столь отягощенные академической образованностью, уделяли этому вопросу меньше внимания. Он занимал у них подчиненное положение по отношению к главным темам — крещение взрослых и собственная богоизбранность. Один из немногих программных документов анабаптистов, «Семь статей» Якоба Каутца, в четвертом пункте просто констатировал, что «в Господней вечере не присутствует сущностно (wesentlich) плоть и кровь Христа»³². Другой видный лидер анабаптизма, Михаэль Затлер, соглашался, что «в Таинстве [причастия] не наличествует сущностно (wesentlich) тело Господа», давая такое объяснение: поскольку Христос вознесся на небо, то и пребывает там, а не в хлебе, поэтому его нельзя вкушать плотски³³. Его единомышленник Георг Вагнер утверждал, что Бог не может находиться в хлебе, так как хлеб, преломляемый на алтаре, является лишь обычным хлебом³⁴. Таким образом, отвергалась и католическая «транссубстанциация» и лютеровская «консубстанция», что было близко к швейцарско-верхненемецкой позиции, но этот вопрос, как уже было сказано, затрагивался мимоходом. Исключением стал аугсбургский перекрещенец Ганс Лангенмантель, достаточно подробно рассмотревший проблему евхаристии в трех небольших произведениях³⁵. Он указывал на споры по этому поводу и один раз даже упомянул Лютера, не вдаваясь, впрочем, в детали. Его аргументы, порой довольно неожиданные, вкратце сводятся к следующему: вкушать хлеб могут только «предназначенные и призванные» (fürsehen und beuefnen); Христос даже в земной жизни не мог одновременно находиться плотски в двух местах, тем более тысячекратно в причастии после вознесения; поскольку все христиане — члены тела, главой которого является Христос, то они не могут плотски пожирать (fressen) друг друга; после вознесения Господь сидит на небе одесную Бога-Отца и вплоть до второго пришествия не может в каком-либо виде быть на земле (эта мысль повторяется неоднократно и совпадает с мнением Затлера); если тело Христа — хлеб, то последний и был распят на кресте, что совершенно абсурдно³⁶. Автор делает вывод: «в этом таинстве мы, во-первых, вспоминаем о его [Христа] любви к нам; во-вторых, признаем в своем сердце единомышленниками друг друга и Христа... Следовательно, как водное крещение есть внешнее (auswendig) признание внутреннего (inwendig) союза и веры в Бога и его общину,... так и вечеря Господня является внешним признанием внутренней любви сердца, которую мы должны иметь к своим сочленам..., а также воспоминанием о том, что все мы — одно тело в Господе»³⁷.

Является ли это свидетельством прямого влияния Цвингли или каким-то отголоском цвинглианского символического истолкования евхаристии как воспоминания о Тайной Вечере? Нельзя это исключать, тем более что часть перекрещенцев (не только Губмайер, но и «отцы-основатели» анабаптизма Конрад Гребель и Феликс Манц) начинали свою деятельность как последователи цюрихского реформатора. Однако скорее можно предположить некую схожесть взглядов, природа и первооснова которых были различны. Анабаптисты исходили из иных приоритетов: «внутреннее Слово», крещение взрослых, хилиазм

и ожидание скорого второго пришествия, стремление к корпоративному единению своей обособленной «общины избранных».

Особое место среди мыслителей радикального крыла занимает Каспар Швенкфельд. Он отрицал все современные ему религиозные течения, в том числе анабаптизм, с позиций крайнего спиритуализма, полагая, что идея крещения взрослых отвлекает от истинного понимания этого таинства как внутреннего крещения святым Духом. Похожий смысл он вкладывал и в трактовку евхаристии, хотя первоначально поддержал ее символическое цвинглианское истолкование, более того, опубликовал в 1528 г. в Цюрихе памфлет «Опровержение воплощения хлеба» с предисловием самого Цвингли³⁸. Однако по мере того, как окончательно сформировались его спиритуалистические воззрения, он подверг сокрушительной критике не только «Аугсбургское исповедание»³⁹ и «Виттенбергское согласие»⁴⁰, но и отказался признать мемориальное значение причастия. По его мнению, это таинство означает «союз Бога с избранными [людьми]», «внутреннее слушание Слова..., которое запечатлевает в наших сердцах св. Дух, делая нас добровольно подчинившимся народом Божиим»⁴¹.

В заключение, стоит обозначить причины, которые придали спору о Евхаристии столь принципиальную роль:

1) экзегетика стала важным способом самоидентификации реформаторов, что развело их по разные стороны баррикад, но не отменила политической подоплеки их конфликтов. Однако речь в данном случае может идти только о конфессиональной реформации. Радикалы в целом остались индифферентны к этой проблеме, либо не придавали ей серьезного значения, так как главной для них была внутренняя религиозность, а не внешняя обрядность. Следовательно, отстраненность от этой дискуссии можно считать одним из косвенных критериев реформационной «неконфессиональности»;

2) рационалистическая цвинглианская трактовка причастия была впоследствии воспринята Кальвином, а через него — рядом протестантских течений, что содействовало, в том числе, утверждению новоевропейского менталитета;

3) само цвинглианство, поглощенное позднее более универсальным кальвинизмом, осталось в истории во многом благодаря указанной трактовке евхаристии, заимствованной (опять же при посредничестве кальвинизма) некоторыми другими европейскими реформаторами (напр., в Шотландии — Джоном Ноксом);

4) догматический конфликт между швейцарскими и немецкими реформаторами объективно оказался одним из этапов в процессе окончательного формального отделения швейцарских кантонов от Священной Римской империи германской нации, который в реальности начался раньше, а завершился после Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира 1648 г., что уже было отмечено в историографии⁴².

Кроме того, отношение к евхаристии может служить одним из индикаторов разделения реформаторов и северных гуманистов. Многие реформаторы (включая Лютера и Кальвина) начинали как гуманисты. Однако, «уйдя в Реформацию», они занялись утверждением собственной религиозной догмы, а «сто процентные» гуманисты по-прежнему считали главной целью выявление этического содержания христианства. Например, Муциан Руф именно с этических позиций отвергал действительность причастия. Истинной евхаристией для него являлась нравственная жизнь⁴³. Патриарх Северного Возрождения Эразм Роттердамский, ссылаясь на взгляды Цвингли, Капито, Эколампадия, лишь иронически напоминал в обращении к Лютеру о хлопотах, которые «усердно доставляли» тому, в связи с проблемой евхаристии, «корифеи его же (лютеровского. — *В.И.*) сообщества»⁴⁴. По-видимому, эта дискуссия интересовала великого гуманиста только в качестве аргумента в антилютеровской полемике и

осталась ему совершенно чужда как внутренние распри среди реформаторов. Очевидно, что способ самоидентификации и самореализации гуманистов лежал в принципиально иной плоскости.

Наконец, все вышеописанное лишний раз свидетельствует о том, что в эпоху, когда рациональное мышление Нового времени только пробивало себе дорогу, даже сугубо экзегетические разногласия часто могли оказаться важнее, чем безусловные практические выгоды от их преодоления.

Примечания

1. См. напр.: ТЕРТУЛЛИАН КВИНТ СЕПТИМИЙ ФЛОРЕНТ. Избранные сочинения. М. 1994, с. 301.
2. KÖHLER W. Das Marburger Religionsgespräch 1529. Versuch einer Rekonstruktion. Leipzig. 1929; EJUSD. Das Religionsgespräch zu Marburg 1529. Tübingen. 1929; EJUSD. Zwingli und Luther. Ihr Streit über das Abendmahl nach seinen politischen und religiösen Beziehungen. Leipzig-Gütersloh. 1924—1953; KAUFMANN T. Die Abendmahlstheologie der Strassburger Reformatoren bis 1528. Tübingen. 1992. Можно отметить еще некоторые обобщающие работы по истории Реформации последних лет, где отчасти затрагивается эта тема: LUTZ H. Reformation and Gegenreformation. München. 1997; BLICKLE P. Die Reformation im Reich. Stuttgart. 2000; SCOTT D.C. The Reformation in Germany. Oxford. 2002; VOLKER R. Luther, der Ketzer: Rom und die Reformation. München. 2016. Впрочем, они не привнесли ничего принципиально нового в трактовку данной проблемы.
3. OSIANDER A. Gesamtausgabe. Bd. 3. Gütersloh. 1979, S. 404—405.
4. Frohlockung eines christlichen Bruders wegen der Einigung zwischen Martin Luther und Andreas Karlstadt. In: Flugschriften vom Bauernkrieg zum Täuferreich. Bd. 1. Berlin. 1992, S. 102—115.
5. Замечу, что в статье «Вессель Гансфорт» в фундаментальной энциклопедии «Культура Возрождения» (Т. I. М. 2007, с. 389—390), нет ни слова о его взглядах на евхаристию, что лишний раз подтверждает пренебрежение этим вопросом даже в современной отечественной историографии.
6. Huldrych Zwinglis Sämtliche Werke. Bd. 4. Leipzig. 1927, S. 505—519.
7. Ibid., Bd. 8. Leipzig. 1914, S. 84—89.
8. Ibid., S. 567—570.
9. Ibid., S. 569.
10. GÄBLER U. Luther und Zwingli. In: Luther. Zeitschrift der Luther-Gesellschaft. 1984, Hf. 3, S. 109.
11. LUTHER M. Von Abendmahl Christi Bekenntnis. In: WA, Bd. 26. 1909, S. 241—509.
12. См. напр.: OSIANDER A. Unterricht vom Abendmahl. In: Gesamtausgabe... Bd. 2, S. 579—594; EJUSD. Gutachten zur Frage einer Disputation mit Zwingli. Ibid., Bd. 3, S. 361—377; BRENZ J. Ein kurzer Bericht was der recht Brauch sey des Sakraments weins und brots. Frühschriften. Bd. 1. Tübingen. 1970, S. 279—280; EJUSD. Haltung des Aubentmals Christi. Ibid., S. 281—283.
13. BRENZ J. Syngamma Suevicum. In: Frühschriften..., S. 222—278.
14. Eine klare Unterrichtung vom Nachtmahl Christi. In: Huldrych Zwinglis..., Bd. 4, S. 773—862; Das diese Wort Jesu Christi: Das ist mein Leichnam der für euch hingeben wird, ewiglich den alten einigen sinn haben werde. Ibid., Bd. 5. Leipzig. 1934, S. 805—977.
15. Billiche Antwort auf D. Martin Luthers bericht des Sakraments halb. In: Flugschriften vom Bauernkrieg zum Täuferreich (1526—1535). Bd. I. Berlin. 1992, S. 231—243.
16. BUTZER M. Vergleichung D. Luthers und seins gegentheyls vom Abentmal Christi. Dialogus. Das ist eyn freündlich gesprech. In: Martini Buceri opera omnia. Bd. 2. Deutsche Schriften. Gütersloh-Paris. 1962, S. 295—383.
17. Об этом см., напр.: KITTELSON J.M. Martin Bucer and the Sacramentarian Controversy: The Origins of his Policy of Concord. In: Archiv für Reformationsgeschichte. Jg. 64. 1973, S. 166—183; KAUFMANN T. Streittheologie und Friedensdiplomatie. Die Rolle Martin

- Bucers im frühen Abendmahlsstreit. In: *Martin Bucer and Sixteenth Century Europe*. Vol. I. Leiden-New York-Köln. 1993, p. 238—251; FRIEDRICH R. Martin Bucer. Ökumene im 16. Jahrhundert. *Ibid.*, p. 257—268.
18. Unionsformel. In: *Martini Buceri...*, Bd. 4. 1975, S. 358—359.
 19. Die Marburger Artikel. In: *Huldrych Zwinglis...*, Bd. 6 (2). Zürich. 1968, S. 523.
 20. Das Augsburger Bekenntnis. Göttingen. 1988.
 21. *Confessio Tetrapolitana*. In: *Martini Buceri...*, Bd. 3. 1969, S. 37—185.
 22. *Ad illustrissimos Germaniae principes Augustae congregatos de convitiis Eccii epistola*. In: *Huldrych Zwinglis...*, Bd. 6 (3). Zürich. 1983, S. 231—291.
 23. *Confessio Tetrapolitana...*, S. 123—134.
 24. Das Augsburger Bekenntnis..., S. 28.
 25. Die Wittenberger Konkordie. In: *Martini Buceri...*, Bd. 6 (1). Gütersloh. 1988, S. 120—129.
 26. *Confessio helvetica prior*. In: *Die Bekenntnisschriften der reformierten Kirche*. Bd. 5 (1). Leipzig. 1999, S. 101—109. См. также: FRIEDRICH M. Heinrich Bullinger und die Wittenberger Konkordie. Ein Ökumeniker im Streit um das Abendmahl. In: *Zwingliana*, Bd. 24. 1997, S. 59—79.
 27. Die Wittenberger Konkordie..., S. 121—123.
 28. *Confessio Helvetica prior...*, S. 107.
 29. Eine Summe eines ganzes christlichen Lebens. In: HUBMAIER B. *Schriften*. Gütersloh. 1962, S. 113—114.
 30. Ein einfältiger Unterricht auf die Wort: Das ist der Leib mein, in dem Nachtmahl Christi. *Ibid.*, S. 290—291.
 31. DENCK H. *Schriften*. Religiöse Schriften. Gütersloh. 1956, S. 25.
 32. *Flugschriften vom Bauernkrieg...*, S. 703.
 33. *Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter*. Leipzig. 1938, S. 38.
 34. *Ibid.*, S. 40.
 35. *Ibid.*, S. 126—136.
 36. *Ibid.*, S. 128—132.
 37. *Ibid.*, S. 133.
 38. *Confutatio Impanationis*. In: *Corpus Schwenckfeldianorum*. Vol. 3. Leipzig. 1913, S. 1—23.
 39. *Ibid.*, S. 859—940.
 40. *Ibid.*, Vol. 5. Leipzig. 1916, S. 507—516.
 41. *Ibid.*, Vol. 3, S. 539, 541. Об эволюции взглядов Швенкфельда на евхаристию см. MCLAUGHLIN R.E. The Genesis of Schwenckfeld's Eucharistic Doctrine. In: *Archiv für Reformationsgeschichte*. Jg. 74. 1983, S. 94—121.
 42. RUSCH E.G. Im Ringen um die Glaubenseinigkeit. Vadians Brief an Bullinger vom 2. November 1536. In: *Zwingliana*. 1983/1, Bd. XVI, Hf. 1, S. 19—34; GAUSS J. Etappen zur Ablösung der reformierten Schweiz vom Reich. *Ibid.* 1990/1. Bd. XVIII, Hf. 3, S. 234—255.
 43. ВОЛОДАРСКИЙ В.М. Эрфуртские гуманисты и реформация. В кн.: *Культура эпохи Возрождения и Реформация*. Л. 1981, с. 157.
 44. ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ. *Философские произведения*. М. 1986, с. 547—548.

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2017 году

От редакции № 8

СТАТЬИ

- Антонов В.А. — «Воссоединение Украины с Россией» и «присоединение Украины к России» в 1654 г. в источниках XVII в. № 4
- Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. — Поиск «масонского заговора» и кризис правой идеологии в предреволюционной России № 9
- Ермолаев А.Н., Петров А.Ю. — Торговые отношения Российско-американской компании с Китаем во второй половине XIX в. № 6
- Зорин А.В. — Официальный визит президента Э. Бенеша в США в 1943 г. № 5
- Кокошин А.А. — «Фактор ПРО» во взаимоотношениях СССР и США в 1970-е гг. № 11
- Кондратова Г.А. — Династия Рюриковичей московского периода: философско-исторический анализ № 3
- Лигенко Н.П. — Формирование предпринимательского капитала в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. № 12
- Майоров А.В. — Открытие Н.М. Карамзиным Ипатьевской летописи № 1
- Омельяничук И.В. — Монархисты в 1905—1917 гг.: от триумфа к катастрофе № 7
- Разиньков М.Е. — Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917—1922 гг. № 10
- Фёдоров С.Е. — Генезис британской аристократии в начале XVII в. № 8
- Циткилов П.Я. — Историко-социологический облик российской патриархальной семьи № 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Алентьева Т.В. — Амос Кендалл № 2
- Белоус С.Г. — Тимофей Иванович Седельников № 6
- Виталь В.А. — Иван Яковлевич Лайдонер № 12
- Ивонина Л.И. — Август Сильный № 8
- Матвеев О.В. — Александр Григорьевич Рыбальченко № 4
- Миринова Е.М. — Евгений Васильевич Саблин № 1
- Михальченко С.И. — Фёдор Васильевич Тарановский № 9
- Нестеренко А.Н. — Князь Мстислав Мстиславич Торопецкий (Удалой) № 11
- Сидоров А.Н. — Николай Иванович Лазаревич .. № 10
- Сироткина Е.В. — Дьюла Андраши № 7
- Соловьёв Ю.П. — Иван Григорьевич Щегловитов № 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Давыдов А.Ю. — «Союз труда и искусства» — опыт конструирования социальной гармонии в позднем СССР № 2
- Колотов В.Н. — Идеология Хо Ши Мина против французской стратегии молниеносной войны № 6
- Синицын Ф.Л. — Политическое положение на оккупированной территории СССР в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) № 7
- Суслопарова Е.А. — Советская Россия в 1920 г. глазами англичанки Этель Сноуден № 9

ПУБЛИКАЦИИ

- СССР в оценках британской военной миссии в Москве (лето-осень 1945 г.). Публикация документов подготовлена Магадеевым И.Э. № 5

СООБЩЕНИЯ

- Азаматова Г.Б. — Местные органы продовольственного снабжения армии и населения в 1914—1917 гг. (по материалам Уфимской губернии) № 8
- Андреев А.Н., Андреева Ю.С. — Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. № 7
- Беляев М.П. — У истоков прусского милитаризма № 9
- Блуменану С.Ф. — Учредительное собрание Французской революции XVIII в. и исполнительная власть № 4
- Болдырев Р.Ю., Невский С.И. — Советская репарационная политика в Германии в 1945—1953 гг. № 3
- Бухаренкова О.Ю., Егоров В.Г. — Ремесло как феномен городского быта России второй половины XIX в. № 7
- Васильев Д.В. — Судьба Ташкента накануне образования Туркестанского генерал-губернаторства № 8
- Велиханлы Н.М. — Еще раз о пределах Азербайджана в IX—X вв. № 9
- Волков В.В. — Экономическое положение крестьян в России в конце XIX — начале XX в. ... № 10
- Горская Н.И. — Волостные суды конца XIX — начала XX в. (по материалам Сычевского уезда Смоленской губернии) № 5
- Гребенюк П.С. — Экономическая эффективность золотодобычи Дальстроя (1932—1956) № 9
- Греков Н.В. — Организация агентурной разведки спецгрупп НКВД-НКГБ в тылу противника. 1941—1944 гг. № 2
- Ещенко Ю.Г., Красноженова Е.Е. — Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны на Юге России № 10
- Иванов А.А. — Дуэльные злоключения Ф.И. Родичева № 7
- Искендеров П.А. — Албанские восстания 1908—1912 гг. в контексте формирования албанской государственности № 8
- Ищенко А.С. — Византийское наследие Владимира Мономаха № 5
- Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. — Итоги ратной службы и анализ потерь земского ополчения в 1812—1814 гг. № 11
- Кикнадзе В.Г. — Развитие радиоразведки отечественного Военно-Морского Флота в первой половине XX в. № 12
- Ким Ю.В. — Усадьбное хозяйство Мусиных-Пушкиных в XIX — начале XX в. № 4
- Кондратьев А.Г. — Кагуляры во Франции в 1930-х — 1940-х гг. № 5
- Конышев Д.Н. — Время «оттепели» 1953—1964 гг. как эпоха дворцовых переворотов № 2
- Куликова Ю.В. — Бунт наместников на Дунае в середине III в. № 2
- Лазарев Я.А. — Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. № 3
- Литвинов П.П. — Учреждение царской «охранки» в Русском Туркестане № 2
- Максимов К.Н. — Германская оккупационная политика в Калмыкии в августе-декабре 1942 г. и ее последствия № 1
- Малето Е.И. — Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг. и великое княжество Московское № 11
- Мальцев И.А. — Дело об «отсуждении из рабства» джунгара А. Алексеева № 8
- Манойленко А.С., Манойленко Ю.Е. — «Борьба за дворянство» лиц иудейского исповедания в Российской империи в XIX — начале XX в. № 7
- Маньков А.В., Минеева Е.К. — Российский революционный терроризм № 7
- Марасинова Е.Н. — Покаяние в России в XVIII в. № 6
- Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. — Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. № 1
- Мистрюгов П.А. — Судьбы «бывших» в российской провинции в годы гражданской войны (1918—1920 гг.) № 12
- Полунин Е.С., Теплухин В.В. — Секретная немецкая летная школа и испытательный центр в Липецке в 1925—1933 гг. № 5
- Попп И.А. — Крестьянская юстиция в пореформенный период № 9
- Рожков В.Н. — Происхождение названия Москва в контексте средневековой истории Волго-Окского междуречья № 9
- Сабанчиев Х.-М.А. — Золотая Орда и народы Северного Кавказа № 10
- Слезин А.А. — «Легкая кавалерия» комсомола на рубеже 1920-х — 1930-х гг. № 12
- Тимкин Ю.Н. — «Лапинская авантюра» в Вятке в марте 1918 г. № 8
- Тихонова А.В. — Участие швейцарцев в войне 1812 г. в составе Великой армии Наполеона — Свидетельства «русских швейцарцев» о революционных событиях 1917 г. № 6
- Тырсенко А.В. — На пути к Брюмеру № 12
- Федин А.В. — Экономические основы иезуитской миссионерской деятельности в Новой Франции в первой половине XVII в. № 10
- Фёдоров Н.В. — Вооруженные формирования Гоминьдана в Индокитае после окончания гражданской войны в Китае № 1
- Филатов В.В. — Сельскохозяйственный налог на Урале накануне массовой коллективизации № 6
- Черкасова М.С. — Брак и семья в Московской Руси в XVI—XVII вв. № 11

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Гасратян С.М. — Отношения Израиля с Марокко и конфликт на Ближнем Востоке № 3
- Гезалова Н.Р. — Заключение Туркманчайского мирного договора и политика Великобритании № 9
- Дербенёв А.С. — Становление внешней политики США в Аравийском регионе № 2
- Долгилевич Р.В. — Советская дипломатия и «защитные мероприятия» ГДР в отношении Западного Берлина в 1968 г. № 10
- Жерлицына Н.А. — Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX — начале XX в. № 4
- Занина В.А. — История первой русской консульской миссии на османском Крите в 1784—1787 гг. № 3
- Искендеров П.А. — Сербо-албанский конфликт осени 1913 г. и европейская политика № 4
- США и албанское национальное движение 1878—1918 гг. № 10
- Великие державы и становление албанской государственности в 1913—1914 гг. № 12
- Исмагилова Р.Н. — Эфиопия: история сомали № 9
- Панин С.Б. — Охрана, разведка и обеспечение жизнедеятельности на российско-афганской границе (1900—1918 гг.) № 6
- Петров И.А. — Хайдарабад в системе британского правления в Индии № 8
- Филитов А.М. — Треугольник Москва-Берлин-Бонн и политика европейской разрядки в 1969—1970 гг. № 1

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Бакулин В.И. — Историческая концепция Б.Н. Митронова как предмет научной дискуссии № 2
- Войтиков С.С. — Объявление массового красного террора 2 сентября 1918 г. — инициатива масс или единоличный акт Я.М. Свердлова? ... № 7
- Дугин А.Н. — Шифротелеграмма И.В. Сталина от 10 января 1939 года (источниковедческий анализ) № 1
- Задорожнюк Э.Г., Задорожнюк И.Е. — Становление истории идей: три труда между двумя войнами и двумя революциями № 12
- Карпов Г.М. — Два мнения о Петре Великом и «загадка» Карамзина № 10
- Прядеин В.С. — О некоторых дискуссионных методологических (наукоедческих) вопросах исторических исследований № 2
- Сахаров А.Н. — «Расстоптанный Февраль» (воспоминания) № 4
- Тетуев А.И. — Региональные особенности демографических и миграционных процессов в российском обществе № 12

- Хавкин Б.Л. — Немецкие «финансовые потоки» русской революции № 10
- Чой Ч.Х. — Об одном малоизвестном князе в истории Северской земли Киевской Руси конца XII — начала XIII в. № 8

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Высочков Л.В. — Николай I: портрет в миниатюре № 1
- Зданович А.А. — Британская военно-морская разведка в Петрограде в 1918 г. № 11
- Избасарова Г.Б. — М.В. Ладьженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи № 12
- Измозик В.С. — И.Ф. Манасевич-Мануйлов: конец биографии № 5
- Назаренко К.Б., Смирнова М.А. — Неизвестный летописец русской гвардии В.С. Савонько № 8
- Петрова М.А. — П.А. Левашёв и его сочинение «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров» № 4
- Почекаев Р.Ю. — Султан Салык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи № 5
- Фёдоров П.В. — Из истории просвещенной бюрократии в дореформенной России: Н.П. Чичагов № 6
- Юдин Е.Е. — Промышленно-финансовая буржуазия и богатейшие фамилии русской аристократии в 1890—1914 гг. № 4

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Абдусаламов М.-П.Б., Кидирниязов Д.С. — Дагестанский вектор во внешней политике России в 60-е гг. XVIII в. № 10
- Абинякин Р.М. — Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920—1922 гг. № 3
- Агаев Р.Э. — Переселенческая политика Арабского Халифата в Азербайджане № 8
- Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. — А.М. Будковский о Засулакской Кумыкии № 2
- Бахрамов Д.А. — Развитие нефтяной промышленности Азербайджанской ССР в 70—80-е гг. XX в. № 3
- Белков А.Н. — «Боевой путь» — печатный орган русских карателей № 1
- Божич А.С. — Сдача крепости Порт-Артур 20 декабря 1904 г. № 7
- Вагабова Э. — Зарождение театра в Северном Азербайджане в конце XIX — начале XX в. ... № 1
- Вейсалова В.Р. — К вопросу об искусственном орошении в Азербайджане в конце XIX в. ... № 12
- Виноградов С.Е. — Попытка создания в России большого ковочного завода в 1915—1917 гг. № 12

- Володько А.В. — Англо-российская Конвенция 1907 г. № 4
- Галиева Ф.Г. — Антирелигиозные праздники в Башкирии в 1923 г. № 6
- Гордина Е.Д. — Детские дома в Горьковской области в послевоенный период (1946—1948 гг.) № 12
- Документ Центрального государственного архива Республики Дагестан о рабстве в Дагестане в начале 1860-х гг. Публикация подготовлена Гусейновым Г.М. и Доного Х.М. № 12
- Дашкевич Л.А. — Уральские заводы в условиях санкций (опыт Нижнетагильского округа Демидовых начала XIX в.)..... № 8
- Джабаров Ф.Р. — Деятельность князя И.Г. Амилахвари на посту Бакинского временного генерал-губернатора в феврале-июне 1905 г. ... № 6
- Егоров С.Г. — Проведение денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 г. в городах Кировской области № 2
- Ерофеев Н.Д. — Денежные вклады населения в государственных сберегательных кассах России в 1907—1913 гг. № 4
- Зотова А.В. — Советская система страхования в условиях Великой Отечественной войны № 9
- Игнатова Н.М. — Феномен ударного и стахановского труда спецпереселенцев № 3
- Исмаилзаде С.Д. — Политическая и военная деятельность кипчаков на Южном Кавказе в XI—XIII вв. № 11
- Капчинский О.И. — Противоречия между ОГПУ СССР и Наркомпросом РСФСР в сфере кинематографии № 3
- Касаткина Е.Б., Машковцев А.А. — Польские и кавказские ссыльные в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в. № 12
- Керимов Б.Б. — Административная система управления Ленкоранского уезда в XIX — начале XX в. № 12
- Керимова М.М. — Российская диаспора в Словении после 1990-х гг.: этнокультурный аспект № 10
- Колосовская Т.А. — Кавказский военно-исторический музей: от сохранения памяти к забвению № 9
- Кривошеев Ю. В. — Неизвестные страницы биографии востоковеда А.Ю. Якубовского № 1
- Курышев И.В. — Деструктивное поведение сибирских партизан и повстанцев в годы Гражданской войны № 7
- Магарамов Ш.А. — Дербент в каспийской морской торговле № 11
- Магомедсалихов Х.Г. — Советская модернизация в Дагестане в 1917—1940 гг. № 8
- Маратканов В.А. — Кузница кадров оружейных мастеров № 5
- Миронов В.В. — Розыск дезертиров в Австро-Венгрии во время первой мировой войны № 11
- Назаров В.Н. — Развитие Прибалтийской железнодорожной системы в сентябре 1939 — июне 1941 г. № 11
- Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. — Образ высшей власти и Московии в музыкально-гимнографическом творчестве царя Ивана IV Грозного № 8
- Пислегин Н.В. — Кумышка в политике Российского государства в отношении удмуртов в конце XVIII — начале XX в. № 2
- Погадаев В.А. — Правитель яванского государства Сингасари Раджаса (1182—1227) № 6
- Поляков В.А. — История выселения революционера-помещика В.А. Аверьянова в 1925—1927 гг. № 9
- Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. — Теория фронта о начале второй мировой войны № 1
- Рычков А.В. — Случай политического протеста в сибирском НИИ в 1957 г. № 5
- Сечжин Чжун — Причины и ход Кавказской войны в XIX в. № 7
- Супоницкая И.М. — Предатели и жертвы в эпоху маккартизма № 5
- Фокин А.А. — Советские выборы 1960-х гг. как механизм взаимодействия власти и населения № 6
- Хаховская Л.Н. — Первоначальная коллективизация в оленеводстве на Чукотке (1931—1933 гг.) № 7
- Хисамутдинов А.А. — Русский клин в «желтые страны» № 4
- Черноухов Э.А. — «Письма из Тагила» П.В. Рудановского № 10
- Чернышёва Н.В. — Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Кировской области в годы Великой Отечественной войны № 8
- Шариков А.Г. — Чехословацкий мятеж в Пензе по воспоминаниям очевидцев № 1
- Шилов В.В. — Березниковский магниевый завод в годы второй мировой войны № 4

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Ершов Б.А., Фурсов В.Н. — История развития миссионерского служения Русской православной церкви № 6
- Иванов В.В. — Споры о евхаристии и «религиозное собеседование» в Марбурге 1529 г. № 12
- Машковцева В.В. — Миссионерская деятельность православного духовенства Вятской губернии среди старообрядцев во второй половине XIX в. № 3
- Скутнев А.В. — Идеалы и установки духовного сословия в XIX — начале XX в. № 11
- Сулаев И.Х. — Политические репрессии против мусульманского духовенства в Советском Дагестане в 1920—1930-е гг. № 11

Терёшина О.В. — Экзархат Русской православной церкви в США во время второй мировой войны № 5

ИСТОРИОГРАФИЯ

Белова И.Б. — Основные проблемы российского беженства 1915—1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии № 11

Комарков А.Ю. — Военно-морской ленд-лиз и союзнические поставки флоту в 1941—1945 гг. в отечественной историографии № 5

Крих С.Б. — Феномен периферийности в советской историографии № 10

Назарли А.Э. — Действия XI Красной армии в Северном Азербайджане в азербайджанской историографии № 11

Стась И.Н. — Историческая урбанистика на Урале: научные школы и основные направления исследований № 4

РЕЦЕНЗИИ

Арзаканян М.Ц. — Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века № 6

Зверева Т.В. — Е.А. Осипов. Франция и развитие процесса разрядки (1965—1975 гг.) № 2

Ивонин Ю.Е. — Х. Духхардт. 1648. Год широких заголовков. Европа между кризисом и разломом № 3

Кодин Е.В. — Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921—1953 гг. № 11

Кононенко А.А. — Х. Иммонен. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952); А.И. Аврус, А.А. Голосеева, А.П. Новиков. Виктор Чернов: судьба русского социалиста № 5

Крестьянников Е.А. — Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография № 2

Кунц Е.В. — Б.С. Каганович. Евгений Викторович Тарле. Историк и время № 11

Михайлов А.А. — М.В. Владимирский. Красный Крым 1919 года № 3

Михайлов В.В. — В.И. Голдин. Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века ... № 5

Судовиков М.С., Рафиков А.М. — Н.М. Валеев. К.И. Невоструев: творческая биография ученого. Переписка № 1

Филитов А.М. — Существовали пакт Сталина-Гитлера? Характер, значение и интерпретация германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года № 10

Юнгблюд В.Т. — Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование № 1

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 2017 году № 12

Contents

Articles: **N.P. Ligenco**. Formation of entrepreneurial capital in the Russian province in the second half of the XIX — early XX century. Historical profiles: **V.A. Vital**. Ivan Jakovlevich Laydoner. Contributions: **A.A. Slezin**. The «Light cavalry» of the Komsomol in the 1920-s — beginning of 1930-s; **V.G. Kiknadze**. Development of radio reconnaissance of the Russian Navy in the first half of the XX century; **P.A. Mistryugov**. The destinies of the so-called «former people» in Russian provinces in the Civil war years (1918—1920); **A.V. Tyrsenko**. On the way to the Brumaire. Diplomacy in history: **P.A. Iskenderov**. Great Powers and Albanian statehood formation in 1913—1914. Debatable issues: **A.I. Tetuev**. Regional features of demographic and migrant processes in Russian society; **E.G. Zadorozhnyuk, I.Je. Zadorozhnyuk**. Genesis history of ideas: three works between two wars and two revolutions. History and fates: **G.B. Izbassarova**. M.V. Ladyzhensky as one of the developers of the regional policy of the Russian Empire. People. Events. Facts: **E.D. Gordina**. Children's homes in the Gorky region in the post-war period (1946—1948); **S.E. Vinogradov**. An attempt to create a large forging plant in Russia in 1915—1917; **E.B. Kasatkina, A.A. Mashkovtcev**. Polish and Caucasian exiles in Vyatka province in the second half of the XIX — early XX century; **G.M. Guseynov, Kh.M. Donogo**. A document of the Central State Archive of the Republic of Dagestan on slavery in Dagestan in the early 1860s; **B.B. Kerimov**. The administrative system of the Lankaran Uyezd in the XIX — early XX century; **V.R. Veysalova**. On the issue of artificial irrigation in Azerbaijan in the late XIX century. From history of religions: **V.V. Ivanov**. Disputes about the Eucharist and the «religious interview» in Marburg in 1529. **Index of articles published in 2017**.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 12, 2017

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.11.2017. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 3937-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**